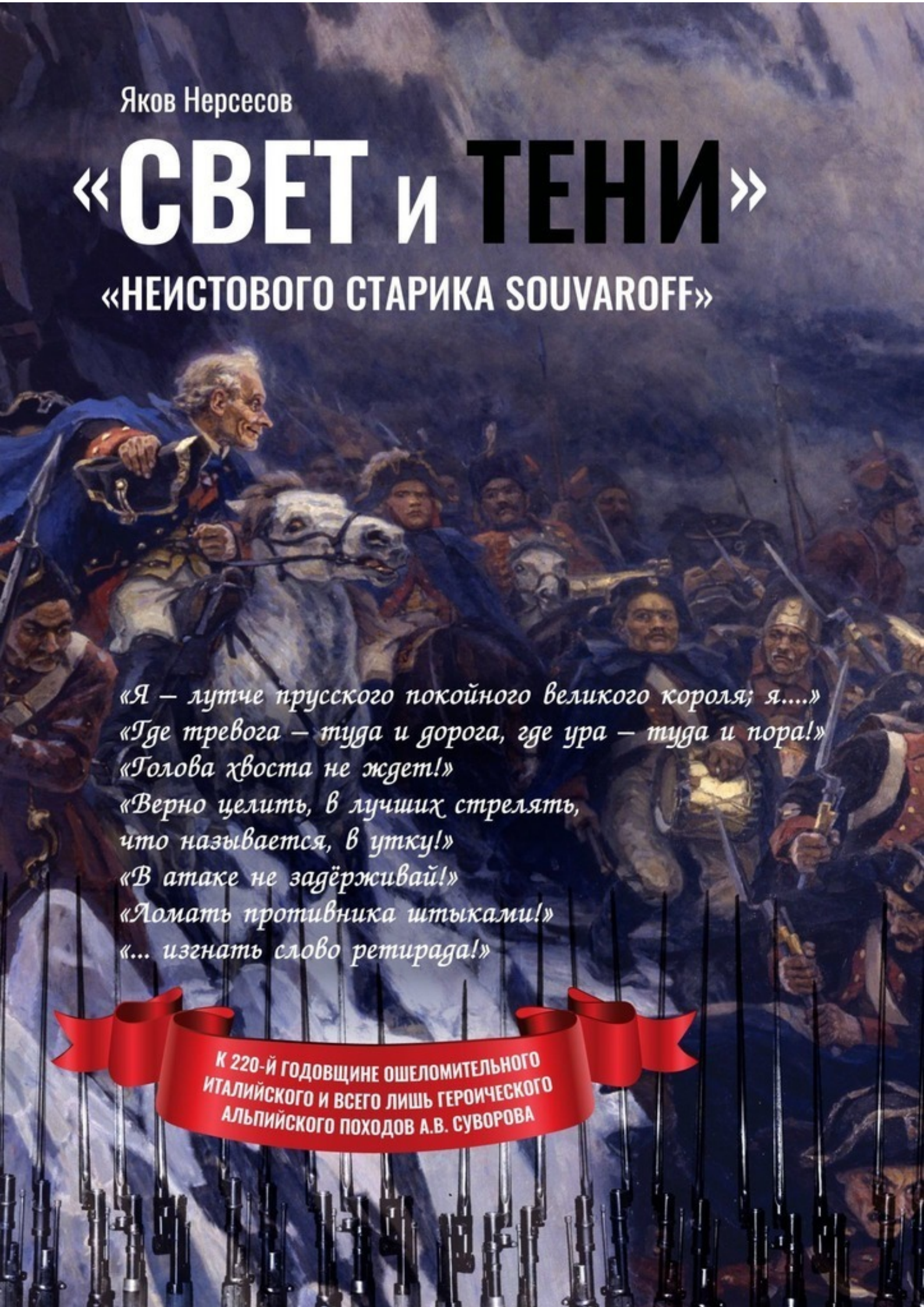

Яков Нерсесов

«СВЕТ И ТЕНИ»

«НЕИСТОВОГО СТАРИКА SOUVAROFF»

*«Я — лучше прусского покойного великого короля; я....»
«Где тревога — туда и дорога, где ура — туда и пора!»
«Голова хвоста не ждёт!»
«Верно целить, в лучших стрелять,
что называется, в утку!»
«В атаке не задерживай!»
«Ломать противника штыками!»
«... изгнать слово ретирада!»*

К 220-й ГОДОВЩИНЕ ОШЕЛОМИТЕЛЬНОГО
ИТАЛИЙСКОГО И ВСЕГО ЛИШЬ ГЕРОИЧЕСКОГО
АЛЬПИЙСКОГО ПОХОДОВ А.В. СУВОРОВА

Яков Нерсесов

**«Свет и Тени» «неистового
старика Souvaroff»**

«Издательские решения»

Нерсесов Я.

«Свет и Тени» «неистового старика Souvaroff» / Я. Нерсесов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966199-9

Эта книга посвящена судьбе одной из самых культовых личностей в российской истории — Александру Васильевичу Суворову — «иконе №1» русского полководческого искусства. Все, что мы знаем о нем, либо слишком залакировано, либо «утонуло» в «небывальщине». Словесно-фактологическая полемика о «русском Марсе» продолжается до сих пор! Не будем пытаться ее подытоживать, а просто совершим «путешествие по крутым волнам» богатой на события биографии лучшего отечественного полководца за всю историю!

ISBN 978-5-44-966199-9

© Нерсесов Я.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Его Восхождение	8
Глава 1. «...Я – лутче Прусского покойного великого короля; я, ...»	8
Глава 2. «Наука побеждать»	14
Глава 3. Как бригадир Суворов в Польше «руку набивал»	19
Глава 4. Полководец Суворов – человек-«чудак»?!	33
Глава 5. Дела семейные – дела неласковые	41
Глава 6. Почему	47
Глава 7. Любимец Фортуны! «Отец солдата»!! «Российский Нестор»!!!	50
Глава 8. Румянцевские победы – Рябая Могила, Ларга и Кагул!	56
Глава 9. Как два	65
Глава 10. Как дряхлый «бабушкин орел» очень во время «вышел из Большой Игры-Войны», затеянной ее лукавым и амбициозным внучком...	75
Конец ознакомительного фрагмента.	90

«Свет и Тени» «неистового старика Souvaroff»

Яков Нерсесов

Научно-популярная серия «Свет и тени мгновений судьбы».

Автор выражает свою признательность Рявиной Марии Эдуардовне и Турушкиной Анастасии Владимировне за творческий подход к оформлению его книги. Особая благодарность дизайнеру Марии Александровне Бангерт за исключительно ёмкие и доходчивые обложки всех моих книг – автор, к.и.н. Я.Н. Нерсесов.

© Яков Нерсесов, 2019

ISBN 978-5-4496-6199-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

8 апреля 2019 г. – знаменательная дата в истории российского государства!

8 апреля 1783 г. – Екатерина II Великая подписала судьбоносный манифест о присоединении Крыма к России, в которое мирным путем (умелыми демонстрациями «военных мускулов» и другими мероприятиями) внес свою лепту и Александр Васильевич Суворов!

8 апреля 1799 г. – 220 лет назад – началась ошеломляющая Итальянская кампания А. В. Суворова!

А 28 августа 2019 г. будет такая же «круглая дата» с начала его «лебединой песни» – Швейцарского похода!

«Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают...»

«Недоверчивость – мать премудрости!»

«Удивить противника – значит победить его!»

«Надо уметь бить, а не царапать!»

«Всякая стрельба кончается штыком!»

«Время драгоценнее всего!»

«Одна минута решает исход баталии, один час – успех кампании, один день – судьбы империи!»

«Я действую не часами, а минутами!»

«Мгновение дает победу!»

А. В. Суворов

*И это лишь малая толика ёмких суворовских высказываний, характеризующих его понимание сути **Войны** и «всего того», что ей сопутствует...*

...Лишь на время, лишь на миг, лишь на мгновение мы все оказываемся на этой маленькой, но такой прекрасной планете, чье имя – Земля! Из этих мгновений – наших жизней – и складывается история, история человечества!! Огромное значение играют мгновения из жизни великих людей, чьи причудливые судьбы наложили свой неизгладимый отпечаток на историю планеты Земля!!!

Эта книга посвящена канувшему в вечность мгновению – судьбе – одной из самых культовых (например, наряду с «былинным» Александром Невским или сугубо кармическим Иоси-

фом Виссарионовичем Джугашвили) личностей в российской истории – Александру Васильевичу Суворова – своего рода «иконе № РАЗ» русского полководческого искусства.

Все, что мы знаем о нем либо слишком залакировано, либо «утонуло» в «небывальщине», тем более, что сам полководец, в том числе, своим неординарным поведением, был не чужд плодить легенды, мифы, слухи, сплетни, небылицы, а, порой, и откровенные «гадости» о себе. По крайней мере, так было принято считать долгое время. Так сложилось, что на протяжении двух последних веков Суворова зачастую живописали неким чудаковатым простаком. Тем более, что он был всецело поглощен своим кровавым ремеслом/смертоносным искусством и по определению не мог быть эдаким «мягким и пушистым» ангелом. Ведь он и сам говорил, что в армии: «дружба – дружбой, а служба – службой».

Поскольку у каждого, как известно, своя правда, а истина лежит где-то по середине (причем, *где – эта середина* – вот в чем вопрос?), то, скорее всего, Александр Васильевич был одной из ипостасей «Дитя Войны» или «Человека Войны» (*кому, как нравится*) со своими столь присущими подобным людям «извилинами, закавыками и причудами», обусловленными суровой необходимостью эффективно (*а не только эффектно!*) посылать массу людей на смерть ради победы. («Победа – враг войны!» – любил повторять он.) А этот «божий дар» дан отнюдь не каждому военачальнику и А. В. Суворов – один из очень немногих полководцев в истории человечества, у которого она достигалась не количеством «солдатушек-бравых ребятушек», а их качеством.

Словесно-фактологическая полемика о «русском Марсе» или, «неистовом старике Souvaroff», как его почтительно прозвали не единожды битые им молодые и одаренные генералы революционной Франции, продолжается до сих пор! Не будем пытаться ее подытоживать («*на вкус и цвет, советчиков – нет!*»), а просто совершим «путешествие по крутым волнам» богатой на события биографии, безусловно, лучшего отечественного полководца за всю ее многоликую историю!

Причем, в книге первой о Суворове – «Свет и Тени» «Русского Марса» А. В. Суворова – мы познакомились с судьбами одного из его кумиров (*шведского короля-викинга Карла XII*) и современника-противника (*прусского короля-полководца-музыканта-«философа» Фридриха II*), с которыми у Суворова, если по внимательнее приглядеться, было немало общих черт, как на поле боя, так и в быту...

Если Вы прочтете и эту книгу, то, возможно, у Вас сложится свой взгляд на Александра Васильевича Суворова – человека, гениального (**хотя сегодня весьма модно подвергать это сомнению, в основном, со стороны «наполеоноведов» и «бонапартистов»**), чьи поступки, не входящие в обычные рамки жизни, зачастую не поддавались логическому осмыслению, поскольку, как известно, «**гений** – это такая власть, в которой находится... человек».

Хотите – верьте, хотите – нет, но если, все же, учитывать это определение гениальности, то немало, как из написанного о «русском Марсе», так и ему приписываемого, более или менее проясняется...

Впрочем, каждый вправе сам «увидеть» «Свет» и поискать «Тени» – если они, конечно, найдутся. Тем более, что «о вкусах – не спорят»...

Автор, к.и. н. Я.Н.Нерсесов

Светлой памяти моей дорогой бабушки – к.и.н., профессора, зам. зав. кафедрой истории СССР АОН при ЦК КПСС, Зои Антоновны Астапович, посвящая...

Человек растет с детства

(Древнеперсидская поговорка)

Все дело в мгновении: оно определяет

жизнь

(Кафка)

**Свет показывает тень, а правда —
загадку**

(Древнеперсидская поговорка)

**Мой долг передать все, что мне известно,
но, конечно, верить всему не обязательно...**

(Геродот)

Часть I. Его Восхождение

Глава 1. «...Я – лутче Прусского покойного великого короля; я,...»

Образцовая армия прусского короля-полководца Фридриха II Великого не единожды сходилась с русскими в масштабных кровавых сшибках-мясорубках Семилетней войны, в частности, под Гросс-Егерсдорфом, Цорндорфом, Пальцигом и Кунерсдорфом, после чего, либо расходилась с ними «в ничью» либо просто «исчезала» с поля боя. С той поры прусский король-солдат их возненавидел, но и зауважал. Более того, с вступлением в войну России Пруссия сделалась театром войны. Из-за русских неприятель начал проникать во все ее концы.

Благодаря хлопотам своего отца – в ту пору главного полевого интенданта русской армии – премьер-майор (4.IX.1756; вокруг дат производства в чины немало разночтений: *здесь и далее я их даю по сведениям одного из самых авторитетных современных биографов А. В. Суворова – Вячеслава Сергеевича Лопатина*) Александр Васильевич Суворов оказался на той грандиозной по меркам тогдашней Европы войне под началом генерал-фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина (18 [28].6.1694, Москва — 30.8. [10.9.] 1767, Москва). Правда, на театр военных действий ему долго попасть не удавалось: Бутурлин, у которого служил Суворов-младший, был один из пяти членов конференции, пытавшийся управлять войной издали (не покидая двора) – из Санкт-Петербурга.

Вот и пришлось шуленькому и на вид невзрачному, но крайне амбициозному (*правда, это свое качество он тогда еще наглядно и рьяно не демонстрировал окружающим*) Александру Васильевичу – подполковнику (с 9.X.1758) Куринского пехотного полка – заниматься формированием маршевых батальонов для войны с прусским королём, а не сражаться с этим самым популярным полководцем середины XVIII века (*века менуэта и «опасных связей»*), стремившимся довести линейную тактику на поле боя до совершенства. На посту коменданта Мемеля (1758 г.) он демонстрирует столь превосходную распорядительность, что в конце концов (в 1759 г.) получает такое желанное для него предписание отбыть на фронт волонтером в корпусе (бригаде) князя Мих. Никит. Волконского (9 [20].10.1713, Москва – 8 [19].12.1788, там же).

...*Между прочим*, побывав «в шкуре» волонтера, Суворов всю свою долгую и смертельно опасную карьеру потом по особому привечал этих своих «братьев по оружию» (волонтеров), зачастую определяя их в офицеры при полках сверх штата, используя в самых горячих «шармицелях» (*стычках и встречных боях, где исход боя непредсказуем и все решает отвага и сообразительность*), охотно награждая их за смекалку и отвагу. Знал Александр Васильевич цену боевым офицерам, а не придворным шаркунам – во все времена исправно делавшим карьеру на лакированных паркетах и в затемненных будуарах влиятельных метресс...

Боевое крещение Суворов получил в Силезии, не раз отличаясь в конных разведках, в частности, под прусским Кроссеном (14 июля 1759 г.?), где он впервые увидел все «прелести» (ужасы) войны воочию. Правда, подлинные детали тех конных поисков зачастую остались для нас «за кадром».

Ожесточенные сражения под Гросс-Егерсдорфом и Цорндорфом «прошли» мимо него: охочий до воинской славы (*и это еще очень лояльно выражаясь*) Суворов-младший с завистью слушал байки участников этих кровавых побоищ без решительного результата. Зато в разгроме Салтыковым войск Веделя он уже поучаствовал сполна, координируя их действия в рамках замыслов главнокомандующего. Тогда как в знаменитейшем Кунерсдорфском сраже-

нии (по крайней мере, с точки зрения российской историографии; в западной литературе – выше ставится шедевральная Лейтенская битва) он принимал участие как дежурный офицер-порученец генерал-аншефа Виллима Виллимовича Фермора, (28.9.1702, Псков – 8.2.1771, Нитауре, Лифляндская губ.), либо (данные разнятся) самого главнокомандующего русской армией генерал-аншефа Петра Семеновича Салтыкова (11.12.1698/1700, Никольское-Салтыково, Ярославская губ. – 26.12.1772 (6.1.1773) Марфино, Московская губ.).

Он тогда наглядно понял, как можно умело ломать стереотипы фридриховской «косой атаки». Когда намеренно подставляя свой «слабый» фланг под превосходящие силы прусского короля, Салтыков, ловко маневрируя сильными резервами и артиллерийским огнем, сводил на нет всю недюжинную тактическую выучку королевских войск, не позволяя им окружить свой фланг натиском вдоль и позади фронта, чтобы добить его. Только обескровив противника, Салтыков перешел в подготовленное массированное победоносное контрнаступление. Лакомая приманка – заведомо «слабый фланг» – оказалась для Фридриха коварной западней.

Победа над самим Фридрихом II стала ярчайшим впечатлением для молодого Александра Васильевича. Более того, как и все участники той эпохальной битвы, Суворов получил медаль с портретом государыни-императрицы Елизаветы Петровны с горделивой надписью «Победителю над пруссаками».

Правда, самым важным его приобретением стал бесценный опыт *предвидения свойственных противнику действий и единственно адекватных мер, исходя из возможностей и способностей русских войск и его командующего*. Тем самым, он проникал все глубже и глубже в суть полководческого искусства: *мгновенно оценивать и эффективно реагировать*. **Правда, сам Александр Васильевич будет предпочитать нападать первым, тем самым, как бы играя «белыми фигурами».**

Интересно, что в разговоре с генерал-аншефом В. В. Фермором он осудил отказ Салтыкова сразу после победы идти на Берлин. Впрочем, хотя он сам в будущем всегда будет стараться не останавливаться после победы на поле боя и стремиться к завершению войны, *но и у него не всегда это будет получаться, порой, по независящим от него причинам*.

После Кунерсдорфа судьба Суворова снова делает резкий зигзаг: он опять оказывается на... интендантской стезе на этот раз под крылом своего отца. Суворов-младший теперь оберкригс-комиссар в действующей армии у своего отца-главного снабженца (генерал-губерпровиантмейстера). Они собирают провиант для нее в разоренном войной краю. И видно дело они свое знали крепко. Отец идет на повышение (генерал-поручик, сенатор, член Военной коллегии). А сын, которому давно обрыдла «сытная» тыловая «служба», снова (в 1760 г.) возвращается на поля сражений – в штаб В. В. Фермора, правда по знакомству и не без помощи своего весьма влиятельного папы.

Исполнительный и деятельный, хорошо знающий службу офицер пришелся по душе основательно-осторожному Виллиму Виллимовичу. Пользуясь его полным доверием, Суворов проходит хорошую штабную школу, расширяет свой военный кругозор, учится администрированию: решению армейских служебных головоломок. Спустя годы он добром вспомнит доверявшего ему крайне расчетливого В. В. Фермора (*о котором, в силу ряда обстоятельств, в отечественной историографии сложилось весьма неоднозначное мнение*) и напишет такие весьма многозначительные, можно сказать исторические слова: «У меня было два отца – Суворов и... Фермор». Такое признание от крайне въедливого и очень скупого на похвалу «коллегам по ремеслу» будущего генералиссимуса дорогого стоит и позволяет предполагать, что Виллиму Виллимовичу было не столь однозначен, как его принято «малевать». Под началом Фермора Александр Васильевич участвует в операциях в Силезии и Померании.

А вот присутствие настырного Суворова в рейде на Берлин в составе войск Чернышева, Ласси и Тотлебена, по мнению некоторых историков, остается под вопросом, тем более, что в послужном списке полководца об этом не говорится ничего.

...*Между прочим*, считается, что *первым самостоятельным боевым делом* А. В. Суворова стал летом 1761 г. бой под деревенькой **Рейхенбахом** неподалеку от Бреславля, когда его атаковал сильный отряд генерала Кноблоха. У нас нет детальной картины-«раскадровки» того памятного для Александра Васильевича «шармицеля». Хотя кое-кто из историков, все же, склонен полагать, что тогда у Суворова «первый блин вышел комом». Он вроде бы ограничился пассивной обороной, отразив врага артиллерийским огнем, но преследовать его не стал. Так или иначе, но никогда более «окопная» (сугубо оборонительная) тактика и такое завершение боя у «русского Марса» уже не повторится...

Александр Васильевич отлично зарекомендовал себя в боях под Кольбергом. А их было немало. Фридрих II послал легкий 10-12-тысячный отряд генерала Дубислава Фридриха фон Платена (23.8.1714 – 7.6.1787) деблокировать Кольберг. Румянцев сделал ответный ход: двинув на него летучий конный отряд, отличившегося под Кунерсдорфом, 44-летнего генерал-майора Густава Густавовича Берга (1716—1778) – из прославившейся позднее, в эпоху наполеоновских войн России военной династии Бергов. В нем оказался и 30 (?) -летний подполковник А. В. Суворов, временно командовавший то Тверским, то Архангелогородским драгунскими полками.

Стремительному и энергичному Платену мог успешно противостоять только инициативный командир, мгновенно принимающий правильные решения без каких-либо дополнительных приказов и инструкций. Таким офицером Берг, знавший толк в военном деле, не без оснований посчитал Суворова, выдвинув его на передовую во главе небольших кавалерийских отрядов. Именно тогда последний смог начать проявлять столь свойственную ему инициативу, не будучи связанным вышестоящим начальством.

По сути дела Суворов стал правой рукой Берга, наделившего его властью брать под команду те русские отряды (*в основном, мобильных казаков и гусар*), которые в тот или иной момент оказывались ближе всего к противнику. Ему следовало стремиться постоянно связывать врага боем, сковывать его передвижения и наносить максимальный урон своими, нередко, минимальными силами. При этом разгромить отряд Платена Суворов с имеющимися у него войсками не мог. А вот сделать его бесполезным в стратегических задумках прусского короля вполне был способен.

«Останавливал я Платтена на марше сколько возможно», – писал потом Суворов, пока пруссаки не вошли в зону действий войск генерала Василия Михайловича Долгорукова. И хотя крепкий профессионал Платен прорвался-таки к Кольбергу, но Долгоруков оказался там раньше, а силы Берга, все же, парализовали коммуникации врага.

Бреславль, Бунцельвиц, Вальдштат, Швейдниц, Ландсберг, Бирнштейн, Вейсентин, Келец, Наугарт, Гольнау, Фарцын, Штригау, Гросс- и Клейн-Вандриссе (*впрочем, констатирую для пытливых книголюбцев, что есть и иные трактовки названий этих или иных населенных пунктов*) – «последние залпы» боевого пути Александра Васильевича на заключительном этапе Семилетней войны. В тех боях (неожиданных набегах/рейдах) он, лихо командуя отдельными летучими конными отрядами драгун, гусар и казаков, получил свои первые ранения и контузии, а к концу военной карьеры его тщедушное тело изрядно от них пострадало.

...*Кстати*, символично, что о потерях в своих рядах Суворов уже тогда предпочитал сообщать очень скромно (*или по-военному лаконично?*) – **«с нашей стороны урон весьма мал»** – *такой емкой формулировки он будет придерживаться до конца своей военной карьеры. Стремление засекретить свои потери – присуще всем и во все времена...*

Конечно, тогда он еще не тот легендарный «Генерал-Вперед», которого будет отличать чисто суворовский стиль боя – глазомер, быстрота, натиск (*или в иной трактовке – глазомер, инициатива, время*) – но уже тогда ему было присуще не только большое личное мужество, но и стремление принимать единственно верные решения в сложной боевой обстановке. Недаром, его начальник генерал Берг так отозвался о своем подчиненном: «Быстр в рекогносци-

ровке, хладнокровен в опасности и отважен в бою». Генерал-фельдмаршал Бутурлин так писал отцу Александра Васильевича о ратных подвигах сына: «у всех командиров особую приобрел любовь и похвалу... себя перед прочими гораздо отличил». Командуя различными летучими отрядами (*в основном, гусарами и казаками, а, порой и гренадерами*), Суворов преследовал неприятельский арьергард, вел разведку боем, прикрывал отход своих войск.

Уже тогда Суворов старался ошеломить противника нестандартностью решений. Так, Александр Васильевич лихо бросал своих гусар-удальцов в стремительные конные сшибки на «белом» оружии на вымуштрованных прусских всадников, приученных стрелять только с шага и атаковать холодным оружием на замедленном галопе: только так сохранялась стройность рядов. Веру в эффективность залпового огня надвигающейся на противника в четких порядках вражеской конницы Суворов пытался ниспровергать стремительно-сокрушительным натиском. Только так – *мгновенно сокращая дистанцию до врага* – он полагал возможным избежать больших потерь от залпов весьма неточных в ту пору мушкетов и, тем более, пистолетов. *Ведь оба вида огнестрельного оружия считались эффективными только по малоподвижной плотно построенной большой цели.* Даже пушечный огонь был не столь уж губителен, если кавалерия не двигалась крайне скученно и не стремительно. Быстрый конный бросок на врага не только ошеломлял его, но и сберегал огромное число жизней атакующих всадников.

В общем, кто быстрее и энергичней атакует, тот и побеждает

Берг первым из начальников оценил новизну тактических приемов Александра Васильевича и «потакал» его инициативам.

Это не осталось незамеченным Румянцевым и 6 июня 1762 г. он даже представил императору Петру III подполковника Суворова к производству в полковники, но реляция Румянцева осталась без ответа. Ее просто не успели рассмотреть в Санкт-Петербурге: там в этот момент Екатерина свергала своего супруга Петра III с престола и будущий генералиссимус российских войск, по-прежнему, остался подполковником, а ему к тому времени уже шел 33 год.

...*Между прочим*, по другой версии дело обстояло несколько иначе. Рассказывали, что чем-то недовольный отцом Суворова Петр III отозвал того из действующей армии и назначил губернатором в... Сибирь. Не исключено, что такой резкий «разворот» сказался и на карьерном росте его сына: оцененный непосредственным начальством, но не в верхах – тот отстал от своих «коллег по ремеслу», поступивших на службу позже него, например, Н. В. Репнина и Салтыковых – Ивана Петровича (28.6.1730 -14.11.1805) с Николаем Ивановичем (31.10.1736 – 16.5.1816, Санкт-Петербург)...

Было отчего приуныть. Суворов чувствовал досаду и неудовлетворенность. За семь лет войны ему не удалось совершить ничего значительного. «В Пруссии я чинами обойден» – с горечью замечал амбициозный Суворов позднее.

...*Кстати сказать*, некоторые историки склонны полагать, что Александру Васильевичу Суворову было свойственно нудно жаловаться на чужие интриги и зависть со стороны «братьев по оружию», что в армейской касте всех времен и народов было явлением банально обыденным. В отечественной историографии, особенно в советский период, эту его черту было принято всячески замалчивать: как никак – «икона» русского полководческого искусства! А ведь он выпрашивал, кланчил, требовал награды, вечно считая себя обделенным: «Вашему сиятельству и впредь служу. Я человек бесхитростный... лишь только, батюшка, давайте поскорее второй класс» – так он писал И. П. Салтыкову, требуя себе очень высокую награду – орден Св. Георгия 2-го кл. – награду полководческого уровня! В старости, когда награды, наконец, посыпались на него как из рога изобилия, он произнес философскую сентенцию: «Я не прыгал смолоду, зато прыгаю теперь...»

Но вскоре в столице все стало на свои места и воцарившаяся на троне Екатерина II, не забывшая заслуг отца Александра Васильевича, Василия Ивановича, в дворцовом перевооружении, подписывает залежавшийся указ о присвоении его единственному сыну долгожданного

звания полковника. Дело в том, что именно подполковник А.В.Суворов доставил новой императрице донесение о состоянии дел в армии, находившейся в ту пору за границей под началом генерал-аншефа, графа Петра Ивановича Панина (1721, Вязовна, Мещовский уезд, Калужская провинция, Московская губерния – 15 [26].4. 1789, Москва), сменившего по указу императрицы П. А. Румянцева. В ту пору за привоз важных известий те, кто их доставлял, как правило, получали ценные подарки и очередные чины. Дело в том, что отец Суворова задержался с отъездом к новому назначению в Сибирь и в меру своих возможностей посодействовал приходу к власти Екатерины II. Новоиспеченная императрица, наградившая (9.III.1763 г.) отца Суворова чином премьер-майора лейб-гвардии Преображенского полка, побеседовав с его сыном, не только определила последнего на новое место службы, но и подарила ему свой портрет. Позже Суворов напишет на нем: *«Это первое свидание проложило мне путь к славе...»*

...*Между прочим*, батюшка Александра Васильевича, генерал-поручик Василий Иванович Суворов сентиментальностью никогда не страдал – тем более, на службе у «матушки-государыни». Посланный в Ораниенбаум, разобраться с верными свергнутому императору Петру III гольштейнцами, оставил там тогда о себе впечатление, как об очень жестком руководителе. Как потом вспоминал очевидец происходившего наставник свернутого императора-«недотепы» Я. Штелин в своих записках о Петре III: «Изверг Суворов кричит солдатам: „Рубите пруссаков!“ и хочет, чтобы изрубили всех обезоруженных солдат». А полковник Давид Сиверс и вовсе вникает в подробности поведения суворовского отца: «... Прибыл русский генерал Суворов... с конногвардейцам и гусарским отрядом и потребовал, чтобы было сдано все вооружение... Этот жалкий Суворов держался правил стародавней русской подлой жестокости. Когда обезоруженных немцев уводили в крепостцу, он развлекался тем, что шпагою сбивал у офицеров шапки с голов и при этом еще жаловался, что ему мало оказывают уважения... Снова явился Суворов и начал распределять людей. Русским подданным велено оставаться, а Кронштадт назначен иностранцам, и каждому из них, в особенности пруссакам, досталось от Суворова по удару и толчку в затылок...» Впрочем, если это и так, то как иначе мог себя повести верный новоявленной императрице Екатерине II, умело ориентировавшийся в хитросплетениях дворцовых «коридоров», опытный царедворец Василий Иванович Суворов? Во время проявить на царской службе рвение – тоже умение. Тем более, что для предельно амбициозной и крайне осторожной Екатерины после дворцового переворота тема личной преданности к ней из-за ее сомнительной законности на российском престоле вышла на передний план. Честнейший и «без лести преданный» Суворов-старший оказался в очень важном ведомстве – в Тайной канцелярии, где ведал борьбой с заговорами. Имея своего человека в этом наиважнейшем для всех российских правителей спецучреждении, самопровозглашенная императрица могла чувствовать себе в относительной безопасности. В случае перебора в рвении со стороны Василия Ивановича Екатерина могла ловко чисто по-бабьи свалить все на него: «...я бы желала довериться только ему, но должно держать в узде его суровость, чтобы она не перешла границ, которые я себе предписала». Возвышение отца не могло не сказать и на карьере сына...

Семилетняя война дала Суворову не только некоторое повышение в чинах, но и огромный опыт, позволив на деле – в кровопролитных сражениях – познать тактико-технические характеристики лучшей европейской армией той поры – прусского короля-полководца Фридриха II Великого. Он очень внимательно изучил его боевое искусство, чья неуываемая на протяжении всего XVIII века слава не давала покоя болезненно-амбициозному Александру Васильевичу до самой смерти.

Дело доходило до смешного, когда непобедимый «русский Марс» и на склоне лет – к месту и не к месту – горделиво напоминал всем: «...Я – лутче Прусского покойного великого короля; я, милостью Божиею, батальи не проигрывал». Впрочем, так бывает и с гениями, в том числе. Тем более, что «на войне – как на войне» с ее морем крови, – своей и чужой, смертями

«бес числа», своими и чужими... И эту «идиому», повторять которую придется еще не один раз, не принимать нельзя: войн без крови и жертв не будет никогда.

Именно Семилетняя война позволила ему убедиться в истинном патриотизме, стойкости, мужестве и уникальной способности переносить любые лишения русского солдата, при умелом использовании которого можно бить любого противника, если вести войну с ним решительно и быстро. Но пройдут годы, прежде чем его понимание военного искусства – «глазомер, быстрота и натиск» (*или глазомер, инициатива, время*) и «Наука побеждать» – получат всеобщее признание и Суворов навсегда войдет в избранный круг величайших полководцев в истории человечества своей неповторимостью и непобедимостью.

Глава 2. «Наука побеждать»

После Семилетней войны Суворов по воле императрицы Екатерины стал полковником (26.VIII.1762) и командиром (с 31.VIII.1762) Астраханского пехотного полка, остававшегося в Петербурге для поддержания порядка, пока императрица отбывала на коронацию в Москву. Казалось, на 33-м году жизни Александр Васильевич, наконец получил возможность создать воинскую часть своей мечты – образцовую во всей армии по своим тактико-техническим характеристикам, но не успел...

...*Между прочим*, по некоторым данным в том полку в ту пору несла службу капитаном будущая другая «икона» русского полководческого искусства – Михаил Илларионович Кутузов. Правда, не все историки согласны с тем, что уже тогда могла произойти встреча этих двух самых известных полководцев российской империи. Дело в том, что Кутузов там числился командиром роты, но состоя флигель-адъютантом принца Гольштейн-Бека, редко бывал в полку, а Суворов вскоре получил под свою команду Суздальский полк. Тем более, вызывает сомнения, что между ними потом установились особо дружеские отношения. Скорее всего, это было нечто похожее на «благородное соперничество»: оба были людьми отнюдь «непрозрачными», даже непроницаемыми, умело прикрывавшими свою закрытость разного рода приемами – один неповторимым шутовством и скоморошеством, другой – исключительной любезностью и галантностью. Тем более, что «бесхитростный» Александр Васильевич всю жизнь исключительно жестко придерживался стратегической линии поведения со всеми возможными конкурентами в борьбе за славу первого полководца своего времени, сформулированной позднее «негаданно пригретым славой» победителем самого Наполеона Бонапарта сэром Артуром Уэлсли герцогом Веллингтоном, что-то типа: «На Олимпе нет места для двоих!» (или «*На вершине нет друзей!*»). Александр Васильевич на пушечный выстрел никого не подпускал к «себе любимому» в вопросах полководческой славы! Да и Михаил Илларионович придерживался примерно такой же позиции, только проводил ее в жизнь не столь прямолинейно и вызывающе-оскорбительно, а очень витиевато и за глаза. Такой «расклад» среди военных (с одной стороны «*братьев по оружию*», с другой – *всего лишь «коллег по смертельному ремеслу*») существовал во все времена: воинская (полководческая) слава, купленная кровью, увечьем и смертями никогда не делилась на двоих! Между тем, у Суворова было чему поучиться: смелости, решительности, находчивости, инициативности, хладнокровию в критических моментах боя и самому главному, умению побеждать не числом, а умением. Правда, уже много позже Кутузов, анализируя ошибки Суворова, очевидцем (?) которых ему посчастливилось быть (*например, нескоординированная с высшим начальством неудачная атака турок под стенами Очакова*), сделал для себя далеко идущий вывод: талант, дерзость и отвага не всегда приносят на войне положительный конечный результат. Его полководческое кредо было несколько иного формата, но это уже тема другого повествования, с которым пытливый читатель мог познакомиться на страницах моих книг о Кутузове: «Свет и Тени» М. И. Кутузова (*т. е. Кутузов до Отечественной войны 1812 г.*) и «Свет и Тени» Спасителя Отечества М. И. Кутузова (*т. е. роль Михаила Илларионовича в «Грозу 1812 года»*)...

Спустя семь месяцев (6 апреля 1763 г.) его перевели командовать дислоцировавшимся в Новой Ладоге, Суздальским мушкетерским полком, причем, на целых пять лет. Очень быстро он превратил полк суздальцев в один из лучших в русской армии, а о его «чудачествах» начали судачить в армейских кругах. Суворов, часто поднимал свой полк по тревоге в любое время суток, водил днем и ночью вброд и вплавь через реки, без дорог, через густые леса, холмы и овраги, в любую погоду, учил преодолевать любые, неожиданно возникающие трудности. При этом он сам во всем подавал пример для подражания.

Независимо от погодных условий пехотный полк Суворова уходил без обозов на учения, форсируя реки, совершая изнурительные марш-броски по целине, лесам и болотам, с риском для жизни обучаясь штыковому бою и прицельному залповому огню.

Признавая этот вид стрельбы только с близкой (более или менее убойной) дистанции, Суворов отдавал предпочтение штыковому удару. «При всяком случае наименее неприятелю страшный ему наш штык, которым наши солдаты исправнее всех на свете работают» – учил Суворов. *(И был во многом прав: коллективная резня в строю штыками, на которые остервенело наматывают друг другу кишки, близка крепким русским мужикам, поскольку она психологически и эмоционально подобна их любимому развлечению на пьяную голову: кулачному бою – стенка на стенку – до крови и... насмерть.)* Искусно владеющий штыком и меткой пулей боец – говорил Суворов – обладал в любом бою «двумя смертями», особенно когда приходилось биться с преобладающим численно врагом. «Береги пулю в дуле! – поучал он солдат. – Трое наскочат – первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!»

...*Между прочим*, знаменитое его наставление «пуля – дура, штык – молодец!», один из его учеников (?) Петр Иванович Багратион весьма остроумно переиначил на свой лад «пуля – баба, штык – удалец!». Но в веках остался жить суворовский афоризм: **копия, пусть даже талантливая, всегда хуже оригинала...**

...*Рассказывали, что якобы однажды он приказал своему полку ночью штурмовать монастырь, мимо которого они шли, до смерти перепугав его обитателей. Разгневанные священнослужители пожаловались матушке-императрице Екатерине II на «проказника». Она лишь рассмеялась, пообещав пожурить своего полковника при встрече, но вскоре об этом забыла и впредь на подобные жалобы на Суворова смотрела сквозь пальцы, мудро полагая, что поучать военных бессмысленно: главное чтобы они на войне умели побеждать, но, не дай Бог, не повернули бы свои ружья и штыки против... ТЕБЯ ЛЮБИМОЙ (ОГО)!!! (Это, кстати, главная забота всех авторитарных правителей и «персоналистических» режимов: вот почему они так рьяно «обихаживают» все свои силовые структуры и армию, в первую очередь!)*

Впрочем, не исключено, что это – столь присущая для рассказов о суворовском чуде-стве байка, не имеющая подтверждений в исторических источниках.

На самом деле Суворов со своими сурдальцами наглядно показал императрице, которая «все знала-все видела», **каковы его солдаты в деле**, на затейных ею грандиозных Красносельских маневрах 15 июня 1765 г...

Очевидцы рассказывали, что сражение разыгрывалось по общепринятым европейским правилам ведения боя той поры. В присутствии самой Екатерины Суворов неожиданно приказал своему полку прекратить ружейную перестрелку, вывел его из линии, на штыках ворвался в центр «вражеского» построения, смешал его боевые порядки, спутал все планы и обратил «неприятеля» в... повальное бегство. Свита императрицы громко возмущалась «новаторством» полковника Суворова, а она, наоборот, хлопала в ладоши довольная тем, что именно «ее» войска (**суворовский полк «воевал» на стороне Екатерины; не потому ли Александр Васильевич рискнул так лихо разыграть своего «джокера»?**) выиграли маневры.

Суворов продемонстрировал своей императрице, как он собирается побеждать врага и она не дала ему в обиду за самоуправство на маневрах, сказав: «Это мой собственный будущий генерал!» и присвоила ему 22 сентября 1768 г. бригадирский чин (промежуточное звание между полковником и генералом).

Не исключено, что не все в этой истории – было, что-то могло быть и «приукрашено» поздними «летописцами»-биографами «русского Марса». Без апологетического приукрашивания не обходится ни одна великая биография!

Итак, Александр Васильевич Суворов – еще не всероссийская знаменитость, но у него уже репутация одного из самых толковых и рискованных военачальников российской армии...

Суворов категорически не переносил отступления. Слово «ретирада» (отступление) он произносил, зажмурившись и нараспев.

...***Кстати***, одна из многочисленных суворовских баек гласит: как-то раз Суворов спросил у одного офицера, что такое ретирада!? Офицер брякнул, что не знает, однако, видя, что Суворов уже готов сорваться на бешеный крик фальцетом, столь присущий ему, когда ***что-то*** было не так, нашелся: «В нашем полку это слово неизвестно». «Очень хороший полк» – помягчел, уже готовый было взорваться, по-восточному темпераментный (*сказывались армянские корни матери?*) Суворов...

Наотрез отказываясь обучать войска приемам отступления, он, порой, бывал опрокинут в бою (и поляками, и турками, и французами), но так до конца жизни и не признал отступление, как вид обороны.

...***Между прочим***, вроде бы среди вымуштрованных на правильных тактических схемах австрийских и прусских генералов-современников Суворова ходили разговоры, что «не знающего тактики» непобедимого «русского Марса» ***«в принципе» можно победить!*** Но для этого надо успеть расстроить ряды его атакующих солдат и заставить отступить, потому что они этому не обучены, а отступление, как известно, самый сложный вид боя. Сделать это можно, глубокомысленно полагали они, только заманив русских, под удар ложной ретирадой либо очень сильным огнем, который не допустит их сокрушительного штыкового удара. Парадоксально, но на деле (в бою) так никто не сумел воспользоваться этими ценными, ***но сугубо теоретическими советами...***

Во время учений Суворов всегда стремившийся к тому, чтобы каждый солдат понимал свой маневр, применял максимально жестокий способ обучения атаки.

*Его сквозные штыковые атаки, когда два батальона шли в штыки друг против друга с непривычки вызывали ужас, как у очевидцев, так и у участников. При ударе в штыки Суворов приказывал **наступающим**, ни на секунду не задерживаться. При этом, как бы силен не был удар, он не позволял **отражающим** его отойти и только в самый последний миг следовало поднять вверх штыки.*

*Порой, не всегда это получалось и кое-кто получал раны, **иногда смертельные.***

***Зато так вырабатывалась техника штыкового боя** – на протяжении всей военной карьеры Суворова бывшая его главным и неотразимым оружием в борьбе с вражескими армиями.*

...***Между прочим***, особая приверженность Александра Васильевича Суворова именно к штыковому бою легко объяснима. Качество стрелкового оружия той поры позволяло добиться лишь 10% точности попадания на расстоянии 300 шагов. Эффект от залпового огня достигался на расстоянии с 60 – 80 шагов, которое Суворов рассчитывал легко преодолеть за счет стремительного броска своей пехоты, штыковым ударом обязанной сметать вражеских стрелков, готовившихся к новому залпу. Кроме того, он, повторимся (!), учитывал характерную национальную склонность русского человека к рукопашному бою – ***жажду помахатья всласть!*** Александр Васильевич постарался приспособить русскую удаль в особый воинский навык – ***штыковой удар!*** Более того, Суворов, не без оснований, полагал, что простого крестьянина, насильно отлученного от сохи, легче обучить не многообразию действий в скоротечном бою, а одному единственному средству: победному – ***штыковому*** – удару! Главным было научить своих солдат перебороть страх перед вражеским залпом и бежать вперед со штыками наперевес. Именно поэтому он так любил повторять: «Пуля – дура, штык – молодец!», добавляя при этом – «Сколько пуль пролетает мимо во время боя! А штык, в умелых руках, „не обмишулится“». Действительно, обученный штыковому бою солдат успевал поразить 2—4 противников. Суворов утверждал: «А я и больше выдывал!» Впрочем, для штыкового боя требовалась особая психологическая устойчивость и не все солдаты Европы той поры были к нему пригодны...

Не менее впечатляюще проходили и учебные кавалерийские атаки против пехоты. Пехота с ружьями, заряженными холостыми патронами, выстраивалась напротив кавалерии так, чтобы каждый стрелок находился от другого на таком расстоянии, которое было нужно одной лошади для проскока между ними. Позади строя ставились лукошки с овсом, чтобы прорывающиеся сквозь строй людей кони знали, что за ним их ждет «награда» - лакомство. Потом он приказывал кавалерии идти в атаку галопом с саблями и палашами наголо.

Пехота стреляла именно в тот момент, когда всадники проносились на полном ходу сквозь стреляющий строй.

После многократного повторения этого сложного и опасного маневра лошади так приучались к выстрелам прямо в морды, что сами неслись на паливших в них стрелков, чтобы как можно скорее закончился весь этот ужас и они прорывались к лукошкам с овсом.

Для пехотинцев такие учения обходились, порой, очень плохо – **смертельно.**

От дыма ружейных выстрелов, от лихости либо неумения кавалеристов или от горячности напуганных (плохо выезженных) лошадей, проносившихся сразу по несколько в один проем между стрелками (порой, те вставали не там, где следовало), кое-кто в пехотном фронте получал тяжелое увечье либо просто погибал затоптанный конницей.

Суворова это не останавливало: чтобы выучить пехотинцев выдерживать неистовый кавалерийский натиск, он намеренно усложнял учение. Строй пехотинцев смыкался и размыкался только в самый последний момент, чтобы пропустить сквозь свои ряды несущихся всадников с саблями и палашами наголо. В этом случае потери были еще больше. А в рядах кавалерии, атакующей пехотное каре не должно было перед его фронтом быть заминок, иначе вся масса всадников превращалась в прекрасную мишень для дружного ружейного огня в упор.

Когда Суворову доносили о количестве затоптанных солдат, он по-армейски сухо отвечал: **«Бог с ними, четыре, пять, десять человек убью; четыре, пять, десять тысяч выучу!»** Затоптанных было жаль, но, не выучив тех и других столь жестоким, но единственно реальным способом, **на поле боя он нес бы гораздо большие потери.** Главным в бою он считал смекалку, а потому и не жалел солдатиков, приговаривая: «Тяжело – в учении, легко – в бою!» Нам доподлинно неизвестно, добавлял ли он при этом (порой, приписываемую ему, и его «коллегам по ремеслу») цинично-философскую сентенцию в духе **«Ничего, солдатики русские бабы еще нарождаются!»** (до сих пор в понимании многих мужчин: **«женщине – р`одить, что курице – яйцо сн`есть!!!»**), но она емко и доходчиво объясняет суть войны – *«a la guerre comme a la guerre»*...

...**Между прочим,** Александр Васильевич любил проверять усвоенные навыки иттыковского боя совершенно неожиданно для своих солдат. Например, он часто внезапно направлял своего коня прямо в самую гущу идущей колонны войск. Когда молоденькие солдатики почтиительно расступались перед лошадью командующего, он приходил в бешенство и пронзительно взвизгивая – **«Службы не знаете!!!»** – гнал скакуна прямо на старослужащих, которые мгновенно смыкали свои ряды и лихо и умело брали Ляксандра Васильича «на иттыки» вместе с его конем, приводя его своей сноровкой в неописуемый восторг! Его «молодцы-удальцы» постоянно готовы достойно встретить атакующую кавалерию! После суворовских маневров с их кровавыми увечьями и смертями – бой для русских солдат не представлял ничего нового...

Так за годы командования (с 1763 по 1769 гг.) Суздальским пехотным полком в Новой Ладого А. В. Суворовым были заложены и опробованы на практике (еще не в бою, а всего лишь на учениях) основы его знаменитого потом «Полкового учреждения» (1764—1765) – инструкции, содержащей основные положения и правила по воспитанию солдат, внутренней службе и боевой подготовке войск.

Конечно, методы обучения Суворова поражали современников, но, **во-первых,** его результат (он так и не проиграл ни одного серьезного сражения!) оправдывал средства, а **во-вторых,** в этой суровой «науке побеждать» наш великий соотечественник не был новато-

ром! Вспомним, что примерно так же обучал своих солдат и выдающийся полководец рубежа XVII/XVIII вв. шведский король-«последний викинг» Карл XII, которого дико амбициозный и болезненно самолюбивый Александр Васильевич на редкость сильно уважал и кое в чем даже ему подражал. Видел родственную натуру!?

Дисциплина, которую он сам строго соблюдал и требовал соблюдать других, основывалась не на «палочных» методах прусского короля Фридриха II, а на совести, воле, разуме, хотя за грабежи, дезертирство и мародерство Суворов, так же, как и другие русские командиры той поры, прогонял сквозь строй. Причем, если дворян били по спине «фухтелем» (плашмя клинком), то простых солдат – палкой.

«На войне – как на войне!»

И последнее на тему суздальского периода в биографии «русского Марса». Именно к этому периоду относятся свидетельства о его весьма кокетливой переписке с некой «милой моей Амалией» – молодой Луизой Ивановной Кульневой, замужней дамой и матерью знаменитого потом кавалериста-гусара, генерал-лейтенанта Якова Петровича Кульнева (1763—1812) – почитателя и соратника Суворова.

Глава 3. Как бригадир Суворов в Польше «руку набивал»

Уже в чине бригадира предстояло Суворову с его суздальцами направиться в составе 10-тысячного корпуса генерала-поручика Ивана Петровича Нумерса в бунтующую Речь Посполиту (Польшу).

...*Кстати сказать*, то, что творилось тогда в Польше, *войной* назвать очень трудно. Это был всего лишь бунт, а настоящая война разгорелась далеко на юге – с Оттоманской Портой. Об участии и роли Суворова в подавлении польской смуты рассказывали по-разному, не всегда объективно. А ведь именно там самый знаменитый русский полководец «обкатывал свои оригинальные тактические приемы» или, проще говоря, «набивал руку» на бунташных поляках...

Бурлить она начала еще со времен смерти 5 октября 1763 г. короля Августа III и проведения через сейм с помощью князей Чарторыжских и других влиятельных лиц под патронажем российского посла в Польше князя Н. В. Репнина, подкрепленного русскими штыками на польский престол ставленника и экс-любовника российской императрицы Екатерины II графа Станислава Понятовского под именем Станислава-Августа IV. В Петербурге сильно обрадовались, что все прошло очень спокойно. Екатерина даже написала графу Никите Ивановичу Панину (15/18 [29].9.1718, Данциг /Гданьск, Гданьский повет, Поморское воеводство, Великопольская провинция – 31.3. [11.4.] 1783, Санкт-Петербург): «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали», но, как вскоре оказалось, не все владетельные паны оказались им довольны. Более того, польско-литовскую римско-католическую шляхту, сильно раздражало большое влияние России, которая добилась в Речи Посполитой уравниения в правах так называемых «диссидентов» (некатоликов).

29 февраля 1768 г. паны собрались в пограничном городке (местечке) Баре на Подолии (совр. Винницкая обл. Украины), где образовали конфедерацию и начались боевые действия против русских, православного населения Польши и сторонников короля Станислава. Зачастую за спиной конфедератов (*во главе которых стояли епископ Михал Красиньский и адвокат Юзеф Пулавский с сыновьями*) маячили внешние силы (в частности, Турция и Франция). По началу, король пытался с ними договориться, но когда те объявили «бескорольевье» (*угрожая Понятовскому свержением*), он обратился к Екатерине II за помощью «обратить войска, находившиеся в Польше, на укрощение мятежников».

А ведь российской императрице было в ту пору не до поляков – она затеяла (*или, все же, оказалась втянута?*) в свою первую войну с турками. Ее самые боеспособные силы выдвигались против басурман на основной театр военных действий: 1-я армия князя Голицына (ок. 65 тыс.) – на Хотин, 2-я армия Румянцева (ок. 43 тыс.) – на Крым и устье Днепра, вспомогательный корпус Олица (до 13 тыс.) ожидал специального назначения. Поскольку приходилось еще выделять войска и на Северный Кавказ и в Грузию, то императрица не могла послать в Польшу достаточные силы для широкомасштабных операций по очищению больших районов путем их окружения и тщательного прочесывания. Пришлось довольствоваться лишь небольшими стычками. Тем более, что силы конфедератов, как правило, насчитывали не более 5 тыс. чел.

Нет смысла вникать во все тонкости военно-политической ситуации до появления в Польше регулярных войск российской империи: *сосредоточимся на роли Суворова в усмирении поляков*.

15 ноября 1768 г. бригадир А. В. Суворов вместе с Суздальским полком вышел из Новой Ладogi и за месяц прошел (*частично, перевез на подводах*) по распутице, ремонтируя переправы, порядка 927 км, придя в Смоленск. Глава военного ведомства фельдмаршал граф Захарий Григорьевич Чернышёв (18.4.1722 – 29.8.1784) выразил ему свое восхищение образцово проделанным походом: потерянными оказались всего лишь пятеро – трое попали в лазарет,

один умер и еще один дезертировал. *До конца жизни Александр Васильевич гордился тем, что сумел провести полк почти без потерь.*

В Смоленске ему поручили переподготовку прибывающих войск

...*Кстати*, о своем вынужденном «смоленском сидении» А. В. Суворов сообщал весьма игрово: «Здесь жить весьма весело. Нежный пол очень хорош, ласков...» Эти строки весьма отличаются от того, что он писал в том же 1768 г. из Старой Ладogi, жалуясь на беспокойство от «девиц престарелых», уверяя, что «сим светящимся невестам на выкуп их морщин не дал бы и 10 тысяч рублей». Если все это – так, то будущий «русский Марс», которому в ту пору уже стукнуло 38 лет вполне мог жениться (*тем более, что на этом настаивал его отец*). Но видно, ни одна из смоленских прелестниц так и не преуспела в охмурении-окручивании Александра Васильевича и он пошел на... войну, а не в отставку (!) в связи со свадьбой! А ведь в ту пору офицеру в чине не ниже полковника полагалось быть женатым. «Полковница» была «матерью полка», помогавшей мужу в его непростой службе. Суворов знал такие семьи и видел, какова в них роль супруг-«боевых подруг». (*Не путать с «ППЖ – походно-полевыми „женами“», явлением весьма распространенным и вполне понятным во все времена.*) Но, судя по его судьбе, ему самому с женой не повезло, но об этом чуть позже...

Через полгода, пополнив свой отряд Смоленским и Нижегородским пехотными (мушкетерскими) полками, он отправляется в Польшу для участия в военных действиях против войск шляхетской Барской конфедерации (*направленной против короля Станислава Понятовского и России*) и уже в начале-середине августа ускоренными переходами выступает к Брест-Литовску. Поход в Польшу продемонстрировал результаты обучения солдат по-суворовски: «Марш был кончен ровно в две недели, – рапортовал он своему начальству – без умерших и больных, с подмогой обывательских подвод». А ведь это без малого 600 км. (*Правда, по некоторым данным шесть человек все же заболели.*)

...*Между прочим*, мы не будем вникать во все детали административной коррупции (*двор российской императрицы, прозванной Великой, как известно, отличался продажно-стью*), творившейся в ту пору в командовании русских войск в Польше и сильно мешавшей решительному Суворову закончить усмирение бунта в кратчайшие сроки. Есть смысл ограничиться лишь ходом военных операций, в которых сполна проявился талант этого самого стремительного полководца той поры. Тем более, что в под коверной возне «бульдогов» будущий «русский Марс», «бравший чины саблею», всегда чувствовал себя «не в своей тарелке». Но те польские уроки мздоимства и прочих «имств» «пустоголовых молодцов» и «вертопрахов» в российской администрации Александр Васильевич твердо усвоит и никогда более не будет позволять мешать себе решать делом «штыком»...

Уже в эту свою *первую* Польскую кампанию (*следующая – спустя почти четверть века – принесет ему заветное фельдмаршальство!*) Суворов начнет «обкатывать» в боевой обстановке свою «науку побеждать», чьи основы он принялся самостоятельно разрабатывать по результатам Семилетней войны и внедрять в своих войсках. Командуя бригадой, полком, отдельными отрядами, он будет постоянно стремительно перемещаться по Польше и внезапно нападать на войска конфедератов.

Вскоре он был в Бресте, где узнал, что конфедераты совсем недавно были в нем, но уже ушли, причем, разными дорогами, а два сильных русских отряда полковника Карла Ивановича фон Рёнке (Рена) (1732—1786) и фон Древица, в 1,5 тыс. и 2 тыс. чел., следуют за ними. Суворов выделил для удержания Бреста в виде опорного пункта, часть своих сил, а сам – всего лишь с ротой гренадер Суздальского пехотного полка, 36 драгунами Владимирского (либо Воронежского; *сведения различаются*) драгунского полка, 50 казаками и 2 полевыми орудиями – выступил из Бреста на юг – на поиск крупного отряда конфедератов братьев Пулавских – замечательных силачей и наездников, ловко управлявшихся с саблей, Казимира (4/6.3.1745/48, Варшава – 11.10.1779, Саванна, Джорджия, США) и Франца-Ксаверия (26.11.1743/45– 15.9.1769), сыно-

вей Юзефа Пулавского (17.2.1704, Люблин – ок. 20.4.1769, Хотин), одного из лидеров Барской конфедерации.

Суворов безостановочно шёл всю ночь.

На рассвете 1 (11) сентября он встретил патруль фон Рённе – 50 каргопольских карабинеров и 30 казаков под начальством ротмистра графа Каstellи – и присоединил его к себе, доведя численность своих сил до **320** чел.

Пройдя за ночь 35 вёрст, ок. полудня 2 сентября Суворов настиг **2—2.5 тыс.** конфедератов под началом братьев Пулавских, Аржевского, Мальчевского, близ деревни **Орехово**, в глухой лесисто-болотистой местности неподалеку от Ореховского озера. Конфедераты (*конные ополченцы с двумя орудиями*) расположились в четырёх верстах от Орехова в урочище Кривно – на небольшой поляне, окружённой болотами. Там они надеялись не подпустить к себе русских, но и ретироваться (сбежать) со своей «выгодной позиции» было непросто: по флангам болота и густейшие леса, а за спиной – озеро.

Именно здесь в этот день 1769 г. Александр Васильевич дал свое первое сражение бунташным полякам.

Он сходу послал свои войска в атаку. Подойдя к болоту, через которое были перекинуты 4 (*либо лишь 3?*) моста, его гренадеры бросились по ним на поляков, а егеря, развернувшись вправо и влево, открыли ружейный огонь. Сильный огонь вражеских орудий не остановил солдат. Русские артиллеристы катили вперед свои пушки на руках, попеременно останавливаясь и ведя огонь, тем самым, спасая множество жизней своих «братьев по оружию».

Проскочив болото, пехотинцы выстроились тылом к густому лесу, непроходимому для кавалерии. По флангам рассыпались егеря, ружейным огнем прикрывавших переход по гати своих карабинеров и драгун. Казаки остались за болотом для слежения за тылом.

Неприятельская батарея, причиняла своим обстрелом серьезный вред суворовцам и Александр Васильевич лично повел в атаку на нее 36 драгун. А карабинеры тут же обрушились на охранявшую польские пушки конницу. Конфедераты, боясь потерять орудия, сняли их с позиции, увезли в тыл – после чего напали на гренадер с фронта. Те встретили поляков быстрыми ружейными залпами и отбросили. Но потрепанные польские эскадроны сменили свежие, правда, опять безрезультатно. Четыре раза кидались поляки в атаку, причем, каждый раз свежими силами, но все разы безуспешно. В результате они понесли серьезный урон от отменно организованного залпового ружейного огня и картечи в упор. Их поредевшую кавалерию энергично преследовали карабинеры графа Каstellи, на скаку рубя бегущих.

Стремясь поскорее добить врага, Суворов скомандовал своим артиллеристам, зажечь гранатами находившееся в тылу польской позиции Орехово. После того как оно загорелось среди поляков началась сумятица. Русскому полководцу только это и надо было: он стремительно бросил всю свою пехоту в штыки, прикрывшись с флангов карабинерами. «Суздальские гренадеры рвали штыками конницу под Ореховом» вспоминал в 1771 г. в письме И. И. Веймарну Александр Васильевич.

Пришлось полякам после тяжелого четырехчасового боя, подгоняемым русскими штыками, бежать сквозь пылавшее селение. Кавалерия Суворова (всего лишь 200 палашей) кинулась им вдогонку, «...но малая часть моих войск, все сплошь пехота, их спасла» – сокрушался потом в своем рапорте на недостаток кавалерии Суворов. В ходе боя он не мог позволить себе брать пленных – их некому было бы охранять. «В сражении, поскольку людей у меня весьма мало, не велел никому давать пардону. Таким образом, не знаю двести, не знаю триста, переублено, переколото и перестреляно...» – констатировал позднее Суворов.

В общем, *a la guerre comme a la guerre...*

Пленных поляков оказалось всего лишь 40 человек. А вот артиллерию свою они, все же, эвакуировать успели.

Лишь на следующий день «пулавцы» были окончательно разбиты у Влодавы подоспевшими карабинерами фон Рёнке. В том бою был смертельно ранен один из братьев Пулавских – 23-летний Франц-Ксаверий – один из главных бунтарей и кумиров польской шляхты. Ротмистр каргопольских карабинеров Кастелли наскочил на Казимира Пулавского, но того успел выручить старший брат, Франц: с саблей наголо он кинулся на Кастелли. Казимир спасся, а вот Франц погиб, схлопотав пистолетную пулю в упор. *Впрочем, есть и другие трактовки гибели одного из вождей конфедератов.* Так или иначе, но конница Пулавских рассеялась по окрестностям.

Потери русских войск были незначительными: **5** человек убитыми и **9—11** ранеными.

...***Кстати***, в своем рапорте начальству Суворов плохо отзывался о вкладе в победу казаков, тогда как регулярные войска хвалил...

1 (12) января 1770 г. за первый же свой бой – под Ореховом – Суворов был произведен в генерал-майоры, а 30 сентября 1770 г. получил еще и свою первую боевую награду – орд. Св. Анны.

Суворов продолжает «зачищать» вверенное ему его новым начальником, дотошно знающим свое кровавое ремесло, лифляндским аристократом, генералом-поручиком Иваном Ивановичем (Гансом) фон Веймарном (1722—1792), бывшим главным штабным офицером фельд-маршала С. Ф. Апраксина, Люблинское воеводство от «рассеянных» шаек конфедератов. На все про все ему выделялось 3—3,5 тыс. солдат разных полков и 18 орудий.

Принято считать, что отношения у самолюбивого Александра Васильевича с педантичным Иваном Ивановичем не сложились. Повстанцы сражались на своей земле отчаянно и фанатично – русских пленных показательно казнили – воевать с поляками следовало стремительно и энергично. Веймарн к такой войне был не готов и, ведя войну из Варшавы, не поспевал за стремительно развивающимися событиями. Зато Суворов чувствовал себя в такой ситуации «словно рыба в воде», взялся воевать по-своему: бить врага, не давая ему опомниться.

Следующей целью стал отряд полковника Юзефа Миончинского (Машинского/Мощинского) (1743—1793) в **тысячу** сабель при 6 орудиях. В *апреле 1770 г.* противники (у Суворова было **250** чел. и 2 пушки) схлестнулись в грязи под **Наводицами**. Сшибка была непродолжительной: 2—3 часа. Все решил *отчаянный* (любимое выражение Александра Васильевича – чаще всего употребляемое им в рапортах начальству!) штыковой удар русских, где пощады врагу не давали, «остервенело наматывая его кишки на русские штыки». Победа Суворова была сокрушительной – **500** убитых панов и всего лишь **10** раненных у него. *Подобные «расклады» потом стали причиной изображения Суворова в иностранной публицистике крова- жадным чудовищем.*

Впрочем, «на войне – как на войне», особенно когда, в условиях численного превосходства врага, у тебя не хватает людей для охраны недобитых раненных, попавших в плен.

5 ноября с Суворовым случилась беда: при переправе через Вислу он упал и так расшиб себе грудь о понтон, что сильно занемог вплоть до того, что не мог сидеть на лошади. Прошло время (несколько месяцев), прежде чем он смог снова оказаться боеспособным.

После рождества сотни повстанцев укрылись вместе с французским подполковником Левеном – влиятельный при французском дворе герцог Этьенн Франсуа де Шуазель (28.6.1719, Нанси – 8.5.1785, замок Шантелу, Амбуаз) «открыл французский кошелек» для восставших поляков – в небольшом замке городка Ландскрона (Ланцкроны, Лянцкороны), что в 30 км от Кракова.

Одна из наиболее острых версий событий гласит, что несмотря на явную нехватку сил у Суворова для штурма хорошо укрепленной **Ландскроны**, честолюбивый русский военачальник попытался-таки овладеть цитаделью. На приступ поочередно двинулись: авангард, две колонны, а затем и резерв. И тут противник показал, что он «не лыком шит»: его стрелки метким огнем очень быстро выбили, «как уток», почти всех русских офицеров (Подладчикова,

Дитмарна, Арцыбашева, Сахарова, Мордвинова и др.), вырядившихся для атаки в щегольски нарядные костюмы, захваченные у поляков. Оставшись без офицеров – «словно овцы без пастырей» – солдаты сначала попятились, а затем и вовсе побежали!

Суворов лишился тогда **19** убитыми, **7** ранеными и **2** пропавшими без вести.

И хотя польские потери оказались больше, но с Александром Васильевичем, чья лошадь была ранена, а сам он оцарапан, случился тот самый конфуз, которого он всю жизнь так боялся и всячески избегал – *ретирада!* (**Вспомним его категоричное изречение: «... изгнать слово ретирада!»**) «Осталось мне только привести пред вечером людей в военный порядок, **оставить все невыигранное дело и тихо отступить** (выделено мной – Я.Н.)» – констатировал потом сам Суворов.

Александр Васильевич потом всячески оправдывался (в том смысле, что офицеров почти всех выбили, а солдаты не проявили инициативы), но свершившегося не воротишь и, по сути дела, в самом начале его самостоятельной военной карьеры – **отступление с поля боя у него, все же, случилось.**

Другое дело: следует ли это считать поражением – вот в чем вопрос? Не исключено, что тут лучше всего подходит всем известная аксиома – «о вкусах, не спорят!» Кто-то примет во внимание этот «конфуз» Александра Васильевича, **а кто-то предпочтет «закрыть на него глаза».** Тем более, что Суворов на всю свою оставшуюся жизнь запомнил горький ландскронский урок и никогда более не пытался брать вражескую цитадель лихим гусарским наскоком, тщательно готовя решительный штурм, в котором все решала кровавая резня не на жизнь, а на смерть, как это случилось спустя много лет при штурме Измаила и Праги (предместья Варшавы)...

...*Между прочим*, еще одна ретирада случится с ним почти через 30 лет, уже в самом конце его невероятно удачной военной карьеры. Это будет *последний маневр в последнем походе первого настоящего (чин, добытый саблей в боях, а не на паркетe или в будуаре, правда, тоже... «саблей», причем, длинной!) российского генералиссимуса*: его знаменитый спасительный отход на юг через перевал Паникс в долину Рейна в героическом, но бесполезном Швейцарском походе 1799 г...

Вскоре в войну включился знаменитый французский искатель приключений, будущий популярный генерал времен Великой французской революции 1789 г., а в ту пору еще только бригадир – Шарль Франсуа Дюмуре (дю Перье) (25/26. 1. 1739, Камбре, Франция – 14. 3. 1823, Тервилл-Парк, Бакингемшир, Юго-Восточная Англия).

Амбициозный и отнюдь не лишенный военного дарования Дюмуре предложил воинственным панам внезапно «поджечь Польшу одновременно с нескольких концов». Стянув под себя порядка 20 тыс. пехоты и 8 тыс. кавалерии (*среди которых немало было наемников: офицеров – из Франции и солдат – из Австрии и Пруссии*), Дюмуре нацелился на Краков, затем – на Сандомир, а в его конечных планах стояла сама Варшава! Правда, все в его плане зависело от того, где конфедератов ждет наибольший успех. Но ему противостоял стремительный и непредсказуемый, столь же амбициозный и крайне тщеславный Суворов, который стремился поскорее «смыть кровью» ландскронский конфуз.

...*Между прочим*, масштаб дела под Ландскроной вовсе не был катастрофичен, но «рентген» (послужной список) Александру Васильевичу, все же, портил. Хотя нюансы этой неудачи известны лишь узкому кругу дотошных исследователей, а для широкой публики все принято выставлять как «тип-топ»...

И все же, первым начал Дюмуре: внезапным налетом захвативший Краков. Начальник Суворова Веймарн посылает того с двумя батальонами и пятью эскадронами при восьми пушках вернуть Краков. По пути (в ночь на *18 февраля*) он громит под **Раховом** отряд храброго полковника Саввы Цалинского (он же – Чалый-младший, 1744—1771; *младший сын знаменитого мазепинского гайдамака Саввы Чалого-старшего*). Двести воронежских драгун и каза-

ков Суворова налетели на 400 вражеских драгун сидевших за выпивкой и картами в местных корчмах. Знатно поработав холодным оружием, русские частью захватили врага в плен, частью обратили его в бегство. Унес ноги и сам Савва, чтобы вскоре погибнуть в очередном бою.

После некоторого временного затишья, вызванного нежеланием Веймарна форсировать события, Суворов, все же, получает от него приказ на выступление в Малую Польшу – в Краков. Дерзкий гусарский полковник Иван Григорьевич Древиц (Древич) (*Иоганн фон Древиц*) (1733 или 1739 – 1783), у которого не сложились отношения с Александром Васильевичем (или, наоборот?), получил указание подчиниться тому и у него уже не было возможности «отвертеться» под предлогом «нихт ферштейн»: полиглот Суворов знал этот его трюк и отдавал приказы письменно, на отменном немецком.

Затем к Суворову присоединилось еще две тысячи человек и всего под его началом оказалось порядка трех с половиной тысяч бойцов. Стремительный Александр Васильевич быстро оказывается под Краковом и 10 мая 1771 г. сходу бросается на замок **Тынец (Тиниц)**. Схватка с защищавшим его Валецким, мягко говоря, не имела решительного исхода: взяв полевые укрепления и потеряв 30 чел. убитыми (в том числе, двух офицеров) и 60 ранеными (урон врага составил порядка 40—60 чел.), русские остановились перед каменными стенами. (*Впрочем, кое-кому из вѣдливых исследователей биографии Суворова сподручнее считать нападение на шанцы под Тынцом очередной неудачей русского полководца.*) Он благоразумно прекращает атаку и снова движется на Ландскрону. Правда, время уже потеряно, как и внезапность: враг под Ландскроной успел подготовиться дать организованный отпор.

И, тем не менее, 12 мая 1771 г. Суворов атакует с 3 (3.5?) тысячами примерно такой же по численности (до 4-х тысяч?) отряд Дюмуре, который занял очень выгодную позицию на высотах. Его левый фланг упирался в Ландскронский замок, а центр и правый фланг, недоступные по крутизне склонов, были прикрыты густыми сосновыми рощами. Более того, он умело укрепил ее 50—51 орудием. Кроме того, врагу угрожали фланговым обстрелом 30 пушек из Ландскроны. Правда, ему так и не удалось договориться о совместных действиях с Казимиром Пулавским. Последний так и не поддержал французского военспеца, оставив того один на один с малоизвестным тому любителем бескомпромиссных штыковых атак – столь хорошо усвоенных русскими солдатами, дюжими крестьянскими мужиками, привыкших «ломить стенами».

В тоже время Дюмуре не учел стремительно-неистово-непредсказуемой манеры ведения боя своего противника.

Суворов, понимая, что прямой штурм столь сильной позиции повлечёт за собой большие потери, решился на очень рискованный и неожиданный шаг, основанный на его глубоком и тонком понимании психологии боя. Не дожидаясь сбора всех войск, он двинул 150 санкт-петербургских карабинеров и две сотни чугуевских казаков под командованием полковника Шепелева на врага (то ли – во фланг, то ли – в лоб: *сведения различаются*).

Рассказывали, что вроде бы по приказу французского командующего конфедераты слишком долго (*опротечиво долго!*) не открывали огонь по наступающему врагу, преднамеренно подпуская их на убойную дистанцию, а потом уже было поздно: кавалерия успела опрокинуть конфедератов Сапеги-младшего и Оржевского (*оба военачальника погибли*). Вполне возможно, что быстрота натиска и неожиданность атаки неприятельской конницы ошеломила их: многие из польских ополченцев, не успели пройти полный курс регулярной воинской подготовки. Несмотря на всю выгодность своей позиции, они оказались не готовы к столь стремительному развитию боя и обратилась в бегство: все усилия Дюмуре восстановить порядок оказались тщетными. Следовавшие за русской кавалерией пехотинцы Астраханского и Петербургского полков штыками довершили разгром врага и обратили его в бегство. Несколько верст казаки преследовали бегущих, рубя направо и налево. На весь бой судьба отпустила полякам всего лишь полчаса.

Они лишились примерно **полтысячи** человек, остальные рассеялись по окрестностям. Потери русских принято оценивать только в **10** раненых (*убитых не было вовсе*).

Суворов собрался было тут же штурмовать «зудящую занозу» – злополучную Ландскрону, но затем, явно памятуя о первой своей неудаче под ее стенами, все же, отошел на исходные позиции под Замостьем, опасаясь быть отрезанным от своих тылов хоть и небольшими, но многочисленными и мобильными отрядами врага.

Дюмурье свалил все на нерасторопных поляков, чье ратное мастерство вызывало у него снисходительную усмешку еще до того, как боевые действия под его руководством начались. Француз «сделал антраша» («отклонялся по-французски») в Венгрию, а оттуда и вовсе отбыл во Францию, где подверг польских конфедератов уничижительной критике: «Умственные способности, таланты, энергия в Польше от мужчин перешли к женщинам. Женщины ведут дела, а мужчины ведут чувственную жизнь». Трудно было ожидать чего-то иного от французского военачальника, привыкшего к порядку и дисциплине регулярной армии своего государства. Правда, русских он оценил соответственно ситуации: «Это превосходные солдаты, но у них мало хороших офицеров, исключая вождей». Перед отъездом Дюмурье успел-таки отправить письмо оставшемуся в живых Казимиру Пулавскому, где откровенно высказал весь негатив, накопившийся у него от руководства поляками.

Отчаянный богатырь Казимир Пулавский попытался было захватить **Замостье**. Подоспевший **22 мая 1771 г.** Суворов лихо налетел на него и отбросил, но добить не успел: поляк очень ловко сманеврировал и ушел под защиту стен все той же Ландскроны, взять которую Александр Васильевич, потерявший в последнем бою **15** чел. убитыми и **17** ранеными, все еще не решался.

...*Кстати сказать*, сам Суворов – человек болезненно ревнивый до чужой воинской славы (*особенно у его современников-«совместников» и противников*) – нашел-таки в себе мужество признать, что попался тогда на хитроумный маневр Казимира Пулавского. Он принял оставленный Пулавским заслонный отряд (своего рода «лейб-эскадрон»), за его главные силы, погнался за ним и почти полностью вырубил его, тогда как Казимир, обойдя русских по большой дуге, уже ушел в Литву, где рассчитывал пополнить свои поредевшие силы. По слухам Александр Васильевич пришел в такой восторг от этого «хода конем» одаренного к военному делу неприятеля, что даже послал ему от себя через отпущенного пленного ротмистра свою... любимую фарфоровую табакерку! Так это или не так, но, судя по всему, Казимир Пулавский был полководцем энергичным и необычайно предприимчивым, если смог (?) «раскрутить» крайне прижимистого и невероятно тщеславного А. С. Суворова на публичное признание наличия у поляка военного таланта. Они еще встретятся под Раковицами: Казимир проиграет бой и вскоре подобно будущему национальному герою польского народа Тадеушу Костюшко окажется за вдали от родины – океаном, в армии генерала Джорджа Вашингтона, где будет сражаться за независимость Соединенных Штатов Америки и погибнет в осажденной англичанами Саванне в 1779 г...

Следующий соперник Александра Васильевича – даровитый писатель и инженер великий гетман литовский Михал-Казимир Огиньский (1729—1800) – не обладал только одним, но важным в той ситуации, в которой находилась его родина даром – талантом полководца.

...*Между прочим*, Михала-Казимира Огиньского часто путают с еще одним *М.-К. Огиньским* – участником польского восстания 1794 г. графом **Михалом-Клеофасом (Михаилом Андреевичем) Огиньским** (25.9.1765, Гузув – 15.10.1833, Флоренция). После подавления восстания 1794 г. он эмигрировал в Италию, посетил Турцию и Францию. Но в 1802 г. переехал в Санкт-Петербург, где стал сенатором, а с 1815 г. остаток жизни провел во Флоренции. Но в истории Огиньский Михал-Клеофас остался как выдающийся композитор, большой мастер фортепьянной музыки, специализировавшийся на полонезах (национально-самобытная польская художественная музыка на бытовой жанровой основе) – у него их более 20, мазурках,

вальсах, романсах и патриотических маршах с песнями. Широкая известность пришла к нему с полонезом фа мажор «Раздел Польши». Но невероятно популярным Михал-Клеофас стал благодаря своему знаменитому музыкальному произведению – полонезу «Прощание с родиной» (или *«Полонез Огиньского» ля минор*), который он написал, покидая родину. Ему же, кстати, приписывается легендарная боевая песня польских легионеров, сражавшихся на стороне французов с Россией **«Еще польска незгинела – Jeszcze Polska nie zginela»** (*«Ещё Польша не погибла»*), ставшая позднее польским национальным гимном. На самом деле ее сочинил Юзеф Выбицкий в 1797 г., когда генерал Ян-Генрик Домбровский формировал в Италии польские легионы. Сегодня Михал-Клеофас Огиньский – не только признанный композитор-классик, но и национальное достояние польского народа...

Как гетман (главнокомандующий вооруженными силами) он смог сосредоточить в своих руках 4-х тысячный отряд и только выжидал удобного момента, чтобы ударить по войскам русских захватчиков.

И вот, как ему показалось, этот момент наступил. Внезапный удар нанесен: стоявший под Барановичами крупный русский отряд полковника А. Албычева был разбит, а его солдаты погибли, как их командир, либо захвачены в плен числом в 500 человек. После этого под знамёна Огиньского стали стекаться шляхтичи. При таком раскладе повстанцы Огиньского могли бы вскорости угрожать тылам русской армии Румянцева, на тот момент решавшей серьезные задачи на турецком фронте. Но этот первый успех Огиньского в борьбе с русскими оказался и последним. Теперь ему противостоял полководец, девизом которого было: «глазомер, быстрота и натиск» (*глазомер – инициатива – время*)!

Стремительный в любом деле, Александр Васильевич умудрился лихо «оттереть» в сторону любимца Веймарна, Иоганна фон Древица – смелого, но безмерно жестокого гусарского полковника (*по некоторым данным, тот приказывал отрубать кисти рук конфедератам, нарушавшим «честное слово» не воевать, но попадавшим с оружием вновь*) и первым внезапно обрушиться на «разбушевавшегося» польского пана. Обстоятельства этого «закадрового маневра» Александра Васильевича – действовать против Огиньского должен был Древиц и другие близкое к Веймарну командиры – весьма просты: старшим по чину среди них был Суворов и все были обязаны ему подчиняться. Сам же Александр Васильевич предпочел ослушаться Веймарна и «нанизать на свою шпагу» очередную победу над бунташными поляками.

Поскольку Суворову было понятно, что вокруг Огиньского может organizоваться серьезная сила, он решил подавить этот очаг сопротивления в зародыше.

12 сентября 1771 г. небольшой отряд Суворова в **882—902** чел. (*данные разнятся: 600 пехотинцев, 298 кавалеристов – 69 кирасир, 78 карабинеров, 64 казака и 28 артиллеристов*) с 4—5 пушками после нескольких стремительных переходов (*их потом назовут «суворовскими»*; *за четыре дня было пройдено ок. двухсот верст*) ночью скрытно подошел к местечку **Столовичи**, где расположилось **3-4-х** (*либо даже более?*) -тысячное войско Огиньского с 8 орудиями. Невзирая на значительное численное превосходство врага, Суворов внезапно атаковал его.

Вот наиболее красочная («беллетризированная») интерпретация этого боя!

«...В полной тишине приблизились русские к Столовичам. Тучи, покрывавшие небо, усиливали темноту. Войска шли на огонь, мерцавший в монастырской башне. По пути казаки захватили пикет польских улан. Огиньский, ни о чем не подозревая, все еще праздновал свою недавнюю победу над русскими в обществе прехорошенькой французской «мамзелки», про которых тогда говорили, что они служат в «легкой артиллерии», всегда готовой к огневому контакту.

Между двумя и тремя утра 13 (24) сентября Суворов приблизился к Столовичам на ружейный выстрел и построил свой маленький отряд к атаке...

*Наступление началось на рассвете, в **четвертом часу**, когда сон у часовых самый крепкий, и долгое время развивалось столь бесшумно, что противник ничего не подозревал. Однако у предместья русским преградила путь обширная болотистая низина, преодолеть которую можно было лишь по узенькой и длинной, в две сотни шагов, плотине.*

Только тут суворовская колонна был замечена часовым. По тревоге поляки поспешно выскакивали из домов, затрещали выстрелы. Но огонь поляков не мог причинить особого вреда: было еще темно и утренняя заря едва начинала мерцать. В ответ загрохотали пушки и защелкали выстрелы суворовских егерей. Стена русских штыков прокладывала себе путь вперед. За ними двигались кавалеристы и казаки...

К утру Столовичи были во власти русских.

Контратака польских улан из полевого лагеря не спасла положения. 78 карабинеров из Санкт-Петербургского карабинерного полка рассеяли их. Сам Огиньский, бросив «обслуживать» «легкую кулевриночку», едва спасся, вскочив на коня и ускакав в поле в одном исподнем и без сапог или как отпартовал в донесении довольный Суворов: «...гетман ретировался на чужой лошади в жупане, без сапогов, сказывают так!». С парой адъютантов он укрылся то ли в Кенигсберге, то ли в Данциге, где французский консул снабдил беглеца одеждой и дал денег на дорогу во Францию...»

Бой продолжался с предрассветного часа до 11 утра. Авантюра Огиньского провалилась...

Кое-кому победа кажется весьма неправдоподобной: 630 суворовских солдат (он ввел в дело отнюдь не все свои силы, благоразумно оставив резерв; он – **это кстати, делал всегда!**) разгромили 3-4-х тысячное войско неприятеля!? (На самом деле активно противостояли русским лишь 300 пехотинцев с пушками и 500 кавалеристов.) 435 человек пленных из отряда Албычева, с их двумя орудиями были освобождены.

По разным данным поляки потеряли **от 300 до 400** и даже тысячи убитыми, и примерно столько же (либо до 700?) – пленными и всю артиллерию, а русские – всего **8** убитыми, но ранен, оказался, каждый восьмой. Сам Суворов писал потом: «... Только правда. Слава Богу! Наш урон очень мал».

Как говорится, «без комментариев»...

До конца своих дней русский полководец очень гордился этой своей победой, за которую, он – человек очень прижимистый – каждого из своих солдат награждал от себя по серебряному рублю. По тем временам – большими деньгами! Сам же был награжден за эту победу орд. Св. Александра Невского.

Схоласт (так, порой, его характеризуют отдельные историки) Веймарн попытался было пожаловаться на самоуправство Суворова в высшие инстанции, но довольная ходом дел в Польше императрица-«матушка» рассудила по-своему: распорядилась не мешать стремительному Александру Васильевичу «окончивать фарс» поляков. Более того, на смену Веймарну она отправила генерал-майора Александра Ильича Бибики (1729, Москва – 1774, Бугульма) – старого знакомого Суворова по Семилетней войне.

Теперь ему противостояли очередные французские «военспецы» – генерал-майор, барон то ли А.Л., то ли Шарль-Жозеф-Гиацинт дю У, маркиз де Виомениль (22.8.1734, Рюпп, Франция – 5.3.1827, Париж) и бригадир (подполковник?) Клод Габриэль де Шуази, прибывшие в Польшу в сентябре 1771 г. с большой группой своих офицеров. 22 января 1772 г. им с отрядом в 500 человек с 4 орудиями удалось захватить врасплох Краковский (Вавельский) замок с гарнизоном из-за халатности полковника В. В. Штакельберга, временно сменившего Суворова на посту командира Суздальского полка. И хотя сам полковник героически прорвался с бала, но 41 суздальский пехотинец оказался убит или ранен, а еще 60 попали в плен. Получив сообщения о захвате замка, тут же Суворов двинулся к нему с небольшим отрядом.

...**Кстати сказать**, как, порой, бывает на войне, и в этом случае не обошлось без женщины, вернее, прекрасной паненки, которая так «омолодила» старика Штакельберга, что он напрочь забыл про военную службу. Суворов все понял (*«ксендзы и бабы голову ему весьма повредили...»* – деликатно заметил он и позднее выгораживал, не во время вспомнившего шалости молодости, старого служаку перед Бибиковым) и принялся срочно исправлять ситуацию...

Уже утром 24 января 1772 г. он с 800 людьми при поддержке пяти конных полков генерала-поручика, польского графа Франциска Ксаверия (или Ксаверия Петровича) Браницкого (1731, Барвальд Горный – апрель 1819, Белая Церковь), верного королю Станиславу-Августу, осадил **Краковский замок**. Именно тогда сумел проявить себя премьер-майор Иван Иванович Михельсон (3.5.1740, Ревель – 17.8.1807, Бухарест) – будущий герой поимки «народного бунтаря» (?) Емельяна Пугачева, продолжавший оставаться в строю в высоких чинах и должностях даже во времена внука Екатерины II императора Александра I.

Поскольку осадных орудий в отряде Суворова не было, то он приказал своим солдатам втащить несколько пушек на верхние этажи самых высоких домов Кракова и с этой импровизированной высотной позиции открыть огонь по замку. Но вскоре выяснилось, что он малоэффективен и пришлось искать иные пути к победе. Когда осажденные совершили удачную вылазку и даже разгромили роту суздальцев, то Александру Васильевичу пришлось лично повести свою пехоту в штыковую контратаку, чтобы восстановить положение и загнать осмелевшего неприятеля обратно в замок.

В **2 часа ночи 18 февраля** он решился на неожиданный ночной штурм. Три штурмовые колонны бросились на стены, но к **6 часам утра** откатились обескровленные. Дело в том, что, взорвав ворота, они наткнулись на завал, который устроил за ними предприимчивый де Шуази и после многочасовой перестрелки пришлось отступить и признать «... неискусство наше в тех работах», т.е. в штурмах.

В общем, приступ провалился.

Суворов, будучи человеком невероятно тщеславным, как и все полководцы всех времен и народов, предпочитал не афишировать своих потерь либо максимально их преуменьшать. И все же, известно, что потери были немалые: **150 человек** убитыми и ранеными!

Александр Васильевич, несмотря на весь свой (*восточный: мать – армянка?*) темперамент, полководцем был исключительно хладнокровным и прагматичным, умел учиться на своих ошибках в штурмах (признавал, *повторимся* «... неискусство наше в тех работах») и дальновидно приступил к планомерной осаде замка. Пока русские ждали прибытия осадной артиллерии – «без большой артиллерии, – констатировал Суворов, – замка взять невозможно, так и прочих их укрепленных мест» – поляки не единожды беспокоили осаждающих, совершая на них с тыла стремительные конные налеты, пытаясь деблокировать осажденный замок. Александру Васильевичу, в который уже раз, приходилось лично водить свою пехоту в штыки (*этим он никогда не «брезговал»: вражеского штыка не боялся, неприятельским пулям не кланялся – даже не старости лет!*) и однажды это чуть не стоило ему жизни.

Наконец только в апреле осадные орудия оказались под стенами злополучного Краковского замка. Начали строительство минных подкопов. И хотя часть замковых укреплений уже была разрушена, а среди гарнизона начался голод, но Суворов видел решительный настрой осажденных (*численно превосходивших его собственные силы*), понимал, что «сидеть» под стенами Кракова ему придется немало времени и предпочел взять его «при пароле», т.е. предложил почетные, для зарекомендовавшего себя весьма сообразительным в военном деле де Шуази, условия капитуляции. Француз, не будь дураком, пошел на мир.

15 апреля 1772 г. (после пары месяцев осады) защитники замка – 43 офицера и 739 нижних чинов – капитулировали. Когда Шуази сдал свою шпагу Суворову, то тот проявил прису-

щее ему в отношении адекватного врага благородство и вернул ее обратно владельцу. При этом он обнял опешившего француза и даже поцеловал.

На этом рыцарственном поступке *первая* Польская кампания Александра Васильевича Суворова благополучно завершилась, а де Шуази всю свою оставшуюся жизнь хвастался, что сумел-таки «сыграть в ничью» с самим «русским Марсом» – главным мастером своей эпохи по «остервенелому наматыванию вражеских кишок на русские штыки».

...*Между прочим*, 12 мая Екатерина II очень довольная Суворовым сделала ему поистине «царский» для скромного и скуповатого Александра Васильевича подарок: тысячу червонцев – золотых рублей за «взятие» «при пароле» Краковского замка. Императрица-«матушка» расщедрилась и ещё 10 тыс. рублей прислала ему для... раздачи всем участникам «осады» злополучного Краковского замка...

Через 22 года Суворов снова окажется в Польше и начнется его *Вторая* Польская кампания – столь же стремительная, но гораздо более кровавая, правда, об этом чуть позже.

...*Между прочим*, пока русские и поляки гонялись друг за другом по Польше и Литве, австрийцы тихой сапой вошли в Польшу через венгерско-польскую границу, заняли столь привлекавшие их издавна территории с богатыми соляными копиями и в одностороннем порядке объявили их своими, *вернее «возвращенными»*, как отторгнутыми в 1412 г. от Венгрии к Польше после судьбоносной для Восточной Европы битвы при Грюнвальде (Танненберге). Поскольку Россия все еще продолжала вести тяжелую войну с турками, то Екатерине II было не до военного конфликта с Австрией и, тем более, хоть и с воинственным, но уже стареющим и не столь бодрым королем-полководцем Фридрихом II. Она согласилась на переговоры о разделе Речи Посполитой с братом прусского короля принцем Генрихом. После долгих и непростых переговоров зимой 1772 г. Россия получила то, что хотела: никогда не входившие в Польшу – часть Литвы (Полоцкое и Витебское воеводства), а все Левобережье Днепра (в пределах Малороссии и *столь актуальной для современной России – Новороссийск*) тоже осталось за российской короной – всего 92 тыс. кв. км и 1 млн. 300 тыс. жителей...

Не будем вдаваться в подробности первого раздела Польши, одним из инициаторов которого был прусский король Фридрих II Великий, который, не воюя, получил большое приращение территории виде исконно польских северных земель – 36 тыс. кв. км. и 580 тыс. жителей. Скажем лишь, что самые крупные выгоды с максимальным уроном для поляков приобрели австрийцы – 83 тыс. кв. км. и 2 млн. 600 тыс. жителей

Нас интересует «русский Марс», чьи стремительные и умелые действия в значительной степени повлияли на успешный исход кампании и привели к первому разделу Польши.

Важно и символично, и другое!

Именно в Польше Александр Васильевич Суворов впервые проявил себя как самостоятельный одаренный военачальник. Непредсказуемый русский полководец совершал стремительные марши-броски и одерживал меньшими силами убедительные победы над противниками, предпочитавшими вести партизанскую войну (*эффективные средства против которой до сих являются наибольшей проблемой для всех развитых в военном отношении держав...*) против русских войск. Поверженными оказались видные предводители поляков братья Казимир и Франц Пулавские, Сапега и Оржевский, а также воевавшие на их стороне французы – де Шуази и будущая «звезда» революционных войн Шарль-Франсуа Дюмурье, все – военачальники отнюдь не бесталанные.

Именно в Польше Александр Васильевич Суворов пробовал свой меч, «набивал руку» в этой малой, но отнюдь непростой – (повторимся!) *партизанской по своей сути* – войне. Его польские победы стали первыми лавровыми листьями, которые он «вплел» своей неутомимо-острой саблей в неувядаемый венок русской военной славы. И проделал он это на лесисто-болотистых территориях с непроезжими дорогами, крепкими замками шляхты и укрепленными католическими монастырями – идеальными условиями для партизанщины. И это

когда австрийская граница, непроницаемая для русских войск, скрывала за собой места сосредоточения и обеспечения повстанческих отрядов конфедератов.

Начал Суворов с того, что въедливо и категорично потребовал от своих офицеров инициативы в тщательном сборе и истолковании многоцелевой развединформации. Кроме того, докладывавший Суворов приказывал все новости, «сколько бы такие шпионские повести невероятны не были». Таким образом, Суворов знал состав отрядов и планы конфедератов по всей Речи Посполитой. Более того, вспомнив уроки отца (специалиста по перлюстрации) приказал на почтовых дворах просматривать всю корреспонденцию. Своевременная дотошная оценка разноплановых сведений снизу помогала Суворову упреждать действия противника, правильно выстраивая свои операции, так как своих сил у него было немного. Ведь от точности сведений зависело решение о выборе удара по противнику себе «по силам», чтобы избежать ненужных потерь. Суворов четко определил, что могло считаться для солдат законной добычей. Им разрешено было пользоваться имуществом противника, побежденного с оружием в руках. В случае грабежей (*особенно этим грешили казаки*) виновного полагалось наказывать шпицрутенами – толстыми прутьями, вымоченными в соленой воде. Прогон сквозь строй, где «сослуживцы» наносили виновному от 100 до... ударов, как минимум отправлял несчастного в лазарет, а как максимум –..., впрочем, каждый читатель предполагает исход наказания в силу своей фантазии.

В упорной борьбе с народом, стремившимся к национальному освобождению, Суворов наглядно показал всему миру, что и с малыми силами «можно побеждать врага (как он выражался – *без тактики и практики*) одним *взглядом, быстротой и натиском*».

Стрельба в ту пору действительно замедляла атаку. А Александр Васильевич был ярким приверженцем принципа **«В атаке не задёрживай!»**. Естественно, что его войска предпочитали холодное оружие, причем, как и пехота, от которой требовалось **«ломать противника штыками!!!»**, так и кавалерия, которой полагалось **«смело врубаться во врага не испорченным фронтом»**. Лишь драгуны в ходе «фланкировки» (проскакивания мимо рядов противника) могли стрелять из пистолетов. Стрелять коннице и пехоте рекомендовалось лишь в погоне, **«но и тут напрасно весьма пули не терять, лучше и тут холодное оружие»**, поскольку **«пистолет не бьет, а доканчивает»**. Главное – не останавливаться, гнать стремительно. Прицельная ружейная стрельба требовалась им только от егерей (**«верно целить, в лучших стрелять, что называется в утку»**), *«коим должность только в том и состоит»*. Тогда как линейная пехота (гренадеры и мушкетеры) вела неприцельный залповый огонь – внешне весьма эффектный, но по сути малоэффективный. Его артиллеристы стреляли редко, но прицельно, оставаясь в ходе боя при пехоте (для прикрытия) или в резерве. Чужую артиллерию он приказывал атаковать со всей стремительностью, чтобы снизить потери от ее огня в своих рядах. Конницу Александр Васильевич, порой, водил в атаку сам, хотя и понимал, что со своей шупленькой фигуркой, на маленькой казачьей лошадке выглядит среди рослых всадников (преимущественно карабинеров и реже драгун) на их огромных конях смешно, «парлекински». Положение устава, что карабинера (как и драгуна) можно использовать в пешем строю, казалось Суворову упадническим: «Карабинер без лошади, как бочка без вина». Гусар и драгун он считал лучшим видом войск в Польше: «карабинеры всегда будут тяжелы против бунтовников»; «нелепо тяжелой кавалерии гоняться за бегающей шляхтой». Казаков – «лучших людей для погони» – если им под угрозой шпицрутенов запретить слезать с коней, чтобы не мародерствовали, он стремился использовать не только в погоне-преследовании, где они были хороши со своими пиками **«бегущему в крестец»** (*«огнестрельное оружие» – «только для сигнала»*), а также – в разведке, но никак не в генеральной атаке.

Недаром именно с той поры о Суворове, чье имя стало известно в Европе, стали говорить как о «диком» полководце, обязанном своим успехам лишь невероятному «военному счастью», что он неосмотрительно оставляет свои позиции уязвимыми ради удалого и быстрого напора.

Поговаривали, что сам Фридрих II Великий обратил тогда на него свое внимание и в одном из своих стихотворных опусов рекомендовал полякам остерегаться его. Легендарный прусский король-полководец как в воду глядел: через пару с лишним десятков лет победоносный Суворов, уже овеянный славными победами в войнах с турками еще вернется во вновь забурлившую Польшу и «огнем и мечом» расставит все точки над «i» в ее судьбе на очень долгие годы!

И последнее, на эту тему.

Суворов, безусловно, внимательно изучал не только громкие победы Румянцева на турецком фронте, но и его преобразования, их обусловившие, **заклучавшиеся в отмене «всего лишнего» как в учении, так и в бою.**

Какое-то время Суворов еще оставался в Литве в корпусе своего, кстати, конкурента в «гонке за чинами», генерала-поручика Ивана Карповича фон Эльмпта (1725—1802), где провел месяц, пытаясь забыться на званых вечерах и балах в Вильно. В память о «былом» с прекрасными паннами и прелестными панёнками остались честные признания Александра Васильевича: «Не много знал я женщин, но, забавляясь в обществе их, соблюдал всегда почтение. Мне недоставало времени быть с ними, и я их страшился. Женщины управляют здешнюю страну, как и везде; я не чувствовал в себе достаточной твердости защищаться от их прелестей».

Екатерина II по достоинству оценила удачные действия своего талантливоего военачальника.

Надо отдать ей должное: ушлая и дальновидная немка очень внимательно и крепко «держала руку на пульсе» генеральских «терок» на предмет соперничества за славу первого полководца России. Она крайне дозированно применяла тактику «сдержки и противовесов» среди этих крутых мужиков-«мясников», не подпуская никого на пушечный выстрел к Военному Олимпу (где нет места для двоих!), кроме «себя любимого». Знала эта Большая Мастерница Большого Секса, где у военных – главная «эрогенная зона» и, как ее «стимулировать» на подвиги во Славу Отечества и... Ее Величества Екатерины Великой!

Напомним, что произведя Александра Васильевича 1 января 1770 г. в генерал-майоры, государыня-«матушка» этим не ограничилась и пожаловала ему 30 сентября того же года его первый орден. Им стал ор. Св. Анны, причем, сразу высшей степени – 1-й, но в то время это была ещё частная награда наследника престола Павла Петровича.

Правда, получил он его лишь 13 ноября: военные «пути-дороги» не всегда – прямые и короткие, а, порой, весьма извилистые и протяженные, а для армейских служак нередко смертельно опасные и тогда заслуженные ими кровью и увечьями награды не успевают найти своего героя. Так бывает...

...Кстати, орден Св. Анны (красный эмалевый крест на золотой вязи) – нерусский по своему происхождению – был учрежден в 1735 г. голштейн-готторпским герцогом Карлом-Фридрихом в память незадолго до этого скончавшейся супруги, Анны Петровны, обожаемой дочери Петра Великого. С начала 1740-х гг., когда в Россию прибыл голштейнский наследный принц Петр-Ульрих, будущий российский император Петр III, орден стали вручать и русским подданным. Но серьезно он вошел в оборот лишь в 1797 г., уже при Павле I, а в эпоху 1812 г. имел три степени. Низшая, 3-я ст., выдавалась только за военные заслуги, зато 2-я и 1-я – могла быть наградой и за гражданские дела. Причем, Св. Анной 1-й ст. за исключением редчайших случаев среди военных награждались лишь генералы. Всего за войну 1812 г. «этой анной» был удостоен 224 генерала и 1 полковник, вскоре ставший генерал-майором. Первым тогда его получил немолодой уже генерал-майор А. П. Мелиссино – шеф Лубенского гусарского полка – за жаркое дело под Яново в самом начале Отечественной войны 1812 г., героически погибший в сабельной рубке под Дрезденом в 1813 г. Любопытно, но его получил и «серый кардинал»/«мозговой центр» маршала Нея, швейцарец барон Генрих Жomini, перешедший от Наполеона в 1813 г. на сторону российского императора. Став у Александра I генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом, много знавший о наполеоновской тактике и стратегии, Жomini

за дальновидные советы при Кульме и Лейпциге, оказался награжден низшим из достойных его генеральского чина орденом – первостепенной «Аннушкой»...

Примечательно, что свой первый генеральский чин, как и первый орден, наш герой получил *лишь на сороковом году жизни*, тогда как его конкуренты по воинской славе прошли этот знаковый рубеж гораздо раньше: И. П. Салтыков – в 31 год, Н. И. Салтыков, еще раньше – в 27, а мастер на все руки Н. В. Репнин и вовсе – в 26 (!) лет. Подобный расклад «щемила душу» сколь амбициозного, столь и одаренного (или, наоборот) Александра Васильевича: *прохождение по чинам тех или иных «героев своего времени» всегда воспринималось в военной среде крайне болезненно.*

Императрица-«матушка» «все видела-все знала» и вскоре наградила блеснувшего в Польше неординарным дарованием А. В. Суворова (19.08.1771) Св. Георгия 3-го класса, минуя низший, начальный – *четвертый!*

...*Между прочим*, поскольку Александр Васильевич сразу был награжден 3-м классом ор. Св. Георгия – то после этого он уже никак не мог удостоиться низшим классом и не стал полным георгиевским кавалером в отличие, *например, от М. И. Кутузова*. Зато с другой стороны Суворов стал **одним из трёх** кавалеров этой самой почётной российской военной награды за всю ее историю, *награждённых с 3-го по 1-й класс...*

Более того, в конце года (20.12.1771) Екатерина жалует ему еще и ор. Св. Александра Невского, который был задуман Петром I исключительно как боевая награда, но затем с шаловливой ручки его супруги-драгунской портомой-«подстилки» стал выдаваться и за военные и за гражданские заслуги. (*Правда, во время 1812 г. на него мог претендовать только военный, причем, не ниже генерал-лейтенанта.*)

...*Кстати сказать*, еще 26 ноября 1769 г. весьма воинственная императрица Екатерина II учредила единственный в истории России **чисто военный орден Святого великомученика и Победоносца Георгия** 4-х классов. Это была самая почетная боевая награда дореволюционной России. Именно об этом ордене принято говорить «такого-то **класса**», тогда как обо всех остальных орденах – «такой-то **степени**». Его получить могли военачальники и офицеры только за личные заслуги на поле брани. Высшего, 1-го класса удостоивались главнокомандующие за выдающиеся победы, 2-м и 3-м – генералы и старшие офицеры за выигранные сражения и взятые крепости, 4-м – офицеры за блистательные личные подвиги. Первым кавалером этого ордена, причем, высшего (первого) класса, естественно, стала... сама Екатерина, сама себя наградившая. (Так бывает, в том числе, с женщинами-«узурпаторшами», пролезшими на престол через мужеубийство и свои... сластолюбивые «врата рая»!) Вторым в этом почетном списке числится П.А Румянцев (за Ларгу), причем, у него тоже Георгий 1-го кл. Первым полным кавалером этой наипрестижнейшей награды, т.е. отмеченным всеми ее четырьмя классами стал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Своего первого Георгия 4-го кл. он получил в 1775 г. за 1-ю русско-турецкую войну, Георгия 3-го кл. ему дали за штурм Измаила в 1790 г., уже через год – Георгия 2-го кл. – за Мачин в 1791 г. и за военные заслуги перед Отечеством в эпоху «грозы» 1812 г. – Георгия 1-го кл. Следующим полным кавалером Св. Георгия стал его антагонист – генерал от инфантерии Михаил-Богданович Барклай-де-Толли. Чаще всего награждались люди Св. Георгием 4-го кл....

Так началась долгая и блистательная карьера самого известного русского полководца, одного из очень немногих (*в который уже раз повторимся*), кто в истории войн сумел остаться непобежденным в больших сражениях...

Глава 4. Полководец Суворов – человек-«чудак»?!

После недолгого пребывания в Финляндии, где в феврале 1773 г. Суворов под чужим именем проводил инспекцию границ со Швецией на случай возможной войны со шведами [*провоцируемый французами, «расхорохорился» братец Гу, так звала шведского короля Густава III (1746—1792) Екатерина II*] и разработал план укрепления границ (не только крепости Вильманstrand, города Лаппеэнранта, но и всех приграничных укреплений). Но уже 4 апреля 1773 г. из Санкт-Петербургской дивизии А. М. Голицына, где он числился без должности, приказом Военной коллегии его перевели на юг России.

Там активизировалась русско-турецкая война (1768—1774 гг.)

А ведь Суворов уже давно (*еще с конца 1768 г., только-только направляясь в Польшу*) постоянно рвался в настоящее дело – на войну с турками. Недаром он настойчиво просил своих друзей в Петербурге, имевших выходы (подходы) на вице-президента Военной коллегии графа Зах. Григ. Чернышева и полномочного министра в Польше князя Мих. Никит. Волконского, а затем и напрямую – *к самой императрице* – «выдернуть» его из Польши «...туда, где будет построжае и поотличнее война»; «мне не найдется здесь дела, приличного моему званию, как военного, – писал он, ...я здесь совершенно лишний».

Он вообще всю жизнь стремился жить по принципу: **«где тревога – туда и дорога!»**

...**Кстати сказать**, если для Екатерины это была ее первая война, то для России это уже было очередное кровавое столкновение с Оттоманской Портой за последние три четверти века! Россия рвалась вернуться на берега Черного моря, которое за несколько веков Турция превратила в свое внутреннее озеро! Это уже была пятая по счету сшибка: два относительно успешных Азовских похода Петра I в 1695 и 1696 гг.; печально знаменитый Прутский поход 1711 г. с отнюдь «непрозрачным» финалом; Крымская война 1735—1739 гг. Причем, все они, как правило, заканчивались безрезультатно: можно ли считать успехом возвращение после последней из этих войн всего лишь Азова?...

В 1769—1771 гг. 1-я румянцевская армия научилась побеждать турок малым числом и с малыми потерями, но она слишком многих солдат лишалась на маршах и в лагерях от плохого питания и болезней. Сил для броска за Дунай у них уже не было. Наступило вынужденное затишье. Румянцеву посылались подкрепления, но по указанным причинам у него сохранялись силы лишь на оборону.

В общем, ситуация сложилась патовая!

Вот в таком непростом раскладе и оказался Александр Васильевич на «настоящей войне», причем, под началом уже знакомого ему по Семилетней войне славного Петра Александровича Румянцева. Если для первого эта война с турками стала его звездным часом, то Александру Васильевичу предстояло закрепить репутацию, заработанную в нелегкой борьбе с польскими конфедератами, победами над совершенно другим по психологии ведения боя врагом.

Ему надобно было отшлифовать свою сформированную в Польше философию войны, т.е. «Науку побеждать!»

В его глазах польская кампания не была «настоящей войной». Бунташные поляки не являлись по его мнению подлинными противниками. Эти «партизаны» не создавали, с его точки зрения, реальной опасности для регулярных русских войск. Война «построжае», с настоящей вражеской армией – вот что ему требовалось для проверки и усовершенствования военной системы. Таким врагом были турки, которые отличались яростью в атаке (*особенно – в первой!*), но не стойкостью в обороне против действующих в европейской манере ведения сражения регулярных войск.

...*Кстати сказать*, после первых неудач в боях и сражениях с русской армией турецкое командование задумалось над их причинами и принялось реорганизовывать свою армию. Султан Мустафа III приказал больше не использовать на главном театре военных действий нерегулярные войска из-за их ненадёжности. Визирь составил свою главную армию только из регулярных войск – янычар, численность турецкой армии при этом уменьшилась, зато дисциплина улучшилась. В кампаниях 1769 и 1770 гг. русская артиллерия наводила ужас на турок, турецкая же артиллерия была неповоротливой и потому неэффективной. С помощью французских специалистов (*одних из лучших в ту пору в Европе*) турки наладили производство облегчённых пушек и уже к лету 1771 г. 60 орудий нового образца прибыли в армию визиря. Полное превосходство русской армии в полевых сражениях с одной стороны, и упорная защита турками Бендер и Браилова с другой, заставили султана и визиря изменить свою тактику – они решили сильными гарнизонами оборонять ключевые крепости и только в удобном случае переходить в наступление большими силами...

Так сложилось, что именно войны с турками стали для Суворова решающим испытанием и полигоном для развития его военной системы.

Александр Васильевич оказался под непосредственным началом у давно обошедшего его по службе командующего 12-тысячной дивизией генерала-поручика, графа Ивана Петровича Салтыкова (1730—1805), что для исключительно самолюбивого Суворова было очень болезненно. Тем более, что вскоре суворовский конкурент станет генерал-аншефом (полным генералом) и с ним у ершисто-амбициозного Александра Васильевича всю жизнь были постоянные, выражаясь современным сленгом XXI века, «терки» и «непонятки». Ивану Петровичу – сыну победителя самого Фридриха II Великого под Кунерсдорфом – поручили активизировать «закругление» войны: истощенная войнами с поляками и турками Россия нуждалась в мире. Намеченные рейды («поиски») за Дунай – для отвлечения огромных сил турок от действий под Силистрией главных войск Румянцева (всего-навсего 15 тыс. чел.) – Салтыков поручил рвущемуся подтвердить свою боевую репутацию на турецком фронте генерал-майору А. В. Суворову.

6 мая 1773 г. тот прибывает в свои войска в Негоешти и готовится к активным боевым действиям.

Примечательно, что турки первыми попробовали напасть на русских, переправившись в ночь на 9 мая через Дунай, но получили отпор. Суворов смог уточнить их силы – до 4 тыс. чел. и (*без согласования?*) сам решил форсировать свои ответные действия, поскольку враг уже знал его месторасположение.

И вот 10 мая 1773 г. отряд 2-й дивизии генерал-поручика Салтыкова в **710** воинов – 650 солдат и 60 казаков – (по другим данным – от 800 до 1000 пехоты, казаков и карабинеров) под командованием Суворова совершил удачный «поиск» (*разведку боем*) на другой берег полноводного Дуная на сильно укрепленный **четырьмя тысячами** турок городок **Туртукай**. Это оказался его **первый** «поиск» на этот опорный пункт турок, причем, в нем отличился и сам Александр Васильевич.

...*Рассказывали, что когда его солдаты ворвались в итыковой атаке на главную батарею, шедший в первых рядах Суворов был сильно контужен (или даже ранен?) в ногу внезапно разорвавшейся на мелкие куски турецкой заряженной пушкой. Он упал, но тут же заставил себя подняться и прежде всех вскочил в неприятельский редут. Бородатый янычар бросился на него с поднятой саблей, но Суворов не растерялся и обезоружил неприятеля...*

В ночной атаке из Туртукая был выбит его гарнизон, захвачено 16 пушек и 51 судно. По разным оценкам турки лишились **от 1 до 1,5** тысяч только убитых. Суворов в реляции написал, что «солдаты разсвирепев, без помилования кололи». Туртукай был «выжжен, обращен в пепел и вконец разорен». Его население было переправлено на безопасный русский берег Дуная. Победа стоила русским **26** убитых и ок. **40—42** раненых (*по другим данным – гораздо больше!*).

Но именно в том бою (в своем **первом** поиске на Туртукай!) Александр Васильевич опробовал атаку походными колоннами (по уставу, по старинке называемых «каре»), где главным была не пальба, а скорость атаки и мастерская работа штыком – «остервенело наматывать на него кишки противника» (натурализм на войне – обычное дело). Впервые она оказалась применена против настоящего врага, а не польских «партизан».

...**Между прочим**, по некоторым данным, по соседству с Суворовым в том поиске действовал 4-тысячный отряд будущего всесильного фаворита Екатерины, а потом и начальника и покровителя Александра Васильевича... Григория Александровича Потемкина, в ту пору 34-летнего генерал-поручика. (А не его дальнего родственника **Павла А. Потемкина**, как это, порой, встречается в отечественной литературе!) Их знакомство произошло в боевой обстановке, а это, как правило, сближает. Они переписывались и Александр Васильевич дружески именовал Потемкина «Милостивый Государь мой Григорий Александрович!»...

Говорили, что уже после боя, сидя на барабане, Суворов будто бы набросал карандашом два лаконичных, остроумных послания в стиле знаменитого послания Цезаря римскому сенату после победы над Фарнаком: «Пришел. Увидел. Победил.» (Veni. Vidi. Vici.)

Командиру своего корпуса генерал-аншефу И. П. Салтыкову-младшему он написал: «Ваше сиятельство! Мы победили. Слава богу, слава вам». Заодно добавив: «... Лишь только батюшка, давайте поскорей второй класс!» (Речь идет об ор. Св. Георгия 2-го кл. – награде полководческого масштаба! Для сравнения скажем, что его за мужество и выдающееся полководческое мастерство при Бородино **единственным среди всех героически действовавших в той грандиозной битве русских генералов получил лишь Барклай-де-Толли!**) Через пару дней, прикидываясь простаком (Александр Васильевич обожал это делать; по крайней мере, так полагают некоторые историки!), наш герой снова «выцыганивает» престижный орден: «Не оставьте, батюшка Ваше Сиятельство, моих любезных товарищей, да и меня Бога ради не забудьте; кажется, что я вправду заслужил Георгиевский второй класс, сколько я к себе ни холоден, да и самому мне то кажется». Вскоре, он уже «канючит» (?) «Егория» у самого президента Военной коллегии графа З. Г. Чернышева: «Когда же меня повысит соизволите в Георгия 2-й класс...» Если все это – так, то в этом весь Александр Васильевич Суворов: в бою себя не щадил, но и о своих заслугах готов был напоминать до бесконечности.

А в рапорте командующему дунайской армией Румянцеву согласно историческому анекдоту Суворов и вовсе якобы съёрничал: «Слава Богу, слава Вам; Туртукай взят, и я там». (На самом деле никакого такого документа нет и в помине.) Якобы Румянцев, знавший толк в доходчиво-кратких армейских рапортах, отослал «это донесение» самой императрице, как образец «беспримерного лаконизма беспримерного Суворова».

Есть и другие «продолжения» (его первой) туртукайской победы, вплоть до того, что Румянцев якобы наказал Суворова строгим выговором за данный поиск, который изначально планировался лишь как разведка, но не захват Туртукай. По другой, менее правдоподобной, версии за самовольные действия Александра Васильевича он вроде бы даже отдал того под военный трибунал за то, что тот якобы самочинно провел этот свой победный поиск в стан врага и будто бы уже на смертном приговоре (!) военной Коллегии А. В. Суворову сама императрица (!) сочла необходимым начертать: «Победителя судить не должно!»

Что это: то ли – было, то ли, все же, небыль?

Другое дело, что Суворов явно был человеком очень нелегкого характера и это еще, мягко говоря.

Недаром Байрон потом скажет о нем крылатые слова – «герой и шут, полумерзавец, полудемон!». А ведь он и сам открыто признавал за собой горячность, излишнюю нетерпеливость, мнительность и раздражительность: «Я иногда растение „Noli mi tanger“, то есть, не трогай, иногда электрическая машина, которая при малейшем прикосновении засыплет искрами, но не убьет».

Все его современники открыто признавали, что он – один из храбрейших и искуснейших полководцев мира, но, по меньшей мере, слишком странен в общении. Кое-кто и тогда, и сегодня склонен считать, что Суворов умышленно скрывал ум под выпячиванием странностей, «шутовства/скоморошества».

Так якобы ему казалось легче оградиться от завистников.

Еще в юности Суворова за необщительность прозвали «чудаком». Позднее молва преувеличила его странности, создав особую легенду вокруг его имени. Уже в зрелом возрасте он удивлял людей тем, что ходил припрыгивая, говорил очень отрывисто, пересыпал речь поговорками и прибаутками, иногда весьма странно кривлялся и посмеивался, слушая других; молчал, когда ждали его речей, или, начав говорить умно, красноречиво, вдруг останавливался, смеялся и убегал, прыгая на одной ноге.

...Так однажды уже под старость, к нему в Польше с просьбой обратилась делегация от местного дворянства. Он, прекрасно понимая, что не сможет ответить на нее положительно, вышел на середину приемной залы, поднял руки и подпрыгнул: «Матушка-императрица Екатерина Алексеевна в-о-о-о-т какая большая!!!». Затем он резко присел на корточки: «А Суворов в-о-о-о-о-о-от какой маленький...» – после чего поклонился и стремительно выбежал вон»...

Впрочем, вполне возможно, что все подобные «живые картинки» (как вышеизложенные, так и нижестоящие!) – всего лишь, небыль – **своего рода исторические анекдоты** – призванные разукрасить портрет национального героя, каким принято считать Александра Васильевича Суворова!?

Спору нет – он был гением (а «**гений** – это такая власть, в которой находится... человек») со всеми присущими им «нелогизмами» и прочими «нюнсами» малопонятными рядовому обывателю.

Скорее всего, его «странности» шли от глубоко уязвленной гордости и неудовлетворенного честолюбия, боязни «не состояться», которая лишь усиливалась с годами, по мере того, как развеялись детские мечты о Славе. Отсюда и его кривляния, выставление себя в смешном виде, чтобы никто не разглядел его грандиозных замыслов и его... гордыни. Его внутренняя независимость маскировалась под грубоватую прямоthu старого служаки. Вольно или невольно он отваживал от себя достойных людей своими «странными» выходками, задевающими самолюбие, достоинство людей и элементарные приличия.

...Так, рассказывали, что когда приглашенный им на обед лощенный штабной офицер Энгельгардт, усмехнулся, заметив, что сержант гвардии разносит водку сугубо по старшинству, то Суворов внезапно вскочил из-за стола и с криком «Воняет! Воняет!!» опростомельно кинулся из комнаты. Выскочившему за ним адъютанту, он коротко заявил: «За столом вонючка!». Пришлось адъютанту вежливо объяснить опешившему Энгельгардту, что у него «грязные сапоги» и в таком виде за столом с Суворовым сидеть нельзя. Энгельгардт, естественно, обиделся и ушел. А эта весьма неприличная история быстро разнеслась по гвардии.

Впрочем, то ли это – быль, то ли – небыль...

С годами Суворов так сросся с однажды выбранной им самой маской-личиною, что уже трудно было понять даже много лет прослужившим с ним людям, **где он – подлинный, а когда – «ломает Ваньку»**. Дело дошло до того, что когда он все-таки получил столь желанный им фельдмаршальский жезл, то в армии и при дворе гуляло мнение, что фельдмаршальство для Суворова – **«чин по делам, но не по персоне»**.

Его причуды и чудачества не нравились всем, **кроме солдат**. Говорили, что он мог, не стеснясь, справить большую и малую нужду перед строем, но солдатский рапорт он всегда слушал, **стоя на вытяжку**. Солдаты знали, что ни одно его чудачество не оскорбит, не обидит солдата напрасно. Все были уверены в его сверхъестественных способностях. Например, в войсках ходили слухи, что он видит человека насквозь, а значит – человек с нечистой сове-

стью не может прямо на него смотреть, что он узнает труса по лицу, ставит его вперед, и трус делается храбрецом. Вера солдат в него была беспредельна, они боготворили его и, *когда* он с ними наравне бросался в пекло и получал раны [*все его тщедушное тело (и даже тельце?), было покрыто шрамами*] и, *когда* губил их на маневрах. А он со знанием дела подбадривал их шутками-прибаутками, а в самых кровавых делах и вовсе позволял себе более чем соленные выражения на истинно русском языке. Среди великих полководцев подобным сверхъестественным почитанием пользовались только единицы – пожалуй, лишь Александр Македонский и Наполеон Бонапарт.

...**Кстати**, характерно, что к себе в штаб Суворов подбирал людей не с громкими именами – чужие амбиции были ему не нужны. Он окружал себя исключительно людьми, в которых действительно нуждался, т.е. тех, кто энергичен, исповедует атакующую манеру ведения боя и..., между прочим, **послушен**...

Этот маленький, худенький, вечно подвижной и юркий человек, действительно, как никто другой среди полководцев своей эпохи умел вдохновить своих солдат на невозможное, на подвиг и в отличие от многих «чины он брал саблею», Правда, в тоже время в общении он зачастую был не просто исключительно требователен, *но капризен и даже невыносим. С годами эта его черта характера лишь усугублялась.*

...Так, если он, приучивший себя в любую погоду ходить в одном суконном мундирчике, видел, что не имеющие права в его присутствии накинуть плащи офицеры во время смотра или маневров ежатся на сильном морозе, то намеренно затягивал их, что нередко приводило к простуде офицеров...

Примерно так он поступил и во время первой встречи со своим зятем Николаем Zubовым, братом всесильного последнего екатерининского фаворита-красавчика Платошеньки Zubова. В 20-градусный мороз привычный к холоду Суворов отказался от шубы и шляпы и всю дорогу ехал с ним до Зимнего дворца в карете в одном мундире. Zubову пришлось поступить точно также и он до того замерз, что потом, проклиная старого тестя, долго отогревался в покоях своего брата Платоши...

Самого Платона Zubова Суворов принял в... нижнем белье, объяснив присутствующим, что накануне фаворит принял его – Суворова (!!!) – в повседневном костюме...

...Однажды, увидев в окно подъехавшую карету с нежелательным визитером, Суворов опрометью бросился к выходу, и не успели лакеи толком открыть дверцы, как Суворов уже вскочил внутрь, побеседовал несколько минут с гостем и... стремительно распрощался...

В другой раз, во время обеда, при виде вошедшего гостя не тронулся с места, а велел поставить рядом стул: «Вам еще рано обедать. Прошу пока посидеть»...

Сжиться с Суворовым, приладиться к нему было очень трудно, а потрафить ему всегда и во всем – невозможно. **Если затрагивалась его военная слава, то тут он подобно Наполеону, впрочем, как и многим другим выдающимся воякам, был не просто еришист, а крайне нетерпим.** Но если в ответ на самую тонкую лесть и похвалу он обычно поворачивался спиной, то *когда заходила речь о его непобедимости он тут же становился исключительно любезен.* Укоренявшую в обществе его непобедимость он не просто любил, а любил страстно, причем, «...не из тщеславия, а как нравственную подмогу и, так сказать, заблаговременную подготовку непобедимости». Не спроста же, любые разговоры о войне (*тем более, о его победоносных походах!*) были самой любимой темой его общения!

Почтительный к своим начальникам, добрый к солдатам, он был очень горд, крайне невежлив, невероятно склочен и до грубости заносчив с равными себе по чину и должности «коллегами по кровавому ремеслу», **т.е. с теми в ком видел своего конкурента либо соперника.** Все понятно: об этом по-военному лаконично и доходчиво как-то высказался «нечаянно пригретый славой» победителя самого Наполеона Бонапарта герцог Веллингтон: *то ли «На Олимпе нет места на двоих!», то ли «На вершине нет друзей!»*

Повторимся, что особо сильно Суворов не ладил со своими сверстниками-полковниками – Н. В. Репниным, И.П. и Н. И. Салтыковыми, А. А. Прозоровским, М. Ф. Каменским, В. В. Нащокиным, Иваном Карповичем Эльмптом (*Иоганном-Мартинном фон Эльптом*) (1725, Клеве – 10.5.1802, мыза Свитен, Свитенская волость, Бауский уезд, Курляндская губерния) и др. **Всех поголовно он считал бездарностями и ничтожествами и не скрывал этого.** Он давал им ядовитые прозвища, сочинял колкие эпиграммы и за глаза именовал, не иначе, как «Ивашками, не знающими ни практики, ни тактики». «О матушке Екатерине может говорить Репнин – всегда, Суворов – иногда, а Каменский – не должен говорить никогда» – порой, язвил Александр Васильевич. Дело дошло до того, что он даже составил записку «Записка А. В. Суворова о службе» (1790 г.), где он перечислил «для памяти» имена всех военачальников, обошедших его по службе, и указал против каждой фамилии свои претензии и неудовольствия к «совместникам».

Остроты эти доходили до адресатов, людей непростых, порой – незаурядных и, зачастую – злых и мстительных. В свою очередь, они до конца своих дней упрямо отказывались признавать выдающиеся военные дарования Суворова, объясняя его победы невероятным везеньем, а при случае не гнушались ему напасть. Разозленный Александр Васильевич в ответ ерничал: «Каменский знает военное дело, но оно его не знает; Суворов не знает военного дела, да оно его знает, а Салтыков ни с военным делом не знаком, ни сам ему неизвестен».

...Рассказывали, что якобы, порой, дело доходило и до драки!

Так, если верить рассказу сына генерала Воина Васильевича Нащокина (1742—1804), записанному А. С. Пушкиным, однажды (в 1772 либо 1777 гг.?) случился между его отцом и Суворовым некий инцидент! Известный своей дерзостью, но не в бою, а в быту Нащокин, подобно Суворову слыл человеком эксцентричным, неуравновешенным. Недаром он самому Павлу I, уже императору, отказал вернуться на службу в заносчивой форме: «Вы, государь, горячи, да и я тоже!». Якобы Суворов его как-то поддел, указывая на свою очередную орденскую ленту (ор. Св. Александра Невского): «Вы, батюшка, покамест зайцев травили, а я затравил красного зверя!» Горячий и скорый на расправу Нащокин – человек недюжинной силы – не стал ничего отвечать, а просто отвесил тщедушному Суворову такого крепкого леца, что тот подобно мячику улетел в угол. Последний вынужден был ретироваться, приговаривая: «Боюсь, боюсь, он сердитый, жестоко дерется!»

Вроде бы разобраться в «оказанных Суворову грубостях со стороны Нащокина» главнокомандующий Румянцев приказал генералу А. А. Прозоровскому. Результат предписания неизвестен.

Так что же было на самом деле – вот в чем вопрос...

С Суворовым вообще нередко случались забавные приключения

...Как-то ночью, а дело было на Кубани, он заехал на первую по пути станцию. Комендант ее, старый служака-капитан, никогда не видел Суворова. Суворов же отрекомендовался просто: «От генерал-поручика послан: заготавливать ему лошадей». Несмотря на позднее время, капитан принял гостя как товарища, провел в свою комнату, накормил ужином и угостил водкой.

В разговоре капитан шутил, судил обо всех генералах – от Прозоровского до Каменского, но хвалил только одного Суворова за заботливость и внимание к солдату. Наконец гость, приятельски простившись, отправился дальше. Поутру капитан получил записку: «Суворов проехал, благодарит за ужин и просит о продолжении дружбы»...

...Другой случай связан с крымским ханом Шагин-Гиреем (1746—1787; «шагин» по-татарски значит «сокол»), личностью незаурядной, потомком Чингисхана. Хан получил образование в Венеции, хорошо знал итальянский, французский, греческий, арабский и русский языки, писал стихи по-татарски и по-арабски. В 24 года он возвратился в Крым совершенным европейцем по своим вкусам и бытовым привычкам, сохранив, однако, восточный темпера-

мент и тонко скрываемое властолюбие. Обладая высоким ростом и приятной внешностью, Шагин-Гирей умел производить впечатление на окружающих. Очарованная им Екатерина II называла его «мой милый татарин». Страстный поклонник шахмат он вечера проводил за шахматной доской со своими придворными.

Однажды он пригласил бывшего в то время в Крыму Суворова выпить кофе. Гости разместились по-европейски, в креслах за столом, только француз-камердинер подавал хану кофе, стоя перед ним на коленях. После кофе хану была подана турецкая глиняная с предлинным чубуком трубка, почти тотчас замененная второю и третьей. Заядлый курильщик, хан выкуривал их за несколько длинных затяжек. Соревноваться с ним Суворов, не любивший курево, благоразумно не стал. А вот за шахматной доской, поразив хана своей игрой, ловко договорился об улучшении отношений между татарами и русскими солдатами...

Многие из современников считали Суворова сумасбродом. Его манера знакомиться с людьми – он делал это как на допросе, стремительно закидывая человека частыми и быстрыми вопросами – казалась, по меньшей мере, странной. Ему не нравилось, когда люди приходили в замешательство, **но он уважал тех немногих, кто отвечал по-военному определенно, без запинки.** На эту тему в литературе гуляет много исторических анекдотов, подлинность которых каждый читатель волен оценивать сугубо индивидуально!

Вот лишь один из них...

...Рассказывал, что как-то, будучи проездом в Киеве, он встретил иностранца, искавшего, как многие иноземцы в екатерининскую эпоху, службы в России. Увидев незнакомое лицо, Суворов резко остановился, впери в него свой пронзительный взгляд прозрачных голубых глаз и коротко по-военному отрывисто спросил:

– Откуда вы родом?

– Француз, – отвечал тот, изумленный неожиданным вопросом и резким тоном.

– Ваше звание? – методично продолжал Суворов.

– Военный.

– Чин? – сухо, как на допросе, был задан следующий вопрос.

– Полковник!

– Имя? – не обращая внимания на дерзкий ответ, снова коротко уточнил Суворов.

– Александр Ламет.

– Хорошо! – все также бесстрастно кивнул головой Суворов и круто, по-военному через левое плечо повернулся, чтобы уйти. Но теперь Ламета – известного своим участием в войне за независимость Североамериканских штатов – покорила такая бесцеремонность. Он быстро заступил дорогу русскому полководцу и, глядя на него в упор, начал так же требовательно спрашивать:

– А вы откуда родом?

– Русский, – нисколько не конфузясь, отвечал Суворов.

– Ваше звание?

– Военный.

– Чин?

– Генерал!

– Имя?

– Суворов!

– Хорошо! – по-суворовски коротко заключил Ламет

Суворов захохотал, обнял «брата по оружию» и предложил ему свою дружбу...

То ли было, то ли – небыль?

...Между прочим, доподлинно неизвестно – кто – из трех известных братьев Ламет, мог попытаться устроиться на военную службу в России и была ли у кого-то из них встреча с А. В. Суворовым на самом деле!? То ли это – Теодор-Александр-Виктор Ламет

(24.6.1756, Париж – 19.10.1854, замок Бусаньи, Понтуаз), участник войны за независимость США, то ли **Шарль-Мало Ламет** (5.10. 1757, Париж – 28.12.1832, там же), тоже участвовавший в той освободительной эпопее, причем, в качестве адъютанта генерала Рошамбо, то ли самый младший из них – **Александр-Теодор-Виктор Ламет** (28.10.1760, Париж – 18.3.1829, там же), еще один участник той войны за океаном и также служивший адъютантом у этого военачальника. Их биографии оказались весьма богаты на крутые повороты, **но сведений о подобной встрече кого-либо из них с «русским Марсом» не отмечается!?** Соответственно выводы делайте сами...

А вот еще один анекдотический пример суворовской «неординарности»! Причем, хохма, да и только!

...Якобы, как-то раз за обедом на Царскосельском приеме Суворов в присутствии самой государыни-императрицы «отличился особо».

Два пажа в богатых светло-зеленых бархатных мундирах, не хуже фельдмаршальского, поднесли фельдмаршалу Суворову с двух сторон по две тарелки сразу. Суворов даже запнулся на секунду, в недоумении глядя на предложенные блюда.

– Пахнет из судака с налимьей печенкой. Репа в малаге, – сказал камер-паж справа.

– Ватрушки с луком. Гренки с мармеладом, – в тон ему доложил камер-паж слева.

Непобедимый полководец думал недолго. Он быстро глянул и стал решительно складывать содержимое с четырех тарелок на свою. Перемешал все и начал с аппетитом есть...

Говорят, за столом воцарилась гробовая тишина...

Глава 5. Дела семейные – дела неласковые

К сожалению, не просто складывалась и личная жизнь «екатерининского орла». Женился он – скорее – по необходимости успокоить стареющего отца, мечтавшего увидеть внуков, чем по личному желанию, не говоря уж о любви. Это случилось, когда ему уже стукнуло 44 года! Отец сам подобрал «вторую половину» своему сыну.

Ею стала княжна Варвара Ивановна Прозоровская (18.11.1750, Москва – 8.5. 1806, там же) – дочь Марии Михайловны (урождённой княжны) Голицыной (1717/18—1780) и отставного генерал-аншефа князя Ивана Андреевича Прозоровского (1712—1786).

...*Между прочим*, она была троюродной сестрой суворовского сверстника и соперника по полководческой славе, героя **Гросс-Егерсдорфа, Цорндорфа, Кунерсдорфа**, осады **Кюстрина** и *конного рейда на Берлин в 1760 г.* под началом генерала Тотлебена, князя, генерал-поручика Александра Александровича. Прозоровского (1732/33/34 – 9 (21).8.1809, полевой лагерь за Дунаем), командовавшего в ту пору корпусом в Крыму, ставшего при внуке Екатерины II фельдмаршалом 10 сентября (30 августа) 1807 г. ...

Прозоровские были не самой завидной партией: семья была обременена долгами – батюшка невесты обожал «дольче вита» – и могла дать за Варварой приданного всего на 12 тыс. рублей (*на 7 тыс. – драгоценных украшений и 5 тыс. – на покупку деревень*). Скорее всего, все это дали их богатые родственники – Голицыны. Варваре уже было 23 года (*или даже больше?*) и по тем временам она крепко «засиделась в невестах». Более того, за ней уже тянулся шлейф слухов и сплетен, порой, не самого приятного свойства (ветрена, увлекается мужчинами и т. п. и т.д.). К тому же, жених уже был известной личностью, а его прижимистый отец сколотил для него серьезное состояние.

Но у Прозоровской были сильные родственные связи при дворе!

Во-первых, через ее родного дядю по матери, хоть и не игравшего большой роли при дворе, но фигуры весьма видной – генерал-фельдмаршала Александра Михайловича Голицына (18 (29).11.1718 Або, Великое герцогство Финляндское – 8 (19).10.1783 Санкт-Петербург).

...*Кстати сказать, не надо его* путать с его современниками и полными тезками: Голицыным, Александром Михайловичем- (**вице-канцлером**) (6.11.1723 – 15.11.1807, Москва) и Голицыным Александром Михайловичем- (**тайным советником, гофмейстером, коллекционером**) (8 (20).9. 1772 – 31.7. (12.9.) 1821, Париж)...

А знаменитый генерал-фельдмаршал Голицын Михаил Михайлович-старший (1 (11).11.1675, Москва – 10 (21).12.1730) – ее прославленный дед – и вовсе был одним из лучших полководцев Петра Первого. [*Не путать с его тройным тезкой генералом-адмиралом Голицыным Михаилом Михайловичем-Младшим (или Меньшим) (1 (11) 11. 1681/84 – 25.5. (5.6.) 1764, Москва).*] Начав семеновцем, Михаил Михайлович-старший сделал стремительную карьеру. Врожденный недостаток (заикание) не мешало ему говорить правду в лицо самому Петру Великому. На вопрос царя о награде за одержанную победу над шведами при Лесной Голицын осмелился просить простить князя Аникиту (Никиту) Ивановича Репнина (1668, Москва – 3. (14).7.1726, Рига), опростоволосившегося в глазах Петра под Головчином в 1708 г. и разжалованным им в рядовые, хотя по началу речь зашла о смертном приговоре! «Знаешь ли ты, что он твой злейший враг?» – грозно вперив свой царский взор, в отличившегося Голицына, грозно рыкнул непредсказуемый и гневливый Петр. «Знаю, государь! – отрезал не робкой души Михал Михалыч, – но прошу ради пользы Отечества, ибо Аникита свое дело знает крепко (*тот действительно храбро сражался под все той же Лесной* – прим. Я.Н.), а хороших русских генералов мало!» Как полководец Голицын, несомненно, котиrowался выше Репнина, будучи хорош и на суше, и на море. Он стал генерал-фельдмаршалом, впрочем, как и Репнин. Правда, только он – при Петре, а Аникита – уже при петровской супругнице Екате-

рине I, когда бывшая драгунская портомоя и по совместительству солдатская подстилка задабривала петровских генералов себе на верность! При императрице Анне Иоанновне (петровской племяннице) Михаил Михайлович попал в опалу и очень быстро ушел в свой *Последний Солдатский Переход* – в мир Былой Славы и Громких Побед, причем, вроде бы весьма загадочных обстоятельствах!

Во-вторых, на Екатерине Михайловне, урожденной Голицыной (25.9.1723/24 – 22.9.1779, Москва) – сестре матери суворовской супруги, Марии Михайловны – был женат один самых знаменитых полководцев России – «Русский Нестор» – фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев.

Глубоко почитая отца, Суворов не стал с ним спорить и женился стремительно, так же как действовал на поле боя. 18 декабря 1773 г. состоялась помолвка, 22-ого – обручение, а 16 января 1774 г. – венчание: то ли в Москве (в церкви Федора Студита у Никитских ворот?), то ли – в одном из подмосковных имений Суворовых?

Брак был несчастлив с самого начала. **Молодожены никак не подходили друг другу.**

Варвара была красавица истинного русского типа – полная, статная и румяная, но как потом горячо утверждал сам Суворов, «противного полу» не чуралась и будучи девкой, тем более, что к свадьбе ей уже шел 24-й год. Ума она была весьма ограниченного, особым образованием ее не наделили (*как впрочем, и приданным*), кроме умения читать и писать. Более того, *грамотность ее оставляла желать лучшего: ...«астаюсь миластиваи гасударь дядюшка, накорная и верная куслугам племянница варвара Суворова»...* Так образом, оценить по достоинству незаурядность своего супруга она никак не могла, да и не хотела. Представительной внешностью невзрачный, крайне худой и сутуловатый, маленький и морщинистый Александр Васильевич не обладал, а все иное его супругу, обожавшую танцы и веселье, не интересовало.

Тогда как он был *Воин до Мозга Костей*, образно говоря, «женат» на «Кровавой по Натуре и Страшной Ликом Девке, по прозвищу **Война**» и этим все сказано.

...**Кстати**, многочисленная аристократическая родня невесты была против брака с простым армейским генералом. Особо громко «возмущались» соперники Суворова по чинам и наградам: один из жестоких усмирителей пугачевского бунта, генерал-аншеф, сенатор, граф **Петр Иванович Панин** (1721, Вязовна, Мещовский уезд, Калужская провинция, Московская губерния – 15 [26].4.1789, Москва) – брат Никиты Ивановича Панина, весьма влиятельного воспитателя наследника российского престола Павла Петровича и князь **Николай Васильевич Репнин** (1734—1801) – фигура в российской истории XVIII века, безусловно, незаурядная. Отношения у последнего с Суворовым так никогда и не сложились...

Родившаяся в этом браке 1 августа 1775 г. дочь Наташа («Сувороочка») стала самой большой радостью в личной жизни выдающегося полководца. Когда девочке было всего два года, боготворивший ее отец, умиленно писал: «Дочка вся в меня, и в холод бегают босиком по грязи». Семейные дела не ладились. Варвара Ивановна устала от кочевой жизни ее беспокойного супруга: порой, она действительно рисковала жизнью, как например, на Кубани, когда лихой рейд джамбулукского владельца Тав-Султана на Ейск чуть не обернулся трагедией и он едва не захватил крепость, где была в тот момент супруга Суворова, наводившего порядок в ногайских степях. Более того, вынужденная все время мотаться за своим легким на подъем супругом на новые места жительства Варвара Ивановна, порой, болела лихорадкой и, к тому же, из-за преждевременных родов потеряла двух детей (*по некоторым данным – мальчиков?*) в 1776 и 1777 гг. Это, естественно, отразилось, как на ее психо-эмоциональном состоянии (*для большинства женщин выкидыши – глубокая психологическая травма, нередко не понимаемая мужчинами, придерживающимися мнения «бабе – р`одить, что курице – яйцо сн`есть»*), так и на не простых взаимоотношениях между супругами, вступивших в брак сугубо по сговору родителей и по вековому принципу «стерпится-слюбится». Вот и Алек-

сандру Васильевичу, с головой ушедшему в его военно-административные хлопоты на государственном уровне и *Вечной Погоней* за Её Величеством **Воинской Славой**, постоянно сжигаемым завистью к более удачливым, по его болезненному мнению, конкурентам по полководческой славе – было не до нее.

Как правило, в таких случаях сексуальноактивные женщины (жены) вынуждены (?) искать утешения у ласковых и неутомимых в постели мужчин, которые очень во время оказываются... рядом с безутешной «брошенкой» (*не путать с «разведенкой», что – обидно, а первое – и вовсе, оскорбительно!*). Вот и у жены Суворова после всех ее «бабьих проблем/передрыг» завязался роман с... его внучатым племянником, премьер-майором Николаем Сергеевичем Суворовым (1747-?). Будучи адъютантом Александра Васильевича в конфедератской войне он особо отличился в ходе первого (неудачного) приступа (сходу) на Ландскрону, был тяжело ранен в руку, но службы не оставил. Дядя протезировал племяннику перед всемогущим Г. А. Потемкиным (*его зачислили секунд-майором в Санкт-Петербургский драгунский полк*), но «не делай добра – не получишь зла!», стал рогоносцем.

Симптоматично, что только к лету 1779 г. Суворов-муж, а не полководец, наконец разглядел роман своей супруги со своим близким родственником. Кое-кто из биографов Суворова полагает, что по началу Александр Васильевич склонен был оправдать проступок «Варюты» ее молодостью, неопытностью и тяготами походной жизни супруги настоящего, боевого, а не *паркетного* генерала.

Но потом по слухам вскрылись другие прелюбодеяния Варвары Ивановны – и пошло, и поехало. Скандал был нешуточный. При этом оскорбленный, невероятно взрывной по характеру, Суворов не считал нужным сдерживаться и срывался в бешенство. Вплоть до того, что «рапортовал» начальствовавшему над ним всемогущему фавориту Григорию Потемкину о жениных изменах: 21 мая 1784 г. он писал по-французски «Мне наставил рога Сырохнев. Поверите ли?» Иван Ефремович Сырохнев был секунд-майором Белозерского, потом – Кексгольмского, а затем – Казанского полка, которого совсем недавно Александр Васильевич за заслуги представил к орд. Св. Владимира 4-й ст. Он заведовал суворовской канцелярией и оказался человеком шустрым и с дамочками обходительно-неутомимым «павианом», особенно, когда их мужья денно и нощно пропадают на службе и не очень-то прилежно исполняют свой супружеский долг.

Брак дал серьезную трещину и полководец, имея очень строгий взгляд на брак, стремясь снять с себя вину за расторжение семейных отношений, первым подал на развод в Славянскую духовную консисторию, поскольку его супруга «презрев закон христианский и страх Божий, предалась неистовым беззакониям явно». Александр Васильевич был убежден, что все честные люди должны отвернуться от прелюбодейки. На самом же деле именно он, «вынеся сор из избы» (*письменно просил управителя своего московского дома следить за женой, прекрасно принятой высшим московским обществом, и ограничить ее контакты с любовником и другими ухажерами*), выставил себя на посмешище всему свету, поведав ему (свету) все «по секрету».

Рассказывали, что кто только не пытался тогда (*как впрочем, и еще раньше*) примирить Суворова с супругой: и родственники, и церковники разных рангов, и Потемкин, и вроде бы даже сама императрица (*она сняла со своего платья бриллиантовую звезду ор. Св. Александра Невского и приколотла ее к мундиру генерала, тем самым, воздавая ему выдающуюся почесть*), но «обесчещенный незаконным и поносным поведением второй половины» (*по его собственному выражению*) Александр Васильевич, как истинный солдат, **«стоял насмерть»**.

В то время разрыв брака был делом очень серьезным: «Ныне развод не в моде» – угрюмо констатировал сам Александр Васильевич. Суворов, как это не прискорбно, разделил общую судьбу гениальных людей – его личная жизнь оказалась несчастной.

...**Кстати**, нелады с женой резко ухудшили и без того нелегкий характер Суворова. Он совсем перестал стесняться людей и считаться с ними, кроме Румянцева, Потемкина и, разу-

меется (!), «матушки-императрицы», *от которой зависело ВСЁ*. Особенно это стало заметно в его отношении к женщинам. С ними он стал весьма циничен. Если раньше он постоянно говорил, что «кроме брачного не разумеет», то теперь по рассказам вел себя весьма фривольно, позволяя себе «поразвлечься с маркитантками». Дело дошло до того, что у него по слухам якобы появилась какая-то «дурная болезнь», *в которой он сам вроде бы потом признавался!?* **Как все обстояло на самом деле, может сказать лишь эксгумация бранных останков выдающегося полководца**, но кому это надо?! Тем более, что многих знаменитых людей молва очень часто подозревала в этом заболевании, столь популярном для галантного XVIII в. Вспомним, что ведь сам Александр Васильевич еще в 1772 г. писал из Польши сменившему Веймарна одаренному генерал-поручику Александру Ильичу Бибикову (1729, Москва – 1774, Бугульма), с которым он отменно ладил, о слишком свободных нравах прекрасных паненок так – «...я не чувствовал в себе достаточной твердости защищаться от их прелестей». Так бывает даже с такими крупными личностями, как «русский Марс» – физиологическая разрядка в условиях расслабляющего тепла женского тела нужна всем мужчинам и, гениям, в том числе...

Окончательно расставшись (но, не разведясь официально – на это у него не было монаршей воли – Екатерина очень ловко «положила „эту тему“ под сукно») с Варварой Ивановной лишь в апреле 1784 г., прижимистый Александр Васильевич, назначил ей весьма скромное годовое денежное содержание в 1200 рублей («Супругу Варвару Ивановну довольствоваться регулярно из моего жалованья»), а затем, «смягчившись», увеличил до трех тысяч. О бедной жизни и, уж тем более, нищенском существовании, бывшей генеральши Суворовой говорить не приходилось. Более того, что поначалу она жила у своего отца, а потом переселилась к брату в Москву. Правда, затем дела ее пошли плохо и она вынуждена была съехать на съемную квартиру, долги ее стали расти. Она обратилась с просьбой о возврате ей ее приданного к императрице, но дело ее по каким-то причинам «не выгорело»: *Екатерина мудро «забыла» о прошении?*

Суворов никогда больше не виделся с ней и не переписывался. Более того, в своем завещании Александр Васильевич ей не оставил ничего, разделив все поровну между своими детьми. Все приобретенные деревни и его собственные бриллианты он отдал дочери, а родовые и пожалованные за службу деревни, драгоценные вещи и московский дом – сыну. Варвара Ивановна жаловалась потом императору Павлу на бедность по причине скупости мужа и тот своим повелением от 26 декабря 1797 г., все же, заставил старого полководца увеличить ей пособие и оплатить часть ее долгов. Суворов увеличил ее содержание с 3 тыс. рублей до 8 тыс. и предоставил ей свой московский дом, но долги в сумме 22 тыс. оплатить отказался наотрез, а «стоять насмерть» на выбранной позиции, он умел как никто другой.

Любопытно, но в августе 1784 г. уже после расставания с супругом у Варвары Ивановны родился сын Аркадий, который долго оставался с матерью. Его Суворов впервые увидел только в 1797 г., когда Александра Васильевича, бывшего в опале у императора Павла I в селе Кончанском, посетила дочь «Суворочка» – в ту пору уже графиня Наталья Александровна Зубова (1775—1844) – с маленьким сыном и братом. Старик, долго не желавший ничего слышать об Аркадии, помягчавший на склоне лет, все же, признал его как своего родного сына и поселил в доме сестры или у Д. И. Хвостова, женатого на племяннице Суворова. Более того, он даже согласился взять его – генерал-адъютанта самого императора Павла I – в свои последние походы, Италийский и Швейцарский. Пятнадцатилетний высокий красивый белокурый юноша с честью прошел их и навсегда остался благодарен отцу за «военную науку» в экстремальных условиях этих легендарных кампаний его гениального отца. Правда, после смерти последнего жизнь сблизила его с другим участником кампаний Суворова в Италии и Швейцарии цесаревичем Константином Павловичем и он превратился в большого поклонника до столь присущих гвардейской молодежи той поры лихих потех и чувственных наслаждений. Охота

и карты заполнили его жизнь и он быстро промотал свое значительное состояние. И все же, обладая несомненным военным дарованием (помогало и имя легендарного отца), Аркадий быстро дослужился до чина генерал-лейтенанта и командира дивизии. Природный ум и душевная доброта притягивали к нему людей, в частности, рядовых солдат, боготворивших его великого отца.

Судьба его трагична: он погиб в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг. 13 апреля 1811 г., попытавшись переправиться через разлившуюся реку Рымник в дорожном экипаже, запряженном четверкой лошадей. Сильное течение перевернуло генеральский экипаж, лошади подмяли под себя Аркадия и он, ранее получивший ранение в руку, захлебнулся. Впрочем, есть и другие версии нюансов гибели комдива Аркадия Александровича, в частности, что он тогда утонул, спасая своего денщика-солдата. Парадоксально, но сын нелепо погиб там, где его отец одержал одну из своих самых выдающихся побед. Император Александр I с уважением относившийся к памяти лучшего полководца его любимой бабушки, распорядился принять его осиротевших внуков – Александра и Константина – на казенный кошт.

...*Кстати сказать*, от брака с Еленой Александровной Нарышкиной (1785—1855) у Аркадия Александровича Суворова было четверо детей: *Мария* (1802—1870), в замужестве – за генерал-майором князем Михаилом Михайловичем Голицыным (1793—1856) (трое детей); *Варвара* (1803—1885), в 1-м браке была за полковником Дмитрием Евлампиевичем Башмаковым (1792—1835) и родила шестеро детей, во 2-м – за своим двоюродным дядей князем Андреем Горчаковым-2, знаменитым генералом времен наполеоновских войн; *Александр* (1804—1882) – генерал от инфантерии, прибалтийский генерал-губернатор. У него от брака с Любовью Васильевной Ярцовой (1811 – 1867) осталось трое детей: *Любовь* (1831—1883), в 1-м браке – за статским советником князем Алексеем Васильевичем Голицыным (разведены), во 2-м – за полковником Владимиром Владимировичем Молоствовым (1835—1877) (от 2-го брака – семеро детей); *Аркадий* (1834—1893), флигель-адъютант, умер бездетным. С его смертью окончился род князей Итальянских, графов Суворовых-Рымникских; *Александра* (1844—1927) в замужестве за генерал-майором Сергеем Владимировичем Козловым (1853—1906) (двое детей). Последний сын Аркадия Александровича – *Константин* (1809—1877), стал полковником и гофмейстером, был женат на Елизавета Алексеевна Хитрово (1822—1859) и бездетен. 5 февраля 1848 г. князьям Александру и Константину Аркадьевичам Итальянским, графам Суворовым-Рымникским, был предоставлен, с их нисходящим потомством, титул светлости. Больше всех повезло суворовскому внуку Александру Аркадьевичу. Несмотря на его близость к декабристам в 1825 году император Николай I, помня о выдающихся заслугах перед Отечеством его легендарного деда, перед которым преклонялся, проделавший под его началом Итальянский и Швейцарский походы его старший брат Константин Павлович, прикажет не привлекать корнета-кавалергарда Александра Аркадьевича Суворова к ответственности. Он дослужится до генерал-адъютанта Его Императорского Величества, звания генерала от инфантерии и генерал-губернаторства...

Дочь Александра Васильевича Наталья закончила Воспитательное общество (Институт благородных девиц) при Смольном монастыре, куда оказалась помещена по настоянию отца после расставания родителей. Правда, имя ее в списках не значилось, поскольку считалось, что девочка живет у директора Смольного Софьи Ивановны Делафрон, так как Суворов не пожелал давать обязательства в том, что не возьмет ребенка до истечения срока обучения. Еще при жизни отца «Суворочка» вышла замуж за сражавшегося у ее отца в Польше в 1794 г. генерала Николая Александровича Зубова (1763—1805) – брата последнего екатерининского фаворита-красавчика Платошеньки Зубова (15 [26].11.1767 – 7 [19].4. 1822, замок Руенталь, Курляндия), прославившегося позднее соучастием в убийстве императора Павла I. По началу Суворов как-то ладил с братьями – как никак особы особо приближенные к императрице-«матушке», но позднее охладел к ним и старался как можно меньше с ними общаться. (*С подроб-*

ностями этой запутанной истории вы познакомитесь чуть позже.) Рано овдовев (в 1805 г.), его любимая дочь скончалась уже в николаевскую эпоху – в далеком 1844 году. Наталья Зубова (Суворова) показала себя замечательной хозяйкой и матерью, дала своим трем сыновьям достойное образование и устроила судьбу трех дочерей.

...*Между прочим*, невероятная слава ее отца, пришедшая к тому лишь в последние 12 лет его жизни, до конца следовала за ней, порой, позволяя ей выпутываться из весьма щекотливых ситуаций. Так в 1812 году, когда она покидала оставленную русскими войсками Москву, ее экипаж был остановлен французским передовым патрулем. Ей оказалось достаточным назвать свою громкую фамилию, чтобы быть пропущенной, причем, с отдаванием воинской чести боевым заслугам ее легендарного отца...

В общем, нелегкая оказалась планида у детей «русского Марса», как почтительно величали его сначала восхищенные современники, а затем и благодарные потомки.

Воинская слава Суворова до конца озаряла жизненный путь Варвары Ивановны, прервавшийся 8 мая 1806 г. Поскольку официального развода между супругами так и не последовало, то благодаря подвигам своего гениального мужа она стала сначала графиней Рымникской, затем – княгиней Италийской, а при Александре I еще и статс-дамой с ор. Св. Екатерины 2-й ст. – наградой очень престижной среди придворных дам.

Судьба назначила ей быть женой гениального человека (*такие люди – своего рода «посредники с космосом» – всегда не просты в общении и быту*) и не ее вина в том, что она не поняла своего отнюдь не легкого жребия: она была простым человеком со всеми его потребностями и возможностями бытия, а таких миллионы.

Так бывает, хотя и не очень часто: все-таки, гении – штучное творение...

Глава 6. Почему генерал-майора попридержали с производством в генерал-поручики

Но вернемся на русско-турецкую войну в жаркое лето 1773 г.

Командование, не воспользовавшись победой Суворова под Туртукаем, уйдя из него после поражения отряда младшего брата Н. В. Репнина, полковника князя Петра Васильевича Репнина (1744—1773), плохо подготовившегося к десанту восточнее Рушчука. Конфуз случился 15 мая 1773 г.: противник встретил лодки Репнина-младшего плотным огнем, а потом и вовсе окружил. Репнин сопротивлялся, потерял 265 убитых, 49 раненых, 2 пушки, получил ранение и, все же, попал в плен с частью своего отряда и умер в плену. Суворов позднее упрекал Петра Васильевича, что тот не решился попытаться прорваться «на штыках», а уповал отбиться пальбой из ружей, а когда патроны закончились, уже было поздно кидаться в штыки.

12 июня Румянцев напрямую приказал полковнику Мещерскому, который заменял заболевшего Суворова, снова атаковать Туртукай, куда опять вошли турецкие войска и принялись его укреплять. Приказ выполнен не был. И 16 июня, еще толком не оправившийся от тяжелой лихорадки, Суворов начал поспешно готовить атаку с отрядом *то ли* в **2.565** человек (1,7 тыс. пехоты, 185 кавалерии, 320 спешенных кавалеристов и 360 казаков), *то ли* в **4 тыс.** (данные существенно разнятся).

В ночь на 18 (29) июня 1773 г. в его *втором* поиске на **Туртукай** впереди трех «каре» (вернее, 6-рядных колонн, в случае вражеской атаки перестраивавшихся в «каре») шел рассыпной строй стрелков. **Семь** (или, все же, **четыре**?) тысяч турок отчаянно контратаковали, но внезапный удар во фланг казаков расстроил их ряды и они побежали. В результате помимо 14 пушек, 35 судов и больших запасов продовольствия, только убитыми враг потерял **от 800 до тысячи** человек.

Суворову победа далась значительно дешевле: **шестеро** убитых и **87-96-107** – раненых (данные разнятся).

Вскоре после этой победы – 30 июля 1773 г. – генерал-майора Александра Васильевича Суворова наградили-таки столь желанным для него ор. Св. Георгия 2-го класса, наградой полководческого формата.

В том бою, русские колонны, несмотря на свои высокие боевые свойства, для отражения бешеных атак турок, перестраивались в более эффективные в обороне «каре». Уже тогда Александр Васильевич старался варьировать и сочетать различные виды построений войск (колонна, каре, линии) в зависимости от ситуаций (рельефа местности, тактико-технических характеристик противника), делавших их максимально эффективными.

Так, он прекрасно понимал, что хотя колонна (в 6 или даже 12 шеренг) и гибче всех построений и если движется без остановки, то пробивает все, но если она использует стрельбу, то менее эффективна, чем каре и линия. К тому же, по его мнению «вредны ей картечи в размер», имея в виду огромные потери, наносимые густой колонне артиллерией. Именно поэтому Александр Васильевич не отвергал, как «устаревший», строй в линию и призывал максимально использовать ее огневые возможности. Удобнейшим для массированной стрельбы он считал линейный строй из двух шеренг. Но линии, как таковые, им использовались, все же, редко, а их кульминацией в любом случае был удар в штыки. А глубокие колонны он предпочитал только для развертывания.

...**Кстати сказать**, тем летом Александр Васильевич Суворов потерял сверстника (?) и соратника – лифляндского барона, генерал-майора **Отто Адольфа Вейсмана фон Вейсенштейна** (20.12.1726/29 – 22.6.1773), более известного в отечественной истории просто,

как генерал-майор **Отто Иванович Вейсман** по прозвищу «Русский Ахилл». Этот потомок остзейских баронов поступил на русскую службу еще в 1744 г. Он отличился еще в Семилетнюю войну, был дважды ранен; командовал бригадой в сражениях при Ларге и Кагуле. Его отличительной чертой была *чисто суворовская стремительность* и кое-кто даже видел в этом блестящем военачальнике «несостоявшегося Суворова». На самом деле он раньше Александра Васильевича начал применять тактику быстрых поисков (рейдов) с уничтожением противника путем преследования. Своего Св. Георгия 2-го класса (*редкую награду для генерал-майора!*) Вейсман получил за именно такое жаркое дело 19 июня 1771 г. под Тульчей. Наряду с Суворовым он стал настоящей грозой турок, налетая на них также внезапно и бескомпромиссно. 22 июня в скоротечном бою под Гуробалами 5-тысячный отряд Вейсмана, прикрывая переправу-отход главных сил Румянцева назад на левый берег Дуная, молниеносно атаковал 20-тысячный корпус Нуман-паши, но сам был смертельно ранен пулей в грудь. Ожесточённые гибелью любимого генерала, русские войска разгромили турок, которые бежали до самой Шумлы. Потери турок составили **3,7** тыс. убитыми и 25 пушек, потери русских всего **15** убитых и **152** раненых. Екатерина отреагировала на его гибель по-женски доходчиво: «Смерть храброго генерал-майора Вейсмана мне чувствительна весьма была, я много о нем сожалею». Суворов очень емко и доходчиво высказался о смерти «брата по оружию» (*а не какого-то там «коллеги по ремеслу»!*), уже в разгар своего знаменитого Итальянского похода: «Вейсмана не стало; я из Польши один бью; всех везде бьют». (*В этом весь Александр Васильевич!*) После гибели Вейсмана Суворов действительно остался единственным генералом российской армии, которому всегда сопутствовал успех. Потом еще не раз вспоминал он о гибели Отто Ивановича, сравнивая его – единственного во всей российской армии – с... самим собой. (*Суворов знал себе цену!*) Вейсман на самом деле считался первым номером в славной обойме боевых генералов Петра Александровича Румянцева. Со временем, когда ушли из жизни «братья по оружию» и «коллеги по кровавому ремеслу» Вейсмана, стерлись из людской памяти и воспоминания о нем – зачинателе стремительных рейдов («поисков») на турецкую территорию...

В тоже время именно тогда взаимоотношения Суворова и Ивана Петровича Салтыкова – первый предпочитал соотноситься донесениями напрямую с Румянцевым, минуя своего непосредственного начальника – достигают своего апогея. Дело дошло до того, что желчный генерал-поручик М. Ф. Каменский (*еще один соперник Суворова по полководческой славе*) даже позволил себе ехидно усомниться в начальстве Салтыкова над строптивым Александром Васильевичем. И все же, умудренный огромным боевым опытом выдающийся полководец Румянецв понимал, что Суворов из той редкой породы генералов, что умеют делать положительный результат (*«победный счет на табло стадиона»!*) независимо от... возможностей противника. А это на войне ценилось во все времена превыше всего. Вот и Румянецв решил «не менять коней на переправе» и снова двинул Суворова на врага. Тем более, что недовольная медленным ходом кампании – Румянецв начал, но вскоре оставил блокаду Силистрии, уведя войска за Дунай – Екатерина II надавила на фельдмаршала, категорично потребовав от героя Семилетней войны и совсем недавних побед над турками, закругления кампании 1773 г. на мажорной ноте.

Отряду Суворова (**от 3 до 4** тыс.; *данные разнятся* – пехота, гусары, казаки и 10 пушек) поручили оборонять единственный укрепленный пункт русских на правом берегу Дуная – Гирсовский пост. Пост, прямо писал Румянецв, нужен для привлечения на него турок, дабы они не атаковали армию в других пунктах. Командующий уповал, что именно Суворов сумеет удерживать пост и навлечь на него удары турок. Александру Васильевичу была предоставлена полная инициатива, в том числе, совершать «поиски» против неприятеля. Поскольку ему пришлось сесть в оборону, то он намеренно укрепил Гирсово земляным валом и окопами. Превосходство турок было серьезным: **3—4** тыс. русских против **четырёх** тыс. турецкой пехоты и **трех** или даже **шести** тыс. конницы.

Принято считать, что именно тогда Александр Васильевич завязал знакомство, а затем и дружбу с отцом будущего героя эпохи наполеоновских войн Михаила Андреевича Милорадовича – генерал-майором (как и он сам) Андреем Степановичем. На самом деле Милорадович-старший в ту пору болел и **Гирсово** Суворов отстаивал с солдатами Милорадовича, но под началом полковника Д. Мачабелова, выверенным картечно-ружейным огнем и неотразимыми штыковыми атаками. А потом распаленные погоней гусары полковника барона фон Розена и запорожские казаки гнали врага еще 30 верст...

*...Между прочим, Суворов, как и все великие полководцы, всегда стремился завершить победу преследованием, не уставая повторять: «**Недорубленный лес вырастает!**»...*

*3 (14) сентября 1773 под Гирсово турки лишились убитыми и ранеными **1000-1100-2000** (данные сильно разнятся) солдат, в том числе двух пашей, с 7 орудиями, тогда как русские всего лишь – **10** погибшими и **167** тяжело- и легкоранеными, но это был последний крупный успех русского оружия в 1773 г.*

Амбициозный Александр Васильевич рассчитывал получить за эту победу «Егория» 1-го кл. – награду столь исключительно высокую, что нет смысла говорить, кто и за что становился ее кавалером! Симптоматично, что за гирсовский успех Суворова, так и не наградили: весь 1773 г. победы чередовались у русского оружия с неудачами и недовольная таким «пасьянсом» Екатерина не очень-то спешила с наградами и повышениями для своих военачальников, даже настоящего героя той кампании – Александра Васильевича Суворова. Во многом поэтому, многоопытный в царедворских делах Румянцев решил не представлять победоносного генерал-майора к следующему званию – генерал-поручику. Тем более, что два генерал-поручика – барон К. К. Унгерн фон Штернберг и, ставший офицером в один год с Суворовым, князь Ю. В. Долгоруков (Долгорукий) [2 (3).11.1740 – 8 (20).11.1830], обязанный своим карьерным ростом близкой дружбе с влиятельным главой военного ведомства, графом З. Г. Чернышевым – опростоволосились под Варной и Шумнами и кампания 1773 года не принесла ожидаемого мира...

В конце октября Суворов получает отпуск и расстроенный задержкой в чинопроизводстве уезжает в Москву. Только 17 марта 1774 г. его, все же, производят в генерал-поручики.

Вскоре он вернется в армию и опять покроет себя славой.

Глава 7. Любимец Фортуны! «Отец солдата»!! «Российский Нестор»!!!

Следующий, 1774 год, для России оказался тяжелым: чума, очередные проблемы в Польше. Особенно допекало Екатерину все разгоравшееся на обширных пространствах империи «крестьянское восстание» Емельки Пугачева...

На южных рубежах России срочно нужен был мир!

Самым весомым аргументом в пользу выгодного мира могла стать новая убедительная победа над турками. Блестяще зарекомендовавшему себя на той затянувшейся русско-турецкой войне 1768 – 1774 гг. или, «первой екатерининской», как ее, порой, называли, П. А. Румянцеву были даны на это широчайшие полномочия...

...**Петр Александрович Румянцев** (4 (15) января 1725, Москва либо Строенцы, Молдавия – 8 (19) декабря 1796, село Ташань, Зеньковский уезд, Полтавская губерния) – сын любимца Петра I Александра Ивановича Румянцева, помогшего в свое время императору вернуть в Россию бежавшего за рубеж царевича Алексея. Поговаривали, правда, что настоящим отцом Петра Румянцева был сам... Петр *Великий*, весьма благоволивший к 19-летней супруге Румянцева, красавице Марии Андреевне (в девичестве – Матвеевой), принадлежавшей к знатнейшей фамилии своего времени. Ее дед, Артамон Сергеевич Матвеев, был близким советником царя Алексея Михайловича *Тишайшего* и воспитателем Натальи Кирилловны Нарышкиной – второй жены царя. Ее отец, Андрей Артамонович, являлся видным дипломатом, сподвижником Петра I. Рассказывали, что любившая повеселиться в отсутствие мужа Мария Андреевна на старости лет уже при дворе Екатерины II якобы «с беззастенчивой откровенностью» рассказывала интимные подробности грехов своей юности», заставив потомков «судить да рядить». Правда, не все историки склонны верить «этим грехам юности», а слухами на подобные «темы», земля, как известно, всегда полнится. Тем более, что кое-кто из бойких на перо историков предпочитает строить свои актуальные во все времена «эссе» именно на «взгляде сквозь замочную скважину».

...**Впрочем**, отнюдь не исключено, что на самом деле наш герой был законным сыном своего отца. Известно, что в начале апреля 1724 г. Александру Ивановичу Румянцеву было доступно «белое тело» его шаловливой супруги, а Петр Александрович родился ровно через 9 месяцев – 4 (15) января 1725 г. Тем более, что примерно по такой же схеме рождались и его сестры – Екатерина и Прасковья... Прояснить ситуацию, вероятно, могла его мать: *считается, что женщины обычно знают – от кого у них ребенок*. Будучи дамой здравомыслящей, она предпочла унести эту «тайну» (если все так и было?) с собой в могилу. Так или иначе, но крестной матерью будущего полководца стала императрица... Екатерина I – супруга Петра I, баба крайне сметливая и шустрая: знавшая себе цену и свое место в жизни первого российского императора. Столь же запутана и ситуация с местом рождения будущей легенды русского полководческого искусства: то ли Москва, то ли – село Строенцы (ныне в Приднестровье), где его мать-графиня временно проживала, ожидая возвращения мужа генерал-аншефа Александра Ивановича Румянцева, ездившего в Турцию по поручению царя Петра I, в честь которого он, кстати, и был назван...

Карьера юного Петра Румянцева складывалась как нельзя лучше. С пяти лет по протекции отца он был записан в Преображенский гвардейский полк. До 14 лет жил в Малороссии и получал домашнее образование под руководством своего отца, а также местного педагога Тимофея Михайловича Сенютовича. В 15 лет, будучи офицером, он оказался на дипломатической службе в Берлине. Правда, там он так набедокурил, что в 1740/41 г. его за «мотовство, леность и забиячество» срочно вернули на родину и определили в Сухопутный

Шляхетский корпус, но и отсюда его через пару месяцев за бездельничанье и непотребные шалости с треском изгнали. На этом его образование закончилось.

Дальше этот самородный талант шлифовала сама *Жизнь* – лучшая из всех *Учителей!*

...*Кстати сказать*, уже в те годы Румянцев-младший отличался необузданностью характера и у него сложилась репутация буйного гуляки или, как тогда говорили, шалуна. Женщины его обожали, а он их при каждом удобном случае... любил, причем, чаще всего это были... чужие жены. Его эксцентричность не знала границ: он мог, в чем мать родила начать плац-муштру своего батальона перед домом очередного... ревнивого мужа. Жалобы на его проказы сыпались императрице Елизавете Петровне (*сестрице?*) в таком количестве, что она (*по-родственному?*) приказом генерал-фельдмаршала Миниха отправила Петра Александровича (*Петровича?*) к отцу в действующую армию в чине подпоручика, с тем, чтобы он, как отец, его *по-отечески* наказал...

Первым местом службы Петра Александровича стала Финляндия, где он «под крылом» отца оказался на русско-шведской войне 1741—1743 гг. Правда, особого участия в боевых действиях не принимал, поспев лишь к штурму Гельсингфорса, где сумел-таки проявить себя. В 1743 г. он был послан своим отцом (в чине – *то ли* все еще подпоручика, *то ли* родительская поддержка дала о себе знать – уже капитана?) в Петербург с известием о заключении Абоского мирного договора. Императрица Елизавета Петровна при получении этого донесения произвела 18-летнего юношу сразу в... полковники (*в ту пору гонцов с добрым известием обычно повышали и награждали*) и назначила командиром Воронежского пехотного полка. Столь стремительное продвижение по служебной лестнице юного Петра Александровича некоторые историки склоны связывать с его отнюдь **неоднозначным** происхождением. В 1744 г. она возвела его отца – генерал-аншефа и дипломата Александра Ивановича Румянцева, – принимавшего участие в составлении договора, в графское достоинство вместе с потомством. Таким образом, Пётр Александрович стал графом. Однако, несмотря на это, он продолжал вести такую разудалую жизнь, что его отец писал: «мне пришлось до того: или уши свои зашить и худых дел ваших не слышать, или отречься от вас...».

В 1748 г. по настоянию родителей хорошо известный в свете 23-летний полковник-«шалун» женится на княжне Екатерине Михайловне Голицыной (1723/24—1779), дочери прославленного петровского фельдмаршала Голицына М. М.-старшего (1675—1730) и Татьяны Борисовны, урождённой Куракиной. Даме – очень привлекательной, статной, умной, богатой и со связями при дворе. Правда, брак оказался... неудачным. В относительном согласии супруги прожили только 6 лет, но при этом успели нажить троих сыновей: Михаила (1750/51—1809/11), Николая (1754—1826) и Сергея (1755—1838). Если старший из них особо ничем не отличался, дослужившись «всего лишь» до генерал-поручика, сенатора и действительного тайного советника (!), то два других «в люди выбились». Сергей пошел по дипломатической линии (посол в Пруссии и Швеции; член Госсювета). Николай и вовсе стал при Александре I в очень суровые времена – *в эпоху войн России и наполеоновской Франции* – министром иностранных дел (1807—1814), председателем Госсювета (1810—12), а потом и создателем знаменитого Румянцевского музея. Поскольку все трое по неизвестным причинам остались холосты, то они были последними представителями рода Румянцевых...

Надо сказать, что всем им троим от отца доставалось: крут он был с домочадцами, скор на расправу, а рука у него была, хоть и небольшая в кисти, но тяжелая.

Повторимся, что Румянцев вообще любил покутить, загулять и особой привязанностью к своей красавице-благверной никогда не отличался. Как говорят в таких случаях, личная жизнь выдающегося русского военачальника, не сложилась, что впрочем, не случайно. Рассказывали, что Петр Александрович отличался не только склонностью к дебошам, но и откровенным хамством. В тоже время, талант, как известно, отличается от гения тем, что **талант** нахо-

дится «*во власти человека*», т.е. при желании он может заставлять себя вести себя в рамках правил. Но Румянцев, в силу ряда причин, очевидно, не считал это нужным.

Снова на войне Петр Александрович оказался в ходе войны за Австрийское наследство (1740—1748 гг.). Это произошло в 1748 г. во время похода в составе 37-тысячного русского корпуса под началом генерал-фельдцейхмейстера князя В. А. Репнина во Франконию на стороне Австрии и Англии. Особо повоевать русским не довелось: они вступили в войну, когда она уже катилась к... финишу. После смерти отца в 1749 г. он вступил во владение всей собственностью графов Румянцевых и даже несколько остепенился в своем поведении.

Прошли годы и в Семилетней войне (1756—1763) Румянцев, уже генерал-майор, обратил на себя внимание исключительной храбростью и решительностью действий в критические моменты двух сражений русской армии с Фридрихом Великим. У него не сложились отношения со слишком опасливо действовавшим русским главнокомандующим Апраксиным. И тем не менее, он сумел отличиться в очень тяжело складывавшемся для отечественного оружия сражении при Гросс-Егерсдорфе. Ему было поручено руководство резервом из четырёх пехотных полков – Троицкого, Воронежского, Новгородского и гренадерского. Когда русский правый фланг под ударами пруссаков начал отступать, Румянцев без приказа по собственной инициативе бросил свой свежий резерв против левого фланга прусской пехоты. Именно его инициатива позволила переломить ход битвы и обеспечила победу русских войск. На этой мажорной ноте кампания 1757 г. для русской армии завершилась и она отошла за Неман. В следующем году Румянцеву было присвоено звание генерал-поручика, и он возглавил дивизию.

В кровавом побоище при Цорндорфе с самим прусским королем-полководцем Фридрихом II Румянцев непосредственного участия не принимал, но после битвы, прикрывал отход основных сил главнокомандующего В. В. Фермора в Померанию. Тогда 20 спешенных драгунских и конно-гренадерских эскадронов отряда Румянцева задержали на целый день 20-тысяч пруссаков у Пасс Круга. Поскольку с Фермором он тоже «не сошелся характером», то для дачи «показаний» о деятельности последнего его даже вызывали «на ковер» к императрице в Петербург! Впрочем, истории осталось неизвестно, что «отрапортовал» Петр Александрович о Виллиме Виллимовиче высокой комиссии.

Зато, сменивший последнего обстоятельный Салтыков, к нему благоволил и Румянцев прекрасно проявил себя со своей дивизией в битве под Кунерсдорфом. Тогда его дивизия располагалась в центре русских позиций, на высоте Большой Шпиц. Именно она подверглась мощной атаке прусских войск после того как они опрокинули левый фланг русских. Солдаты Румянцева, несмотря на сильный артиллерийский обстрел и натиск тяжёлой кавалерии Зейдлица (*главная ударная сила прусского короля!*), стойчески отбила все атаки и сама перешла в штыковую контратаку, которую возглавил лично Румянцев. Этот удар привел к тому, что полностью обессиленная в кровавых атаках армия Фридриха II, вынуждена была начать ретираду, преследуемая австро-русской кавалерией. Именно сражение при Кунерсдорфе выдвинуло Румянцева в число лучших командиров русской армии.

Затем он взял сильную крепость Кольберг, пересидев врага в окопах. Началось все 5 августа 1761 г., когда Румянцев с 18 тыс. русских войск отдельно от главных сил подошёл к Кольбергу и атаковал укрепленный лагерь принца Евгения Фридриха Генриха Вюртембергского (1731—1794) (12 тыс. чел.), прикрывавший подходы к городу. Взятием лагеря Румянцев начал осаду Кольберга. Осада длилась целых 4 месяца и закончилась капитуляцией гарнизона лишь 5 (16) декабря. Причем, по ряду объективных причин (*очень мощная крепость, постоянные налеты прусских диверсионных летучих отрядов и трудности бытового характера*) русское командование (*в том числе, и главнокомандующий русскими войсками А. Бутурлин*) за все это время трижды принимало решение о снятии блокады, и только непреклонная позиция Румянцева позволила довести её до логического конца: 30 тыс. пленных, 20 знамён и 173 орудия. Осада Кольберга стала последним крупным успехом русского оружия на той войне.

Кроме того, в ходе осады Кольберга впервые в истории русского военного искусства были использованы элементы атакующей тактической системы **«колонна – рассыпной строй»**. Более того, Петра Александровича Румянцева награждают ор. Св. Александра Невского, а слава его распространяется по всей армии.

Столь успешное участие в Семилетней войне очень положительно сказалось на военной карьере Петра Александровича. После неё о нем заговорили как о полководце европейского уровня. Он зарекомендовал себя одаренным военачальником, применил на практике свои идеи по развитию тактики и управления войсками, которые затем лягут в основу его трудов по военному искусству и его дальнейших побед.

По инициативе Румянцева была успешно осуществлена стратегия динамичного ведения военных действий: *ставка делалась не на традиционные осаду и взятие крепостей, а на быстрые операции*. Позднее именно эта манера воевать (стратегия) стала применяться Суворовым – *полководцем не только более рисковым, но и невероятно амбициозным*.

После кончины благоволившей к Румянцеву императрицы Елизаветы Петровны его фавор продолжился и при вступившем на освободившийся трон её племяннике Петре III. Новый государь наградил Петра Александровича орд. Андрея Первозванного и орд. Св. Анны и присвоил ему чин генерал-аншефа. И это в 36 лет! Более того, он поручил ему командовать экспедиционным корпусом в Германии, готовя его к войне с Данией за его наследственную вотчину Шлезвиг. Петр Александрович оставался верен этому чудакватому (?) царю шведско-голыштейнских кровей, волею судеб, оказавшемуся на русском престоле, до последнего. Его войска уже были на марше, когда из России приходит сообщение о дворцовом перевороте в середине лета 1762 г. в пользу Екатерины и ее приказ о возвращении, но и после этого Румянцев сохранял верность Петру.

...*Между прочим*, фигура, ликвидированного в ходе дворцового переворота в пользу Екатерины, российского императора Петра III, не столь однозначна и лапидарна, как она очень долго рисовалась в отечественной литературе, во многом с подачи его супруги-узурпаторши, отчаянно боявшейся потерять престол. Некоторые наблюдательные современники справедливо отмечали: придя к власти, Петр Федорович Романов «оставался истинным немцем и никем иным». Можно сказать и по-другому: он был немцем на русской службе. Его трагедия заключалась в том, что он, уже не знавший родного Гольштейна, не знал по-настоящему и так никогда не узнал и России, а по некоторым свидетельствам предчувствовал здесь свою раннюю гибель. Иногда он жаловался, что если бы не тетушка, он мог бы занять шведский престол либо стать генералом у обожаемого им прусского короля Фридриха II, а его «притащили сюда, чтобы сделать великим князем этой засранной страны». Подобные неосторожные высказывания создавали ему дурную репутацию. *Впрочем, это уже другая история...*

Некоторое время Петр Александрович Румянцев находился не то чтобы в опале, но и не у дел. Крайне осторожная и мнительная Екатерина, никогда не забывавшая, что она узурпировала престол (*сначала у убитого с ее ведома мужа-законного государя, а потом и у нелюбимого сына*), всю жизнь крайне тщательно следила за всеми даровитыми генералами русской армии, чья популярность в войсках могла позволить им в случае чего повернуть штыки и пушки туда, куда им взбредется. Вот почему она предельно внимательно присматривалась к лучшему полководцу России той поры, как, впрочем, и к прославившемуся позднее в войнах с турками на Кавказе Ивану Васильевичу Гудовичу (1741—1820), между прочим, не чуждого карьерных интриг. Тем более, что в отличие от очень многих, Петр Александрович – искусленный царедворец – отнюдь не спешил с лстивыми заявлениями в верности ее власти: он ждал подтверждения смерти законного государя Петра III. А дождавшись, предполагая, что его карьера кончена, Румянцев подал прошение об отставке. Но ее не приняли: первые, чисто бабьи страхи новоявленной императрицы-узурпаторши прошли. «Пятый цилиндр» в ее «белом теле» перестал «стучать» и она снова сумела трезво и расчетливо воспринимать окружающую

ее действительность, разумно и холодно оценивать своих подданных, в первую очередь, принимая во внимание их способности, а Петр Александрович Румянцев на тот момент был действительно единственным выдающимся полководцем, готовым успешно воевать хоть сейчас. Сказалось и ходатайство ее фаворита Григория Орлова и в 1764 г., после увольнения от должности гетмана Разумовского, она определила его на генерал-губернаторство в Малороссию, где он умело ликвидирует последние очаги самостийности против царской власти.

...**Кстати сказать**, повторимся, что Петра Александровича не отличали ни любезность, ни пленительность, ни благородное происхождение и прочие «европейские приемчики», столь распространенные в ту пору, как при дворе, так и в армейской среде. Этот вояка до мозга костей уважал только себе подобных, в частности, пруссаков, с которыми он не раз сталкивался на поле боя и, когда в 70-е гг. побывал в Берлине, то был принят на высшем уровне самим королем-полководцем Фридрихом II Великим так, как никто другой из его бывших противников. Сам Румянцев относился к Фридриху с подчеркнутым уважением, как это бывает среди достойных соперников по самой дорогой, *купленной морем крови (своей и чужой) и смертями «бес числа» (с обеих сторон)*, славе – *Воинской Славе*...

А к началу первой войны Екатерины с Турцией оказался востребованным и недюжинный полководческий талант Румянцева. За ним шла слава победителя. Помимо большой личной храбрости и решительности, он отличался непревзойденным умением использовать малейшие ошибки неприятеля на поле боя, в частности, турок...

...**Кстати сказать**, по уровню боеспособности турецкая армия существенно уступала русской. Она была очень многочисленна, но с крайне низкой дисциплиной: в ней царило неподчинение и дезертирство. Ружья турецкой пехоты имели длинный тяжёлый ствол и поэтому стреляли на большее расстояние, чем русские ружья. Однако из-за этого их приходилось долго заряжать и применять для стрельбы подставки-сошки. К тому же у них не было штыков и поэтому в ближнем бою турки применяли сабли и ятаганы. Турецкие пушки были чрезмерно тяжёлыми, во время боя не могли сменить позицию, а турецкие артиллеристы были плохо обучены. Более того, турки отставали в организации артиллерийского боя. Все это приводило к тому, что эффективность турецкой артиллерии была низкой. В отличие от пехоты и артиллерии, турецкая кавалерия была высокого уровня и превосходила русскую численностью, подготовкой всадников и качеством лошадей. В отличие от русской армии, обученной искусству маневрирования, турки действовали на поле боя неупорядоченной массой. Кроме того, огромная численность турецкой армии – ок. 600 тыс. человек (!?) – таила в себе серьезные слабости. В ее составе было много нерегулярных частей: феодальное конное ополчение (сипахи) и иррегулярная кавалерия (акынджи). Регулярные же подразделения (пехотинцы-янычары) составляли незначительную часть турецкой армии. Турки сразу вводили в бой огромную массу войск, преимущественно конницу. Сражавшиеся с ними европейские войска не решались напасть на них первыми, ожидая турецкого натиска. С этой целью они стремились максимально усилить свою оборону полевыми укреплениями, отводя кавалерию на фланги или в резерв. Первый удар турок был страшен: причем, не за счет их мужества и воинского мастерства, а из-за глубокого построения турок в атаке – некоего подобия македонской фаланге, которая за счет своей монолитной массы разрывала линейную оборону неприятеля. Но если неприятелю удавалось его выдержать, турки обычно проигрывали сражение. Турецкие войска легко поддавались панике, и их численное превосходство оборачивалось против них самих, мешая перестроить боевые порядки и отразить вражеский контрудар. Во многом поэтому, турецкая армия отличалась необученностью современным способам ведения войны, недисциплинированностью и несогласованностью действий...

Румянцев проанализировал все особенности ведения боя турками и *предложил совершенно новую манеру ведения боевых действий. Он не стал стоять в ожидании турецкой атаки, а сам первым наносил им удар.*

Для этого следовало сделать русские войска более маневренными, т.е. разбить пехоту на небольшие каре, по 2—3 тысячи человек, чьи командиры, зная общий план битвы, действовали самостоятельно. Он начал создавать особую егерскую пехоту, отбирая в нее самых сильных, ловких и сметливых солдат, готовя их действовать в бою в зависимости от ситуации. За пехотой следовала кавалерия, от которой требовалось мгновенно наносить сильный удар в плотном конно-колонном строю холодным оружием. Артиллерия размещалась впереди, по флангам или в резерве. Ей надлежало быстро менять позицию, сосредотачивая огонь на вражеской артиллерии и скоплениях неприятеля. Более того, она могла двигаться впереди и своим огнем, еще до удара пехоты в штыки, вносила расстройство во вражеские построения.

Эти преобразования позволяли быстро менять тактику, перестраивать войска в зависимости от боевой ситуации

Петр Александрович не отказывался от тактики ведения боя в рассыпном строю, но умело сочетал его с действиями колонн и каре в зависимости от особенностей местности. Румянцевские войска умело отражали нападения вражеской конницы, будучи в колоннах, прикрытых густой цепью стрелков и огнем пушек.

Он стал собирать войска в ударную группу на решающем участке фронта и бросать ее на противника, ведя бой до полного его уничтожения.

...Кстати, все эти новшества, вошли в практику западноевропейских армий только в самом конце XVIII в., и то у прогрессивно настроенных после буржуазной революции французов. Французские революционные генералы блестяще ими воспользуются: они доведут их до ума и они принесут им немало блестящих побед, в первую очередь, над шаблонно воевавшими австрийцами и пруссакам. В то же время, и в отечестве нашлись незаурядные военные умы, весьма внимательно (если не сказать, **очень пристально**) и высокопрофессионально следившие за всеми румянцевскими переменами в российской армии. В частности, исключительно амбициозный и болезненно честолюбивый современник Румянцева – А. В. Суворов, видевший во всех своих «коллегах по смертельно-кровавому ремеслу» конкурентов в гонке за славой первого полководца своего времени. Развивая свою «науку побеждать», он заинтересованно (*или даже завистливо?*) наблюдал за новациями Петра Александровича в боях с турками, внося в них свои концептуальные идеи, илифруя на учениях и, доводя до ума в боях, где любая ошибка не только вела к смерти солдат, но если их (ошибок) оказывалось много, то и к проигрышу...

Румянцев смело доверял командирам самостоятельно принимать решения, поощряя частную инициативу офицеров и рядовых в достижении победы над неприятелем.

К тому же, Петра Александровича отличала простота в обращении с солдатами, доверие к ним: он был настоящим «Отцом Солдатам», любимым ими. Рассказывали, что как-то раз, один поседелый унтер-офицер, обвешанный медалями, сказал ему: «Вот уж, батюшка, в третью войну иду я с тобой!» «Ну, друг мой» – усмехнулся в ответ Петр Александрович – «В четвертый раз мы вместе с тобой уж воевать не будем»...

...Между прочим, организаторский и полководческий талант Петра Румянцева настолько ярко проявился во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. («первой екатерининской»), что, порой, в отечественной литературе ее называют... Румянцевской...

Глава 8. Румянцевские победы – Рябая Могила, Ларга и Кагул!

Поначалу война велась русскими вяло и с оглядкой на оборону.

Так, сильную вражескую крепость **Хотин** генерал-аншеф, князь А. М. Голицын (1718—1783) – суворовский родственник по линии жены – подходя к ней, *и 19 апреля* (но у него не было осадной артиллерии и не хватило бы продовольствия – в наличии имелось лишь на 8 дней), *и 2 июля* (причем, во второй раз это выглядело как поражение русских войск, что сильно приободрил турецкий гарнизон, испытывавший большие трудности с продовольствием и, особенно с фуражом), смог занять только с третьего раза – **9 сентября 1769 г.**, да и то, при некоторых сопутствующих обстоятельствах.

А ведь неизменно благоволившая к Александру Михайловичу Голицыну воинственная императрица-немка (или, наоборот?), назначая его – одного из героев Кунерсдорфа – главным-командующим выступившей к **Хотину** 1-й (главной, т.е. для активного наступления) армией, пожелала ему «счастия отцовского», намекая на заслуги перед отечеством его знаменитого отца – одного из сподвижников Петра Великого на военном поприще – генерал-фельдмаршала Голицына Михаила Михайловича-старшего. **(Повторимся! Не путать с его полным тезкой генерал-адмиралом Голицыным Михаилом Михайловичем-младшим или меньшим !)** Однако действия Александра Михайловича отнюдь не отличались решительностью.

Екатерина II, недовольная медлительностью Голицына, решила заменить Александра Михайловича его же зятем Румянцевым, который до этого командовал 2-й армией, *предназначенной не для ведения наступления, а лишь на охрану русских границ от набегов крымских татар, т.е. для обороны*. Правда, отзывая Голицына из армии, она ласково уверяла, что он нужен ей в Петербурге «как очевидный в армии свидетель положения тамошних мест и дел».

Пока шёл этот приказ, а Румянцев добирался до места своего нового назначения, Голицыну посчастливилось **29 августа 1769 г.** разбить великого визиря Молдаванчи, который потерял порядка 7 тыс. солдат, ок. 70 орудий и весь обоз. Начав после разгрома противника его преследование, русские, как известно, **9 сентября** вступили в почти опустевший Хотин, из которого бежали как многие жители, так и большая часть гарнизона, а вскоре заняли и город Яссы. К этому времени в расположение русских войск как раз прибыл Румянцев, которому Голицын передал командование. Сам он отбыл после этого в Петербург, где Екатерина приняла его весьма благожелательно и **20 октября 1769 г.** произвела в генерал-фельдмаршалы, наградила, но на войну неспособного к активным наступательным действиям Александра Михайловича больше уже не посылала.

Теперь на фронте всем заправлял П. А. Румянцев.

Штатная численность 1-й (**наступательной**) армии к началу 1770 г. (*на довольствии состояло 97. 209 человек, считая всех строевых, нестроевых, иррегулярных чинов, возниц и обслуги*) в силу ряда объективных и субъективных причин (чума, дезертирство, «усушка-утруска» и прочие последствия «покурить-оправиться») не соответствовала реальной. Исключая отдельно действовавшие корпуса генерал-поручиков Х. Ф. Штофельна и Х. фон Эссена (ок. 20 тыс. – на двоих), после зимних квартир непосредственно под рукой у Румянцев на **2 мая 1770 г.** могло быть **ок. 38.8** тыс. человек (19. 474 пех., 6.399 кав., 1.631 артил. и инж., 449 казаков, 3.544 необстрелянных рекрута, 5.203 нестроевых и 2.122больных) с 136 полевыми и 160 полковыми орудий. Ещё **3.598** новых рекрутов прибыли позднее.

А вот выйти в конце мая в поход на Хотин он смог не более чем с **31—32** тыс. чел.: остальных пришлось оставить для обучения рекрутов и приёма выздоравливающих.

К этому времени, высланный вперед экспедиционный конный корпус генерала Х. Ф. Штофельна уже серьезно поредел от охватившей его эпидемии чумы и, блокированный

войсками вассала Турции крымского хана Каплан-Гирея (Каплана II Герая), сильно нуждался в поддержке. Сменивший скоропостижно скончавшегося от чумы Штофельна, генерал-поручик Н. В. Репнин с трудом отбивался у кургана Рябая Могила, от наседавших 70-80-тысячных конных полчищ крымского хана.

Понимая всю серьезность сложившейся ситуации, несмотря на явный недостаток продовольствия и сил для масштабных наступательных операций, энергичный Румянцев разработал план решительного наступления своих войск на врага.

Поход был тяжелым: под стать печально памятного Прутского походу Петра Великого в 1711 г. Как и тогда, карты не соответствовали местности. Лощины резко чередовались с курганами. Спасаясь от чумы, Румянцев по началу шел правым, малонаселенным берегом Прута. Несмотря на весеннюю распутицу 1770 г. с ее проливными дождями, превратившими степи в море грязи, а ручьи – в полноводные реки, в которых тонули люди и лошади, армия Румянцева шла через Валахию вперед навстречу туркам. Двигалась налегке: обозы пришлось бросить.

Наступление Румянцева, замедлилось не только весенней распутицей, но и распространением на вражеской территории чумы. 9 июня Румянцев встал лагерем на левом берегу Прута у с. Цицора. 11 июня, Н. В. Репнин, все же, отбил от крымского хана и переправился на левый берег Прута, соединившись с авангардом румянцевской армии, которым командовал генерал-майор Федор Васильевич/Виллимович (Фридрих Вильгельм) Боур (*такая фамилия правильней с точки зрения транскрипции, хотя в отечественной литературе закрепились: Бауэр, Бауер, Баур, Бавер*) (1731 либо 1734, графство Ханау, Священная Римская империя – 1783, Санкт-Петербург, Российская империя) – один из создателей штабной работы в российской армии. Причем, силы Репнина не превышали 6—7 тыс. человек, так как он, не только понёс тяжёлые потери от эпидемии чумы, но и был вынужден оставить на правом берегу Прута под командой Г. А. Потемкина (*будущего всесильного екатерининского фаворита*) всех своих егерей (700 человек) и казаков.

Таким образом, перед решающими боями Румянцев мог располагать **примерно 38** тыс. человек, включая нестроевых, при 115 пушках. А вот в противостоявшей ему главной армии визиря по некоторым данным сосредоточилось **до 100** тыс. кав. и **50** тыс. пех., да еще крымский хан привел **ок. 80** тыс.

Вот в такой непростой ситуации к русским пришел первый успех.

Во встречном бою пехотинцы Боура наголову разбили боевое охранение турок. Особо отличились гренадеры, которые забросали атакующих турок гранатами. Но это жаркое дело было всего лишь репетицией перед «большой дракой».

...***Кстати***, тот бой особо памятен для будущего *Спасителя Отечества* в суровую годину «Грозы 1812 года» – Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, тогда еще лишь дивизионного капитана. Тогда смелые и инициативные действия Кутузова сделали его имя известным в армии. С военным ремеслом он был «на Ты»! А ведь, порой, бывает очень модно хулить и поносить «премудрого пескаря» Кутузова! В основном, это происходит от незнания специфики полководческого кредо «Ларивонича» (*так его ехидно величали «коллеги по кровавому ремеслу за непревзойденное искусство «лабиринтовать» не только на войне, но и особо эффективно... при дворе; спору нет – он был Большим Мастером «дворских дел»!*) – последователя стратегических воззрений знаменитого Мориса Саксонского: большую войну можно выиграть и без особо кровопролитных побоищ, а лишь крайне умелым маневрированием, истощением вражеских сил – своего рода «мудрым бездействием»...

Она случилась *17 июня 1770 г.*, когда главные силы Румянцева атаковали **70—72** тыс. турок и конных татар с 44 орудиями под началом крымского хана Каплан-Гирея близ кургана **Рябая Могила** на левом берегу р. Прут.

Лагерь турок был хорошо укреплен самой природой. Атака с фронта через болотистый ручей и на крутые высоты под плотным ружейным и пушечным огнем врага неминуемо вела к очень большим потерям. Правый фланг тоже был хорошо прикрыт. Открытым для нападения оставалось лишь левое крыло неприятеля.

В ночь на 17 (28) *июня* русские войска четырьмя колоннами (*Г. А. Потемкина – повторяю, тогда еще только будущего екатерининского фаворита, Н. В. Репнина, Ф. В. Боура и самого Румянцева под прикрытием кавалерии И. П. Салтыкова – сына знаменитого победителя прусского короля Фридриха Великого при Кунерсдорфе фельдмаршала П. С. Салтыкова*) скрытно подошли к вражескому лагерю близ Рябой Могилы и быстро перестроились в грозные оцетинившиеся дивизионные каре с артиллерией и кавалерией прикрытия.

...*Между прочим*, это сражение доказало превосходство предложенного Румянцевым нового способа ведения боя: использование отдельных подвижных «каре» (колонн) с рассыпным строем егерей вместо линейного построения. Линейная тактика, столь популярная в Западной Европе, действительно, позволяла генералам обозревать свои войска, и казалось, упрощала управление ими. Но эта тактика привязывала войска к местности, лишала их маневра, подвижности, ограничивала инициативу начальников, не требовала от главнокомандующих смелых творческих решений, а при неудаче на одном участке боя влекла к катастрофе и на других...

Сокрушительный удар с фронта, а затем с тыла и флангов, неукротимый натиск «на штыках» гренадер полковника Семена Романовича Воронцова (15.6.1744, Москва – 9.6.1832, Лондон) – отца Михаила Семеновича Воронцова (18.5.1782 – 6.11.1856, Одесса), будущего героя войн России с Наполеоном в начале XIX в., выдающегося государственного деятеля александро-николаевской эпохи, произвели впечатление полного окружения, сломили волю противника, и привели к разгрому лагеря. Русская конница преследовала бежавшего врага сколько могла, но поскольку в основном она была тяжелой – кирасирской и карабинерской – то ей трудно было угнаться за легковооруженным неприятелем на его быстроногих степных лошадях по пересеченной местности.

Поэтому-то и потери врага оказались сравнительно небольшими – всего **400** убитых и раненных. Русским победа «обошлась» в **22** убитых и **37** раненных.

...*Кстати сказать*, несмотря на незначительный масштаб самого сражения у **Рябой Могилы**, оно стало известно из-за впервые применённых в ходе степных походов русской армии Румянцевым некоторых тактических новинок. Их он будет развивать в последующих сражениях с турками: марш-манёвр в тыл и на фланги противника и вышеупомянутое дивизионное каре. *До этого российские полководцы (например, Б. К. Миних) использовали единое армейское каре.* Для повышения мобильности Румянцев также прекратил употребление заградительных рогаток, применяя вместо них для прикрытия пехоты артиллерию. **В итоге этих нововведений боевой порядок стал более компактным и манёвренным, облегчая наступление...**

Развивая успех, Румянцев решил отбросить врага к самому Дунаю.

В последовавшем затем через 20 дней после победы у Рябой Могилы 7 (18) *июля* упорном 8-часовом сражении на реке **Ларге**, при ее впадении в р. Прут, русская армия, поредевшая за время тяжелого похода (*кто-то склонен считать, что чуть ли не в половину!?*; впрочем, данные разнятся), снова обратила в бегство **80**-тысячные турецко-татарские войска (65 тыс. татарской конницы и 15 тыс. турецких янычар с 33 орудиями, в т. ч. – 3 мортиры) под началом все того же Каплан-Гирея. А ведь пехота турок была сильна в обороне, конница, имеющая отличных наездников, – в бешеной атаке.

В этом сражении Румянцев шлифует свою новую тактику передвижения войск колоннами, которые в бою перестраивались в рассыпной строй, что затрудняло точному в них попаданию. Румянцев разделил армию на три подвижных, мобильных дивизионных каре с артил-

лерией и кавалерией прикрытия, каждому поставил задачу, предоставил инициативу действий генералам П. Г. Племянникову, И. П. Салтыкову и **А. В. Римскому-Корсакову** (*не путать с печально знаменитым по Второй Цюрихской битве с Массена в 1799 г. – А. М. Римским-Корсаковым, где не все было так просто, как это принято «живописать»!*)

*Но цель у всех была единой: **разбить врага!***

Вражеские позиции располагались на крутом берегу широкой реки Ларги. Болотистая местность перед ней затрудняла не только подход, но и переправу. К тому же, с вражеских высот вся местность далеко и хорошо просматривалась. Было решено скрытно переправиться и выйти на ударные позиции ночью. Появлялась возможность неожиданно атаковать врага.

Сближение отрядов началось в темноте. Чтобы в короткую июльскую ночь выйти временно к цели по разным маршрутам, войскам требовалась железная дисциплина, организованность, командирам – искусство управлять.

Риск был велик...

В **четвертом часу утра** татарские разъезды обнаружили русские отряды, подходившие к Ларге и многотысячная конница татарского хана всей своей гигантской массой обрушилась на русские тылы. Румянцев приказал резервной пехотной бригаде отразить атаку неприятеля и продолжать наступление.

Десятки тысяч всадников неприятеля буквально затопили местность вокруг русских каре, но остановить их не смогли. Перекрестным артиллерийским огнем и штыками каре успешно отражали налеты-наскоки конницы и планомерно продолжали наступление.

Первый, самый опасный удар врага был отбит, контратака каре отогнала кавалерию противника к его лагерю. Турецкие воины, как правило, грозные в первом натиске, получив отпор, спасовали. Вражеская пехота, засевшая за укреплениями лагеря, уstraшенная штыковой атакой русских, не принимая рукопашного боя, обратилась в бегство...

К **12 дня** сражение было закончено: лагерь взят, а враг бежал в беспорядке...

Турки оставили на поле сражения **более тысячи** человек, **две тысячи** попали в плен, всю артиллерию, 8 знамен и огромный обоз; русские потеряли **29** убитыми и **61** ранеными: настолько выше они стояли, как профессиональные воины. Но быстроногая легкая татарская конница снова ушла от преследования русской тяжелой (*легкой не хватало*) кавалерией почти без потерь.

И все же, именно поспешное отступление позволило Каплан-Гирею избежать больших потерь и отойти к своим главным силам (до 150 тыс. воинов?) под началом великого визиря Ивазаде Халил-паши, уже готовившимся к переправе через Дунай и к решающей схватке с русскими.

После боя у Ларги Румянцев лично благодарил своих солдат и офицеров за проявленное мужество и боевую выучку, щедро наградил их деньгами и воодушевил на дальнейшую борьбу с многочисленным неприятелем.

...**Между прочим**, именно победа при Ларге привела к учреждению в России единственно чисто военного ордена **Святого Георгия** четырех классов. Его можно было получить только за личные заслуги на поле брани. Напомним, что вторым кавалером этой высшей воинской награды стал именно Петр Александрович Румянцев за победу при Ларге. Ну, а первым орденосцем Святого Георгия высшего класса, как известно, оказалась... императрица Екатерина II, **сама себя наградившая**. Можно по-разному трактовать этот «маневр», знавшей толк в «будуарных ристалищах», прагматичной немки, ловко прихватившей в свои цепкие лапки престол крупнейшей империи на целых 34 года! В том числе, очевидно, ей так было надо для самоутверждения как императрице-узурпаторше: сметливому «слабому полу» всегда виднее, где и когда «подстелить соломки», в том числе, и в «воинском вопросе». *Так бывает, таковы Гримасы Истории...*

Через две недели – 21 июля (1 августа) – Петра Александровича Румянцева ждал новый успех на войне с турками – самый грандиозный за всю его замечательную военную карьеру, но, как потом окажется... **последний!**

Современная интерпретации одной из ключевых битв русско-турецкой войны 1768—1774, состоявшейся 21 июля (1 августа) 1770 г. на реке Кагул, что на юге современной Молдавии (между городом Вулканешты и селом Гречень), предполагает (повторимся – предполагает!) следующее!

«...Проиграв под Ларгой, турецко-татарские силы крымского хана Каплан Гирея благополучно отошли по направлению к Дунаю. Русский авангард обнаружил, что отступавшие разделились на две части: татары двинулись в сторону Измаила и Килии, а турки ушли вниз по левому берегу реки Кагул.

Последнее поражение раздражило Иваззаде Халил-пашу, но не лишило его уверенности в своих силах. Он созвал военный совет, на котором предложил переправить войско на судах через Дунай и самим атаковать русских. Крымский хан прислал великому визирю информацию от русских пленных об остром недостатке в армии Румянцева продуктов питания. Более того, хан утверждал, что именно сейчас самое подходящее время для атаки, и обещал совершить нападение всеми своими конными силами (до 80 тыс.?) на тыл русских войск, если великий визирь атакует их с фронта. Все эти доводы, а также показания пленных о сравнительно небольшой численности русской армии убедили турецкое командование в правильности выбранного решения и неизбежности поражения врага.

14 июля великий визирь переправил своё войско через Дунай на 300 судах. Перебравшись на другой берег, он взял на себя командование центром войска. Командующим правым флангом великий визирь назначил Абазу-пашу, арьергарда – Мустафу-пашу. Каждому из них было выделено по 10 крупнокалиберных орудий.

Всего у турок на тот момент могло быть **ок. 150** тыс. чел., в том числе, 50 тыс. пехоты и 100 тыс. конницы с 350 стволами разнокалиберной артиллерии. Тогда как у Румянцева согласно списочному составу было 23.615 пехоты (53 бат.), 3.495 регулярной кавалерии (47 эск.), 2.896 казаков при 106 полковых и 149 полевых орудиях – **всего 30.006** чел.

Все эти силы он распределил на шесть более или менее равнозначных частей (корпусов и дивизий: генерал-аншефа П. Олица, генерал-поручика П. Племянникова, генерал-поручика, графа Я. Брюса, генерал-поручика, князя Н. Репнина и генерал-майора (квартирмейстера) Ф. В. Боура, тогда как кавалерию поручил генерал-поручику, графу И. П. Салтыкову

Дабы не допустить объединения сил великого визиря и крымского хана 17 июля русские войска переправились через р. Кагул и расположились лагерем у селения Гречени. Для прикрытия армейских магазинов и обеспечение безопасного движения обоза, следовавшего к войскам с 10-дневным запасом продовольствия от Фальчи, был выделен отряд генерала Ф. Глебова (4 гренадер. бат. с регулярной кавалерией и иррегулярной конницей). Помимо этого отрядам генерал-майора Григория Потёмкина (*будущего знаменитого екатерининского фаворита!*) и бригадира Ивана Гудовича (*впоследствии прославившегося успешными военными действиями на Кавказе!*) было предписано выдвинуться в сторону р. Ялпуха для прикрытия оттуда главных сил.

В результате всех этих «предматчевых маневров» прямо перед началом сражения у Румянцева (под его непосредственным началом) могло быть **от 17 до 21 (?)** (данные сильно разнятся) тыс. пехоты несколько тысяч регулярной и иррегулярной кавалерии при 118 орудиях.

...**Кстати сказать**, одной из особенностей той русско-турецкой войны было заметное количественное превосходство турок над русскими в силах, главным образом в лёгкой, нерегулярной кавалерии. Поэтому, зачастую основной формой боевого порядка русских войск было каре – четырёхугольное построение, при котором пехота могла вести боевые действия

даже при полном окружении и отражать атаки конницы. *Другой особенностью* конфликта были слаженные и эффективные действия русской артиллерии, которая своим огнём успешно подавляла турецкие батареи, тем самым, во многом сводя на нет численное превосходство врага над русскими...

Не считая возможным немедленно двинуться на неприятеля, по крайней мере, без семидневного запаса провианта (его оставалось на два-четыре дня), Румянцев приказал немедленно ускорить движение обозов: для чего выслал им навстречу полковые повозки, вооружил и усилил погонщиков. Кроме того, он приказал армейским обозам, следовавшим от Фальчи к реке Сальче, перейти к р. Кагул для предотвращения нападения татар из-за Ялпуга.

По правде говоря, у Румянцева была возможность отойти. Это сочли бы разумным: силы были слишком не равны, подвоз боеприпасов затруднен, провианта осталось на три дня. Но он решил атаковать, постаравшись обмануть противника. Каждая дивизия («корпус») строилась в каре, причем, их «бока» должны были быть вдвое меньше фронта. Углы каре занимали гренадеры ближайших к ним полков. Несколько каре образовывали боевую линию, а на флангах располагались егерские каре. В атаку предписывалось идти быстрым шагом и под музыку. Учитывая огромный перевес врага в коннице, русский полководец выделил небольшую часть своих солдат на прикрытие своего тыла, меньше половины оставшихся сил должны были сковать правый фланг турок, а вот на левый фланг неприятеля, где Румянцев обнаружил слабости во вражеской обороне, он рассчитывал двинуть большую часть своих солдат.

В **10 часов** утра **20 июля** турецкая армия снялась со своей позиции и двинулась к селению Гречени. Румянцев наблюдал это движение с высокого холма. Сначала турецкая армия, остановилась в двух верстах, не доходя до остатков оборонительного вала знаменитого римского императора Траяна, выбирая наилучшую позицию. Но затем она разбила свой лагерь в семи верстах от русских войск, на левом берегу р. Кагул близ её устья.

После рекогносцировки русской позиции визирь решил сам атаковать русских: симитировав наступление на центр русских, все главные силы бросить на их левый фланг, чтобы опрокинуть в р. Кагул. Заслышав канонаду крымский хан должен был перейти р. Сальчу и со всеми своими силами обрушиться на неприятеля с тыла. Атака планировалась на 21 июля, о чем русскому командованию стало известно от «языков».

Вполне понятно было, что Румянцеву следовало атаковать турок до того, как быстроногая татарская конница успеет напасть на него с тыла.

Как и при Ларге, выдвижение русских войск началось глубокой ночью. Уже в **час ночи** на **21 июля** русские войска по возможности скрытно и тихо пошли вперед к «Траянову валу». На рассвете они перешли его и выстроилась для боя. Когда в **5 утра** турки наконец обнаружили готового к атаке неприятеля, то они тут же послали на него всю свою огромную конницу, причем, максимально растянувшись по фронту с целью охватить своими «крыльями» русские фланги. Она была столь многочисленна, что казалось, ей нет конца и края.

Пришедшие было в движение каре Румянцева остановились и открыли огонь: наибольший вред приносила врагу русская артиллерия одного из самых опытных генералов-артиллеристов Пётра Ивановича Мелиссино (1726/30, Кефалония, Ионические острова, Греция – 26.12.1797). Когда ее огонь остановил турок в центре, они перекинулись направо для усиления атаки на колонны-«каре» генерала Брюса и князя Репнина. Воспользовавшись ложиной между ними, турки окружили их со всех сторон. Одновременно турецкая кавалерия, пронеслась по другой долине, перескочила уже изрядно обвалившийся за многие века «вал Траяна» и стремительно ринулась в тыл каре Олицы.

Румянцев быстро среагировал на вражеский маневр, отправив резервы из атакованных колонн для создания угрозы турецким путям отступления к их лагерю. Страшась лишиться возможности ретироваться, неприятель бросился назад, попав при этом под убийственный кар-

течный огонь русской артиллерии. Видя это, остальная турецкая конница, атаковавшая каре на правом и левом флангах, тоже поспешила отхлынуть на безопасное расстояние.

Отразив, таким образом, первое нападение турок, в *8-м часу* утра русские войска сами перешли в атаку на укрепленный лагерь врага, который встретил подходившие русские каре плотным огнем многочисленной артиллерии, в первую очередь, по каре генералов Олица и Племянникова. При этом, около 10 тыс. янычар спустились в ложину и ринулись на каре Племянникова. Пользуясь своим численным превосходством, они ворвались в него и смяли некоторые его части. Пришлось русским солдатам спастись бегством из расстроенного каре, пытаясь укрыться в каре генерала Олица и, тем самым приводя и его в беспорядок.

Наступил критический момент в сражении...

Увидев эту «сумятицу-неразбериху», Румянцев поскакал из каре Олица к бегущим войскам Племянникова и одной фразой, «Ребята, стой!», удержал их от дальнейшего бегства, сгруппировав вокруг себя для организованного отпора беснующемуся врагу. Тут же по янычарам открыла огонь артиллерия Мелиссино. Плотный картечный огонь в упор наносил густым толпам янычар ужасный урон. Кроме того, с двух сторон на них обрушилась русская кавалерия, а генерал Боур, выделил батальон своих егерей для атаки янычар слева. После замешательства, вызванного взрывом зарядного ящика, 1-й гренадёрский полк бросился в штыки. Янычары не выдержали и обратились в бегство. Искусное взаимодействие артиллерии, пехоты и во время брошенной во фланг янычарам резервной тяжелой кавалерии сделали свое дело! Натиск умело управляемых войск русских оказался эффективней отчаянных бросков их противников...

Тем временем, фланговые колонны русских уже успели занять все неприятельские укрепления. Каре Племянникова и Олица удалось привести в порядок, и, оправившись от понесенного урона, ведомые в штыки самим Румянцевым, они снова пошли вперед. Особо отличился гренадёрский батальон Сем. Ром. Воронцова, ударивший в тыл левого фланга турок. Не выдержав их залпового продольного огня, янычары в смятении отступили в лагерь. Начался его общий штурм неудержимо двигавшимися вперед русскими каре.

Повсюду шли яростные рукопашные схватки...

После того как турки увидели, заходящий им в тыл корпус князя Репнина, в *9 часов* утра они бросили свой укрепленный лагерь и под фланговым (продольным) огнём войск Репнина кинулись бежать.

К *полудню* огромный лагерь великого визиря был разгромлен.

Турки, умчавшегося в крепость Измаил Халил-паши, в панике бежали к Дунаю. Много-тысячная конница Каплан-гирея так и не решилась атаковать русских в ходе их наступления на турок с тыла и ушла от Кагула к Аккерману.

Только усталость русской пехоты, бывшей на ногах с часу ночи, не позволила ей продолжать преследование далее четырёх верст, после чего оно продолжилось уже лишь силами кавалерии.

Брошенный вдогонку 22 июля (2 августа) корпус Боура обнаружил 23 июля (3 августа) у Карталы, переправляющиеся на другой берег Дуная остатки некогда могучего воинства великого визиря, быстро оценил ситуацию (*среди турок царил полный беспорядок*) и принял решение атаковать врага. В *центре* встали пехотные каре, а на *флангах* – кавалерия. Энергичная атака привела к очередному поражению турок, таким образом, довершив их разгром. Деморализованный враг предпочел смерти плен.

После завершения битвы при Кагуле, памятуя о том, что «недорубленный лес вырастает!», Румянцев «сел врагу на хвост». Он начал преследование в направлении Измаила силами отряда генерала барона Осипа (Иосифа) Андреевича фон Игельстрома (7.5.1737, Горжды, Лифляндия – 18.2.1823, Горжды), переведенного с дипломатической службы в Польшу на войну с турками. 23 июля туда же выступил корпус Н. В. Репнина, усиленный подразделениями под командованием Г.А. Потёмкина. 26 июля (6 августа) войска Репнина взяли Измаил

(еще не раз русские будут его брать), после чего двинулись дальше, последовательно захватывая оставшиеся в распоряжении турок опорные пункты на Нижнем Дунае.

Принято считать, что на поле битвы, в ходе бегства, на переправе и под Измаилом турки могли лишиться чуть ли не 12 тыс. чел. (*Впрочем, есть иные более «весомые» цифры, но о них чуть ниже.*)

Сначала – на поле боя они потеряли убитыми – **более 3 тыс.**, пленными – **более 2 тыс.**, а так же, 140 орудий (в том числе, 17 мортир, 24 фальконета), 50 знамён, огромный обоз с казной. Причем, мародерствующие казачки или арнауты успели разграбить её до того, как об этом узнало начальство. Румянцев велел отыскать захвативших казну, но безуспешно. Кроме того, при преследовании с 22 по 26 июля и при взятии Измаила – **ок. 5 тыс.** убитых и утонувших, 2 285 пленных, 65 орудий и 6 знамён.

В тоже время, согласно победному рапорту, отправленному П. А. Румянцевым императрице, победа под Кагулом «обошлась» государыне-матушке в **921** чел: убитыми 353 человека (в том числе, 3 офицера), без вести пропавшими 11, ранеными 550—556 человек (в том числе, 18 офицеров) и 1 травмирован (пушкой отдало ногу)...»

...**Кстати**, не исключено, что на самом деле турок в битве под Кагулом, все же, было меньше: не 150 тыс., а «лишь» 80 тыс.? Такое соотношение сил – лишь типичный миф, *присущий победным донесениям многих полководцев всех времен и народов: нормальное желание уменьшить свои потери и преувеличить численность и урон неприятеля!* В подобных случаях на ум приходит всем известный исторический анекдот именно из эпохи русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. На вопрос армейского писаря, составлявшего донесение об одержанной победе в Санкт-Петербург и аптекарски точно указавшего потери русской армии («убито всех чинов и без вести пропало 921 раненных 550»), Петру Александровичу Румянцеву: «Ваше превосходительство, а турок сколько писать?», последовал легендарный по своей емкости ответ: «А, пиши тысяч двадцать, чего их, басурманов, жалеть!»...

В памятном для русского полководческого искусства Кагульском сражении Румянцев применил **несколько новаторских тактических решений**: для сдерживания многочисленной вражеской конницы вместо рогаток он выставил перед фронтом каре артиллерийские батареи; самостоятельное расположение дивизионных каре позволяло осуществлять взаимосвязь при обороне; и наконец, выделенные в отдельные боевые единицы, каре могли удобно двигаться по любой местности, легко обходя препятствия, не расстраивая при этом своего строя. *К тому же, Петр Александрович вовсе не требовал сугубо буквального исполнения предписаний на бой.* Так дивизия могла выстраиваться и в несколько каре по 2—3 полка в каждом, а полки, в свою очередь, в случае необходимости могли в общем покидать каре. Как это, например, случилось в битве при Кагуле, когда каре дивизии Племянникова оказалось смято внезапной атакой сильно превосходивших янычар и лишь штыковая атака 1-го гренадерского полка из соседнего каре Олица дала возможность расстроенным частям Племянникова снова выстроиться в каре и продолжить наступление. **Очень важная роль в тактических построениях Румянцева отводилась егерям:** своим прицельным огнём они прикрывали фланги и предваряли штыковой удар grenадеров и мушкетёров, причем, когда нужного количества егерей не хватало, часть мушкетёров превращалась в «стрелков».

Кагульская победа стала крупнейшей победой европейской армии над турками за всю историю их военных конфликтов. Армия боготворила Румянцева. Когда он объезжал полки и благодарил солдат за победу, в ответ ему несло: «Ты – наш! Ты – солдат!»

Солдатское признание – высшая награда для любого полководца во все времена.

За эти нелегкие, но такие важные в начале войны победы 27 июля (7 августа) 1770 г. Румянцев был награжден не только вышеупомянутым ор. Св. Георгия 1-го класса (*наградой полководческого масштаба!*), но и ор. Св. Андрея Первозванного, произведен в фельдмаршалы, пожалован титулом графа *Задунайского* и прозван восхищенными современниками

«Российским Нестором». Кроме того, в парке Царского Села был сооружен победный обелиск в его честь. По приказу довольной императрицы была отчеканена медаль «За победу при Кагуле». Ей были награждены более 18 тыс. солдат и унтер-офицеров. Высший офицерский состав был награждён разными классами орд. Св. Георгия.

...*Между прочим*, Петр I учредил **орден Св. Андрея Первозванного** в 1698 г. и выдавался он, как за боевые подвиги, так и за гражданские отличия. В армии на него мог претендовать лишь имевший чин не ниже полного генерала, т.е. генерал от инфантерии, кавалерии или артиллерии...

В благодарственном письме императрице новоиспеченный фельдмаршал ответил сугубо по-военному: «Мы, русские, подобно древним римлянам, никогда не спрашиваем: сколько неприятеля, а где – он?!»

...*Кстати сказать*, гордая победой Екатерина перефразировала «рапорт» своего лучшего полководца: «Войска *мои* (*полукурсив мой – Я.Н.*), равные древним римским, никогда не спрашивают, сколько неприятеля, но где они находятся». Во время подхватить и развить идею или мысль своего подчиненного – одна из самых сильных сторон, мелкопоместной, но отнюдь не худородной (!) Анхальт-Цербстской «принцессы» Софии-Августы-Фредерики или, как звала ее родня Фикхен – в 14 лет, волею судеб, ставшей великой княгиней Екатериной Алексеевной Романовой и спустя 18 лет, ловко и цинично взявшей в свои цепкие женские лапки бразды правления самой большой империей в мире, благо ее законный правитель проявил непростительную для самодержца мягкотелость, не говоря о «всем остальном». Впрочем, это совсем другая история – история про то, что, порой, власть «берут» или «jedem das seine».

Одержанная над вдесятеро сильнейшим неприятелем победа при Кагуле вознесла Румянцева в ряд первых полководцев XVIII в. Сам Фридрих II Великий хорошо знакомый с Румянцевым по Кунерсдорфу после придунайских побед последнего поздравлял его с ними в самых превосходных выражениях. Когда спустя годы – в 1776 г. – Румянцева оказался в свите наследника российского престола Павла Петровича в Пруссии, то в Потсдаме Фридрих Великий устроил для уважаемых гостей большое показательное учение не только армейских полков, но и королевской гвардии, специально вызванной из Берлинских казарм. На тех учениях прусские войска повторяли различные построения и маневры русских войск при Кагуле. Румянцева внимательно следил за всеми «перестроениями» и пришел к выводу, что они, вероятно, совершались по приказаниям греческого либо римского полководца. Что это – похвала или...

Но все это будет потом! А пока...

А пока (*повторимся!*) Петр Александрович еще не ведал, что Кагул – вершина его полководческой карьеры. Впрочем, этого не знал никто: «человек предполагает – *судьба располагает*»...

Глава 9. Как два генерала-поручика выясняли, кто из них круче: трактовки их «замятни-междусобойчика»...

Получив категоричный наказ императрицы-«матушки» (умела ушло-цепкая анхальт-цербстская принцесса озадачить мужиков!) поскорее победоносно «закруглить войну» с турками, Петр Александрович Румянцев приказывает двум корпусам рьяных и борзых до славы генерал-поручиков Суворова (14 тыс. солдат с 14 орудиями – *это согласно штатному расписанию*) и М. Ф. Каменского (10 850 тыс. человек при 23 орудиях – *если принимать во внимание штатное расписание*; на самом деле не исключается, что **общие силы двух генералов не превышали 15 тыс.**) предпринять в мае 1774 г. совместное решительное наступление за Дунай. Причем, согласно предписанию главкома *Суворов должен был соединиться с Каменским, а не наоборот, что весьма важно для разносторонней трактовки дальнейшего развития событий.*

Турки не были еще готовы к открытию кампании. Их ближайшие войска были расположены гарнизонами в крепостях, причем, у Шумлы было сосредоточено до 50 тыс. и там по донесениям разведки был сам визирь. Выработанный Каменским и Суворовым план действий, исправленный Румянцевым, сводился к следующему: оба отряда должны были параллельно наступать к Шумле, при этом, Каменский должен выслать отряды для демонстраций против Варны, а Суворов – прикрывать Каменского со стороны Силистрии. Затем предполагалось начать главное наступление против Шумлы или, если неприятель будет встречен в поле и направится против Каменского, то Суворов должен ударить во фланг или тыл турецкой армии и отрезать её от Шумлы

Главкомандующий предоставил Каменскому и Суворову самим условиться относительно общего наступления и оставил им полную свободу действий. Спорные вопросы уполномочен был решать методичный Каменский, который хоть и был моложе Суворова на 8 лет, но генерал-поручика получил раньше Александра Васильевича (*еще в 1773 г., а тот по рекомендации Григория Потемкина лишь 17 марта 1774 г.*), и потому имел преимущество по старшинству в армии (*это считалось весомым*) и спорные вопросы при совместных действиях решать надлежало ему. *Но зависимость Суворова от Каменского была неполной, двусмысленной; отношения двух рвущихся к славе генералов – натянутыми, затем и вовсе очень неприязненными.*

Крайне амбициозный Суворов воспользовался недосмотром (*или двусмысленной позицией, прекрасно знавшего о неладах между генералами и давшего им возможность выяснить на деле – «кто круче?»*) Румянцева, который прямо не подчинил его Каменскому. В ордере Суворову Румянцев написал: «Рекомендую (курсив мой – Я.Н.; вместо – **ПРИКАЗЫВАЮ**) вам вследствие того, по повелениям и учреждениям г. генерал-поручика Каменского точно поступать тем образом, как долженствует генерал, один другому подчиненный». И это при том, что невероятно ревнивый до чужой славы (*«Военная слава – самая ревнивая из страстей!» и делиться ею, добытой морем крови – своей и чужой – и смертями «бес числа» с обеих сторон, военные не хотели во все времена!*) Александр Васильевич не раз, публично, желчно язвил, что «Каменский знает военное дело, да оно его не знает».

Принято считать, что проявляя строптивость, даже неизвинительное самовольство, Суворов, несмотря на то, что всю жизнь побаивался крутого и хамоватого Петра Александровича, вроде бы не пожелал подчиняться обошедшему его в чинах «мальчишке» Каменскому.

...Небольшого роста, худощавый, но крепкого телосложения, энергичный **Михаил Федотович Каменский** (8 мая 1738, Санкт-Петербург – 12 августа 1809, село Сабурово, Орловская

губер.), безусловно, был фигурой весьма заметной и интересной и вовсе не столь однозначной, как его было принято «живописать/малевать» в отечественной литературе советского периода, в основном, противопоставляя его «иконе» русского полководческого искусства – «русскому Марсу», неистовому Александру Васильевичу Суворову.

Подобно своему легендарному визави, Михаил Федотович знатностью не отличался, но был наделен природным умом и не лишен остроумия. Он получил блестящее образование: изучал высшую математику, владел несколькими европейскими языками, любил литературу, по отзыву самого Суворова, крайне требовательного и, порой, не в меру язвительного (*в основном, по отношению к соперникам по военной славе!*), «крепко знал тактику...», и выделялся незаурядной личной храбростью.

...*Между прочим*, екатерининский генерал-аншеф (1784 г.), павловский генерал-фельдмаршал (5 апреля 1797) и граф (та же дата), М. Ф. Каменский являлся отцом двух очень известных генералов от инфантерии: Сергея Михайловича Каменского 1-го (3.6./5.11.1771 – 8.12.1834) и Николая Михайловича Каменского 2-го (27.12.1776 – 4.5.1811, Одесса), так же как и отец, заслуживших редкую военную награду – ор. Св. Георгия 2-го кл. (*награду полководческого уровня!*). Причем, последний считался выучеником А. В. Суворова, писавшего в ходе своего полуполулегендарного Швейцарского похода 1799 г. его отцу фельдмаршалу Каменскому: «Юный сын ваш – старый генерал». Этим, судя по всему, он доставил своему старому конкуренту в борьбе за славу первого полководца Екатерины Великой немалое удовольствие. Младшенький не посрамил своего отца – бывалого боевого генерала...

Принято считать, что Михаил Федотович происходил из небогатого дворянского рода Каменских, из поляков, известного с 1620 г. По семейной легенде он мог идти от легендарного «мужа честна» Радши/Ратина, выехавшего в Россию из Германии в XII в., считавшегося также предком Бутурлиных и Пушкиных. Он был сыном гоф-юнкера, Федота Михайловича Каменского, служившего мундшенком при Петре I (*дослужившегося до генерал-майора?*) и Анны Забиной. Он прошел обучение в Сухопутном Шляхетском корпусе, и, служа в нём, в 1751 г. получил первое звание – капрала. В 1756 г. был выпущен из сержантов в армию (в Канцелярию строений) в чине подпоручика/поручика. В 1757 г. он получил назначение унтер-шталмейстером в артиллерию.

В 1757—1759 гг. юный Каменский служил волонтером во французской армии (в 1758 г. становится капитаном), которая тогда – в ходе Семилетней войны (1756—1763) – была союзницей русской армии в войне с Пруссией и успел принять участие в ряде сражений на стороне французов. Вернувшись в Россию, с 1759 по 1761 гг. он состоял в Московской артиллерийской команде генерал-аншефа П. И. Панина. Ссылаясь на «частую головную болезнь и глухоту» и опасаясь сделаться окончательно «неспособным к службе, если останется при орудиях» (*хронического заболевания большинства артиллеристов всех времен и народов!*), он попросил перевода в полевые *пехотные* полки. 13 февраля 1762 г. это произошло с переименованием его в премьер-майоры. Вскоре его производят в полковники, и 12 марта, он направлен на Семилетнюю войну в действующую армию генерал-квартирмейстер-лейтенантом в корпус генерал-аншефа П. А. Румянцева.

После этой крупнейшей европейской войны XVIII в., с 1763 г. Каменский командовал 1-м Московским пехотным полком из состава Финляндской дивизии генерал-аншефа П.И.Панина. В августе 1765 г. (*чуть ли не первым и не единственным из молодых русских офицеров той поры?*) он был послан в Пруссию, в лагерь под Бреславлем, в качестве военного агента, для ознакомления с системой обучения прусских войск. Там любознательный, образованный, сметливый и отважный Михаил Федотович был замечен прусским королем-полководцем Фридрихом II, который в разговоре со своим генералом Тауэнцином/Тауентцином очень емко и образно охарактеризовал его как «молодого канадца, довольно образованного», так в ту пору в Европе называли индейских аборигенов Северной Америки. Вернувшись оттуда в октябре,

он представил Великому князю-наследнику Павлу, с которым он уже был знаком (*до конца жизни у них были хорошие отношения*), восторженный отчет об увиденном, добавив от себя, что главное для монарха «любить свое войско», не гнушаясь солдат, как это делал его великий прадед Петр Великий. Хотя кое-кто полагает, что, будучи профессиональным военным Каменский мог бы поглубже вникнуть не только в плюсы прусской «военной машины», но и в ее минусы.

...*Между прочим*, пройдет много лет, и в 1779 г. Каменский снова окажется «рядом» со своим кумиром – Фридрихом Великим и опять *окажется* под впечатлением от его атакующего полководческого кредо: стремительность и организованность в направлении главного удара. В конечном итоге, влияние прусской системы сказывалось на всей дальнейшей военной деятельности Михаила Федотовича...

В 1766 г. он уже бригадир, а когда началась русско-турецкая (1-я «екатерининская») война (1768 – 1774), Каменский в чине генерал-майора командовал 4-й бригадой (5 пехотных полков) в 1-й армии князя А. М. Голицына.

На военном совете 19 мая 1769 г. именно Каменский сильно настаивал на необходимости взять Хотин. Он аргументировал это тем, что, захватив эту крепость, русская армия будет владеть обоими берегами Днестра до Бендер. Именно это позволит не только конкретно планировать дальнейшее продвижение внутрь вражеской территории, но и перекроет контакты Польши с Турцией. Это приведет к уничтожению барских конфедератов и позволит усилить русские армии, воюющие против турок войсками «умиротворяющими» Польшу. Впрочем, Каменский предлагал это лишь в том случае, если планировать овладение крепостью не позднее чем через три недели, т. е. до прибытия армии визиря к ней на помощь. Его предложение принято не было.

Потом Каменского с его бригадой отправляют на левый берег Днестра, в отряд генерал-поручика Ренненкампа. Там у д. Янчинцы они совместно отражают нападение войск визиря Молдаванчи-паши, но по стратегическим причинам им пришлось отойти назад.

29 августа Каменский активно участвовал в разыгравшемся сражении (*а вовсе не незначительном бое, как ожидалось*) при Хотине, оказавшемся решающим для дальнейшего хода операций в 1769 г. Он отлично справился с поставленной ему задачей: в нужный момент привел свою колонну в намеченное место на левом фланге, тем самым, дав возможность генералу И. П. Салтыкову выручить войска генерала Брюса в самый критический момент боя. Затем Каменский участвовал в занятии Хотина. За эту кампанию его награждают ор. Св. Анны.

В 1770 г. он командовал 1-й бригадой 1-й дивизии генерал-поручика Дальке во 2-й 33-тысячной русской армии генерал-аншефа графа П.И.Панина и участвовал в осаде Бендерской крепости (Белгород-Днестровский), которую защищал 18-тысячный гарнизон. Начавшись 15 июля, осада продолжалась два месяца.

29 июня, во время переправы армии через Днестр, Каменский со своим отрядом был отправлен для осады и бомбардировки Бендер с левого берега Днестра. Отражая контратаку турок ночью 23 июля, он лично повел в бой егерей и обратил неприятеля в бегство, занял форштадт и держался в нем до получения приказа об отступлении. Начиная с августа, Каменский, с разрешения главнокомандующего, провел бессменно в траншеях 6 суток, чтобы, изучить лучше местность и расположение окопов, для успешного отражения вражеских вылазок.

В ночь с 15 на 16 сентября Панин решился на генеральный приступ. В ходе штурма на Каменского было возложено руководство атакою всего левого фланга русской армии. После сильного артиллерийского обстрела полки пошли в атаку. Ожесточенный бой продолжался всю ночь. К утру турки сложили оружие. Принято считать, что они потеряли 5 тыс. убитыми и ранеными, и еще 11 тыс. было взято в плен. Потери русской армии склонны исчислять свыше 6 (???) тыс. человек. Штурм Бендер получился самым кровопролитным сражением за всю войну.

За отличие под Бендерами Каменский был награжден 1 ноября ор. Св. Георгия IV-го кл. (*или, все же, сразу III-го? данные разнятся*). 20 сентября Каменский был направлен к Аккерману для содействия отряду Игельстрома. Его приближение ускорило сдачу этой крепости, после чего он возвратился в Бендеры.

1771-й год он провел в отпуске и заметного участия в войне не принимал.

В 1772 г. Каменский командовал войсками из армии Румянцева в Польше, «зачищавшими» ее от партизанских отрядов конфедератов, боровшихся за шляхетские вольности со своим королем (*и стоявшей у него спиной его бывшей любовницей российской императрицей Екатериной II*).

Затем он командует отдельными частями в 1-й армии, которой к этому времени уже руководил П. А. Румянцев. Именно тогда Каменский добился наибольших успехов в своей военной карьере. Можно сказать, что это был его «звездный час» как военачальника.

Именно тогда стало ясно – *что ему по плечу, а что – нет*.

В 1773 г. Каменский состоял в корпусе генерал-поручика графа И. П. Салтыкова из армии Румянцева. 17 июня 1773 г. Михаил Федотович разбил турецкий корпус под Журжей.

16 сентября он совершил нападение на турецкий лагерь под Турно, когда на его небольшой отряд турки бросили ок. 5 тыс. конницы, Каменский не сплеховал и успешно отразил все ее наскоки, потеряв при этом 20 убитыми и 145 ранеными, тогда как турки лишились до 1.5 тыс. убитыми. В ноябре он принял командование над отдельным корпусом, контролировавшим левобережье Дуная. За удачные боевые действия в той кампании его награждают ор. Св. Георгия III-го (?) кл., производят в генерал-поручики.

Жаждающий самостоятельности – у него уже немало боевых наград, в том числе, два «Его-рия» (3-го и 4-го кл.), которые в русской армии просто так не давали – он все время у кого-то в подчинении: то у князя А. М. Голицына, то у генерал-аншефа П. И. Панина, то у генерала И. П. Салтыкова.

В новом чине Каменский продолжает свой победный боевой путь: 11 мая 1774 г. занимает Карасу и разбивает турецкий отряд при Абтате.

Таков был генерал-поручик М. Ф. Каменский бок-о-бок с которым генерал-поручику А. В. Суворову предстояло двинуться против турок...

Существует несколько интерпретаций дальнейших событий и каждый вправе брать ту сторону (точку зрения), что ему кажется более предпочтительной

Начнем с наиболее нейтральной:

«...В апреле 1774 г. 3-я дивизия (покойного Вейсмана) отличившегося при Бендерах и Журже генерал-поручика М. Ф. Каменского первой переправилась через Дунай, 9 мая она заняла Карасу, а 2 (13) июня с боем взяла Базарджик. Получивший за заслуги в прошлой кампании чин генерал-поручика Суворов, заменил во главе резервного корпуса Григория Александровича (*пришла пора так его – фаворита императрицы – величать!*) Потемкина. 16 мая он переправился в Гирсово и шёл параллельно Каменскому, прибыв 3 июня в деревню Карач к западу от Базарджика.

Войска Каменского продолжили наступление на Шумлу и утром 9 (20) июня вошли в деревню Юшенлы, в 7 км на юго-запад от Базарджика. Здесь к ним присоединился корпус Суворова, прошедший для этого ночью 20 км. Дальше путь на Шумлу лежал через городок Козлуджи, где стояла лагерем примерно 40-тысячная (25 тыс. пех. и 15 тыс. кавал.) турецкая армия рейс-эфенди Хаджи-Абдул-Резака. От Юшенлы к Козлуджи можно было добраться только по узкому дефиле через Делиорманский лес.

Русские войска разбили лагерь в Юшенлы для отдыха, а Суворов и Каменский утром 9 июня с авангардом кавалерии и казаками выехали на разведку по дороге в Козлуджи. На выходе из Делиорманского леса они заметили турок, которые тут же стали отступать в сторону Козлуджи. Русская кавалерия бросилась за ними в лес, на выходе из которого её поджи-

дали турецкие войска. Они атаковали казаков, бывших в авангарде, и попытались отрезать их от основного отряда. Казаки принялись спешно отступать, в результате чего из-за крайней узости дороги, по которой двигались войска, возникла неразбериха и давка. Каменский принял срочное выводить свои войска из леса, направив в помощь казакам эскадрон пикинёров и два эскадрона гусар. Одновременно он вызвал из русского лагеря пехоту.

В результате его грамотных действий русская кавалерия смогла выбраться обратно из леса, а пехота построилась в боевой порядок у входа в лесное дефиле. Из-за узости открытого пространства и русские, и турки могли использовать только малую часть своих сил. В первой линии русской пехоты было всего 2 бат. егерей и 1 бат. гренадер. Ими командовал Суворов, *тогда как Каменский, будучи старшим по субординации, руководил всем боем.*

Турецкая пехота выдавила казаков из леса и попыталась окружить один из батальонов Суворова. Каменский выслал ему в помощь ещё один батальон егерей и выстроил сзади ещё две линии пехоты. Все попытки турок обойти русские войска с флангов и зайти им в тыл успехом не увенчались. Суворов с пехотой принял их преследовать и, пройдя лес, занял ложину перед холмами, на которых засели турки. Турки снова обрушились на него. Каменский опять помог ему: кавалерией и пехотой. Поскольку через дефиле крайне трудно было провезти пушки, турецкую атаку удалось отразить лишь с большим трудом и незначительными потерями для врага.

Как только прибыли пушки, Суворов, построив четыре батальонные каре в одну линию (во второй линии встали Суздальский и Севский полки), перешёл в наступление и сбил турок с их высоких позиций. Сильно пересечённая местность не позволила русской кавалерии их преследовать и турки смогли организованно отойти в свой лагерь у Козлуджи. Подойдя к нему, Суворов подтянул свою артиллерию и начал обстрел турецких позиций. Только через три часа перестрелки, увидев, что ответный огонь турок слабеет, Суворов повёл свои войска в атаку – уже третью за день. Турки не стали ждать штыкового удара русских и бросив свою артиллерию (29 пушек) и весь свой лагерь, кинулись к Шумле...»

Известна и более «компактная» интерпретация сражения при Козлуджи.

«...Согласно которой в конце мая отряд Каменского, выступил к Базарджику – важному узлу путей между Шумлой, Варной и Силистрией. Поскольку Суворов стремился действовать самостоятельно, то 2 июня Каменскому пришлось выбивать из Базарджика 5-тысячный турецкий авангард без его помощи. Здесь Каменский простоял 6 дней в ожидании прибытия Суворова. 9 июня их отряды соединились у Юшенли и сразу же оба генерала во главе кавалерии произвели усиленную рекогносцировку на Козлуджи, где обнаружили крупные силы турок (до 25 тыс. пехоты и 15 тыс. конницы) по началом рейс-эфенди Хаджи-Абдул-Резака, высланные визирем от Шумлы против русских войск.

Русская кавалерия, преследуя отступавшего неприятеля, вступила в тесное дефиле, растянулась, была атакована турками, пришла в замешательство, но благодаря распорядительности Каменского порядок был восстановлен. Он вывел обратно кавалерию из дефиле и послал за своей пехотой, завязалось сражение и, в конце концов, туркам пришлось отступить. Суворов преследовал противника до его лагеря и, после массированного артобстрела, перешел в стремительное наступление, понудив врага бросить лагерь и бежать к Шумле и Праводам...»

Хотя заслуга нанесения решительного и вместе с тем окончательного удара принадлежит Суворову, но и Каменский в немалой степени поспособствовал этой победе. Правда, по некоторым источникам к Козлудже Михаил Федотович со своим корпусом подошел уже в разгар сражения, но, так или иначе, турки были разгромлены.

На военном совете, собранном Каменским после Козлуджи, было решено приостановить наступление для отдыха, что вызвало резкое недовольство Суворова. Возмущенный, он уехал в Бухарест, сославшись на недомогание, Каменский же получил от Румянцева упрек: «Не дни да часы, а и моменты в таком положении решают», – писал ему главнокомандующий.

В общем, тут же развить успех под Козлуджи, как того требовал Суворов, так и не удалось. Каменский не решался продолжать наступление якобы из-за недостатка перевозочных средств и провианта. Он собрал военный совет, на котором было решено остаться у Козлуджи, а затем отступить на позиции между Шумлой и Силистрией, чтобы отрезать последнюю от тылов и, тем самым, понудить её к сдаче.

Румянцев был недоволен таким развитием событий и предписал Каменскому и Суворову продолжать наступательные операции собственно против Шумлы. И только, если овладеть этой крепостью окажется без правильной осады не возможно, то тогда идти на Силистрию. Каменский двинулся к Еникою, а корпус Суворова направился к Кулевче для того чтобы прервать связь между Шумлою, Варною и Праводами. Тем временем, сам Румянцев принял меры для обеспечения продовольствием войск Каменского и Суворова.

16 июня авангард корпуса Каменского отбросил 5 тыс. турецкой конницы сераскира Дагистанлу-паши у Ени-Базара. 17-го Михаил Федотович продвинулся до д. Буланых, в 5 верстах от Шумлы, а затем отошёл к д. Адибаба. Саму Силистрию он атаковать не решался. В его корпусе было всего лишь 7 тыс. чел., тогда как у великого визиря Иззет-Мехмед-паши около 35 тыс. Каменский предпочел попытаться выманить турок в открытое поле, для чего разослал повсюду небольшие отряды с приказом жечь ближайшие селения.

19 июня турецкая конница атаковала небольшой отряд полковника Розена, который был выслан для поддержания связи с корпусом Салтыкова. Каменский во время поддержал Розена почти всей своей пехотой. Визирь вышел из крепости с большею частью своей армии, произошло сражение, окончившееся беспорядочным отступлением турецкой армии. Стремясь заставить турок снова выйти из лагеря, Каменский приступил к траншейным работам. Однако, визирь не реагировал на это. Тогда Каменский решил ограничиться наблюдением за дорогами, ведущими внутрь «театра военных действий», для чего передвинул свой корпус к югу. С 3 июля все пути сообщения турецкой армии с тылами были перекрыты и недостаток припасов и фуража скоро привел к многочисленным дезертирствам из ее рядов. 6 июля почти вся турецкая армия атаковала передовые русские посты и прикрывающие их отряды, но была отбита. В тот же день Каменский получил предписание главнокомандующего не предпринимать ничего решительного против турок, так как в это время уже начались переговоры о мире.

Несмотря на запреты военных действий 7 июля Каменский на свой страх и риск (*как он это потом обставил в своем рапорте — во Славу Русского Оружия!*), не без значительных потерь, все же, взял турецкие оборонительные укрепления. А 9 июля, накануне заключения Кучук-Кайнарджийского мирного трактата, он отошел от крепости.

Так или иначе, но все эти, порой, весьма противоречивые военные действия двух, конкурирующих между собой, генерал-поручиков в немалой степени поспособствовали тому, что Турция предпочла заключить с Россией мир.

В тоже время не исключено, что их большая «заруба» во многом была «замешана» на том, что оба отличались очень своеобразными и в чем-то похожими характерами: Каменский был страшно вспыльчив и не умел владеть собой, Суворов, будучи гением, вел себя не всегда адекватно в понимании широкой публики и это, *еще мягко говоря!* Правда, в свою очередь, умный и проницательный Каменский, скорее всего, признавал достоинства Суворова и, возможно, даже завидовал ему. Ясно, что две эти горячие головы не могли ужиться вместе. Не исключено, что в той ситуации, которая тогда сложилась – «хороши» были оба. Так, порой, случается с суперамбициозными мужиками, когда «м...а ударяет им в голову», особенно среди военных, рвущихся на Военный Олимп по трупам! И это при том, что в сугубо в армейской субординации «старшинства» преимущество было у Каменского, о котором крайне гоношистый Суворов, как известно отзывался весьма двусмысленно, если не сказать полупрезрительно.

...*Впрочем*, кое-кто из исследователей (например, биограф А. В. Суворов, А. П. Богданов) склонен полагать, что на самом-то деле никаких «контр» между этими двумя очень

энергичными и по-своему неординарными военными, яростно рвущимися к заветной цели – на полководческий Олимп – не было. И все это – скорее, «происки» нечистых на руку «акробатов от истории», для которых любые «жареные факты», столь любимые многими современными издателями для которых рейтинг популярности книги и автора равен прибыльности, важнее творческого наследия той или иной исторической фигуры. «Каждому – свое» или, «у каждого – своя правда»...

В тоже время в современной историографии нередко предполагается, что антипатия к Каменскому взяла тогда у Суворова верх над долгом. Из-за опоздания пополнения он был готов к маршу лишь двумя днями позже условленного срока. Не желая встречаться с «соперником», он собирался идти по совсем другой дороге, только чтобы не пересечься с удачливым «мальчишкой» Каменским (тот был почти на 10 лет моложе!), более того, не оповестив его об этом. Лишь удачное стечение обстоятельств не привело к катастрофе, и Каменский в одиночку взял Базарджик, разбив 5-тысячный отряд конницы сераскира Дагистанли-паши. Михаил Федорович не преминул пожаловаться Румянцеву на «соперника». Тот резонно и резко заметил, что порядок старшинства известен всем и что Каменский сам должен заставить Суворова повиноваться.

Но это было не так-то просто: *до производства в генерал-поручики Каменский, все же, отставал от Суворова по генеральской иерархии и, к тому же, у Александра Васильевича уже был ор. Св. Георгия 2-го кл., а это была награда полководческого масштаба, которой не имел Михаил Федотович!*

Ушлый Суворов все это, естественно, «держал в уме» и поступал соответственно своему личному ранжиру!

В общем, против воли Каменского Суворов так и не прикрыл со стороны Силистрии марш Михаила Федотовича на Базарджик. Кроме того, под предлогом ожидания всех своих полков, Александр Васильевич действительно задержал наступление на два дня. Более того, самочинно изменив маршрут своего выдвижения, он послал на разведку конный отряд (свой авангард) через густой Делиорманский лес (лесное дефиле) к Козлуджи.

Одна из наиболее острых версий дальнейшего развития событий предлагает следующее:

«...Когда желтые гусары и казаки Суворова ехали узкой, путаной лесной дорогой или как ее, порой, называют в источниках через дефиле, навстречу им двигался ничего не подозревавший турецкий разъезд. За ним следовал сильный отряд спагов (конных воинов) двухбунчужного паши и пеших албанцев свирепого Янычар-аги. Это были передовые силы 40-тысячной армии рейс-эфенди Хаджи-Абдул-Резака.

Внезапно турки и русские столкнулись на узкой лесной дороге нос к носу. В короткой стычке и те и другие понесли потери. Дорога была столь узка, что могли сразаться только передовые бойцы. Имея громадное превосходство в численности, турки попросту опрокинули русскую конницу. Сам Суворов, прискакавший в голову своего отряда, оказался отрезанным от своих главных сил. За спиной у себя он слышал, как возбужденно перекликались нагонявшие его спаги на превосходных лошадях.

Он уже достаточно хорошо знал по-турецки, чтобы понять смысл их реплик. Они уговаривались не стрелять в генерала, а захватить его живым. Спаги то и дело настигали его и пытались уже ухватить за куртку, но каждый раз казачья лошадка Суворова, резко прищипоренная хозяином, делала отчаянный рывок, и турки снова отставали на несколько сажень. Лишь русское пехотное каре спасло полководца от позорного плена. Но и оно не смогло долго противостоять бешеным атакам турок...

В солнечном лесу замелькали красные фески и чалмы. Это подоспели пешие албанцы. Они сражались остервенело. Захватывая пленных, лютвали: тут же отрезали им головы, складывали в мешки и снова шли в атаку. Русские уже почти были вытеснены из леса...

Принято считать, что в эту критическую минуту Суворова поддержали посланные ему на помощь Каменским два эскадрона харьковских гусар вместе с эскадроном пикинеров. Позже из арьергарда подоспели два пехотных полка. Дружным ружейным огнем и картечью в упор удалось наконец остановить албанцев.

*...Между прочим, рассказывали, что много позже Суворов рьяно и неоднократно утверждал, что **Каменский бежал, бросив его на произвол судьбы**. В реляции самого же Каменского говорится о том, что **он поддержал Суворова своей конницей!** И это правда! В общем, у каждого из «героев» (а значит и их апологетов) той запутанной истории своя правда, а истина, как известно, лежит, где-то – по середине...*

Когда пороховой дым рассеялся, Суворов увидел, что враги отступают вглубь леса. Суворовские кирасиры и карабинеры тут же двинулись за ними. Преследовать врага пришлось по все той же узкой дороге...

Наступил полдень с его здеишей мучительной жарой. С ночи ничего не евшие и не пившие солдаты валились с ног. Турки не раз переходили в контратаки. Особенно яростно бросались на русских ялын-калыджи – «сабли наголо». Так назывались войска, вооруженные только кинжалами и ятаганами. Несли потери и те, и другие...

Наконец полил сильный дождь, освеживший измученных погоней и тяжелейшим боем русских солдат. Туркам же с их длинной и широкой одеждой, в карманах которой они держали порох, дождь и вовсе стал помехой. Приободрившись, русские вышли на обширную неровную и заросшую кустарником поляну, за которой на высотах стояли главные силы турок, а еще дальше поднимались минареты Козлуджи...

Загремели вражеские батареи. Суворов под огнем развернул всех своих солдат и подоспевшую часть войск Каменского в боевой порядок.

Гусары и казаки, преследуя албанцев и ялын-калыджи, поднялись на вражеские высоты, но были сбиты лихим ударом турецкой кавалерии, стремительно атаковавшей главные силы русских. Кавалерию дружно поддержали янычары, засевшие в кустах. С ятаганом в одной руке и ружьем в другой они врывались в русские каре и гибли на штыках.

Русские отразили все турецкие атаки и их гренадеры двинулись, поддерживаемые кавалерией, вперед. Суворов появлялся в разных местах боя, увлекая личным примером солдат. Уже впереди виднеется турецкий лагерь в окрестностях Козлуджи, но перед ним оказалась неожиданная преграда – глубокий овраг, где тоже засел враг...

Пришлось спешно вызвать артиллерию. Когда она подоспела и открыла беглый огонь по врагу, Суворов сам повел гусар на занятую противником высоту, отправив пехотные каре в обход.

Только теперь войска Абдул-резака охватила паника. Турки стали обрубать построения у артиллерийских лошадей, чтобы воспользоваться ими для бегства, менее удачливые стреляли во всадников. Кое-кто из самых отчаянных пальнул даже в Абдул-Резака...

В атаке, как известно, для турок не существовало никаких преград. Вперед, как всегда, лезли самые храбрые. Более малодушные напирали на них сзади, не давая передним останавливаться. Но и в бегстве не было ничего, что бы их остановило. Страх заставлял лететь быстрее ветра. И страх не просто быть убитым, а быть заколотым штыком: после того как Магомет запретил мусульманам есть свинину и приказал переколоть всех свиней, смерть от штыка считалась у турок позорной...

В самый разгар суматохи в лагере начали ложиться русские ядра, довершившие хаос...

Казалось, победа близка...

Но тут неожиданно по русским открыла кинжальный картечный огонь замаскированная турецкая батарея. С немалыми потерями штыковой атакой Суздальского полка она была взята, а орудийная прислуга переколота разъяренными гренадерами...

Путь на Балканы казался открытым...»

В драматично складывавшемся из-за двоевластия 8-часовом бою под Козлуджи русские потеряли 57—75 (данные разнятся) убитыми и 134 ранеными (из них 4 офицера; *либо несколько больше?*), но турки больше – около 500 (*или, все же, чуть ли не вдвое больше?*), а также сотня из них попала в плен. Лишились они и 29 орудий с обозом.

Впрочем, есть и другие версии и трактовки «взаимодействия» Суворова с Каменским в том памятном сражении.

Как правило, они основываются лишь на двух сохранившихся документах: рапорте Каменского и воспоминаниях Суворова, чей рапорт не сохранился. Интересно, что они не расходятся по существу, но разнятся по позиции во время боя и взглядам на происходившее. Причем, Каменский отдает должное действовавшему впереди Суворову: «...ревностные труды и оказанное мужество генерал-порутчика Суворова в сей победе, коим, как бывшим впереди, управляема была атака и неприятель трижды был опрокинут».

...***Между прочим***, за давностью лет (*почти 250 лет!*) и нагромождения разномастными «акробатами от истории» всевозможных слухов вокруг их взаимоотношений (*или «крутизны», как бы сказали сегодня*), расставить точки в крайне щекотливом вопросе о полководческой славе вряд ли, удастся. *Замешанная на море крови и смертях «бес числа», она во все времена не делится на двоих!* Тем более, выяснить, а была ли между ними «заруба» на самом деле...

Не нам судить, кто из двух полководцев прав либо виноват, тем более, что победителем при Козлуджи посчитали, не без оснований, Суворова. Каменский счел это нечестным и под предлогом недостатка провианта, перевязочных средств и трудных дорог приостановил наступление своего отряда вперед. Более того, Каменский, пользуясь старшинством, собрал военный совет, который высказался не зарываться вперед. Не исключено, что после этого между гонористыми и гоношистыми «соперниками» последовало очень резкое объяснение. Потом Суворов обвинял Каменского, что именно он не дал ему перенести войну за Балканы – после поражения турок под Козлуджи для русских открылась прямая дорога к Шумле, последней крепости на пути к Константинополю. И в тоже время, он сам участвовал в военном совете (*Каменский, Левиз, Прозоровский, Рейзер, Озеров, Суворов и Андрей Степанович Милорадович – отец будущего знаменитого полководца конца XVIII/начала XIX вв. – Михаила Андреевича Милорадовича*), на котором было принято вышеупомянутое решение. Не исключено, что, высказываясь за такое решение и, тем более, подписывая его, Суворов понимал, что после всего, ***что*** произошло под Козлуджей, ему уже не светит самостоятельность и предпочел sluкавить (*или, как в ту пору поговаривали, «поступить с обманцем!»*), что, порой, отмечалось за ним и ранее.

Повторимся, что Румянцев узнал о решении военного совета и резко выговорил своему подчиненному Каменскому за неумение воспользоваться плодами козлуджевской победы и потребовал немедленно идти вперед на Шумлу, где у старого визиря Муссун-заде/Мехмет-паши было очень мало войск. И действительно очень скоро последний, понимая, что война проиграна, стал искать мира.

Вскоре и Суворов получил от Румянцева «на орехи». Его вызвали к фельдмаршалу, который, к слову сказать, *не слишком его жаловал*. Последовал не совсем лицеприятный разговор, в ходе которого Александра Васильевича резко отчитали за нарушение воинской дисциплины. Раздосадованный и обиженный он попросил отпуск по болезни (его мучила лихорадка) и получил его. Затем последовало новое назначение и военные пути-дороги Суворова со сколь горячно-неуступчивым, столь же и методично-осторожным Каменским разошлись навсегда.

...***Кстати сказать***, насколько Каменский с Суворовым были разные люди иллюстрирует следующее предание, весьма похожее на типичный исторический анекдот. Как-то раз императрица Екатерина I прислала Михаилу Федотовичу подарок – 5.000 рублей золотом, он счел его маловажным и в летнем Саду ежедневно устраивал завтраки, ловя на них встречного и поперечного, пока не истратил все пожалованные ему немалые деньги и не уехал из Петербурга в войска. Согласно весьма похожему «анекдоту» Александр Васильевич поступил с точно

такой же суммой совсем иначе. Он взял только один империял и, отдав его привезшему подарок камер-лакею, попросил передать государыне следующее: «...по ее милости он теперь очень богат, и на что мне такая груда золота, а один империял он осмелился вынуть, чтобы тебе дать». После этого он покинул Северную столицу. Тогда императрица вслед за ним послала ему ... 30.000 рублей. Вот эту сумму он уже принял безоговорочно. В общем, то ли красивая быть, то ли яркий приукрас (небыль); хотите – верьте, хотите – нет...

Отношения между ними с годами становились все более и более неприязненными, тем более, что при торжественном праздновании общей победы в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Каменский получил своего очередного Св. Георгия (10 июля 1775 г.) – на этот раз 2-го кл. (*награда полководческого уровня!*) и орден Св. Александра Невского (27 августа), а *амбициозный Суворов, ожидавший «Егория» 1-го кл.!* (*его давали только за выдающиеся победы!*) – лишь... наградную шпагу. Дело в том, что Румянцев, очевидно, устал от причуд Суворова и, не вникая в детали конфликта последнего с Каменским, переслал императрице рапорт Михаила Федотовича о сражении при Козлуджи (*в котором действия Суворова стали одним из определяющих факторов заключения столь нужного тогда для России мира с турками!*), победа в котором открыла путь на Балканы и приблизила конец войны. Из него следовало, что Суворов действительно отличился в сражении, но он *всего лишь исполнял распоряжения своего старшего военачальника, т. е. Каменского*. Дико тщеславный Суворов при этом жутко негодовал – «Подобно тому, как сей мальчик Каменский на полном побеге обещает меня расстрелять, ежели я не побегу, и за его геройство получает то и то, а мне – ни доброго слова» – и долго не мог забыть обиды, но, по сути дела, он сам все себе испортил. «Оправданием» ему может служить «приговор» его самого известного биографа А. Ф. Петрушевского: «Каменские встречаются в военной истории *сотни* (*выделено мной – Я.Н.*), а Суворовых – *единицы* (*выделено мной – Я.Н.*)».

Впрочем, все эти перипетии никак не отразились на сыновьях Михаила Федотовича – Сергее и Николае, геройски служивших позднее под началом Александра Васильевича, особенно младший Николай.

Глава 10. Как дряхлый «бабушкин орел» очень во время «вышел из Большой Игры-Войны», затейной ее лукавым и амбициозным внучком...

Михаил Федотович Каменский окончательно «вышел из Большой Игры» много позже Александра Васильевича Суворова, когда тот уже давно ушел в свой Последний Солдатский Переход – в *Бессмертие*! Это случилось уже в эпоху наполеоновских войн, охвативших всю монархическую Европу в начале XIX в., но до этого он еще успел и повоевать на благо Отечества.

...*Кстати сказать*, военные пути-дороги **Михаила Федотовича и Александра Васильевича** навсегда развели непримиримых соперников по полководческой славе. Одному из них была предназначена Бессмертная слава полководца, так и не проигравшего ни одного серьезного боя, слава генералиссимуса (*взявшего этот самый высший военный чин саблею*) и «иконы» № РАЗ русского полководческого искусства. Тогда как другой, на последок своей военной карьеры выкинул такой невероятный «трюк-маневр», что чуть не поставил крест на всех свои немалых боевых заслугах. (*Но об этом чуть позже.*) В общем, *jedem das seine* («каждому – своё»)...

По окончании войны с турками Каменский получал различные назначения в войсках, последним из них было в Воронежскую дивизию. В 1779 г. во время войны за Баварское наследство, Каменский был за границей в качестве военного агента при прусской армии и присутствовал при стычке у Егерндорфа в южной Силезии.

В 1782/83—85/86 гг. Каменский – генерал-губернатор Тамбовского (и Рязанского?) наместничества. Ничем выдающимся себя на этом посту он не зарекомендовал, судя по всему, лишь постоянно вступал в конфликты с местным дворянством.

В 1784 г. он получил чин генерал-аншефа, но из-за нерасположения к нему князя Потёмкина, недолюбливавшего педантичного и капризного Каменского, вынужден был покинуть армию. Тем более, что и сама императрица не очень-то его жаловала «по причине негодности».

Уже после 1-й русско-турецкой войны о Михаиле Федотовиче Каменском сложилось однозначное мнение, что он отменный тактик и отважный командир. Командовать небольшими и вполне самостоятельными отрядами он способен. Правда, как стратег и полководец весьма слаб и масштабные задачи (руководство отдельным корпусом и, тем более, целой армией) ему не по плечу.

Вместе с тем, через какое-то время Г. Потёмкин по ряду причин, все же, возвращает его в армию: явно назревала новая кровавая «замятня» с турками.

В начале новой русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Каменский получил в командование 2-й корпус в 2-й армии Румянцева – уже стареющего и не столь активного. Резонно полагая, что при нынешнем раскладе гораздо выгоднее служить под началом более энергичного и решительного Потемкина, он принялся интриговать против своего командующего, высказывая чрезмерную угодливость Потёмкину, и, в конце концов, Каменский был отстранён от должности.

В 1788 г. его назначают командиром 4-й дивизии («Запасным корпусом») все у того же Румянцева. 24 июня он получил приказ совершить совместно с дивизией генерал-аншефа Эльмпта «сильный поиск» против Ибрагима-паши. 2 июля оба военачальника выступили против неприятеля и 4 сентября тот сдал им Хотин. 17 сентября Каменский присоединился к Румянцеву у Цоцоры. В ноябре армия стала располагаться на зимние квартиры, причем, дивизия Каменского – в Кишиневе и Лопушне. Вскоре было обнаружено приближение к Ганкуру (Гангуру) и Сокульцам (близ Бендер) отряда Ибрагима-паши, который предполагал, полу-

чив подкрепление из Бендер, внезапно напасть на зимние квартиры русских. Каменский получил у своего командующего разрешение выбить неприятеля из Ганкура. Оставив всю тяжелую артиллерию в Кишиневе и Чучуленах под прикрытием двух батальонов, он с остальными силами двинулся колоннами по трем дорогам, на расстоянии 12—15 верст одна от другой, неожиданно напал на турок и (19.12.1788) после кровавой схватки выбил неприятеля из Ганкура. За что его вскоре жалуют ор. Св. Владимира 1-й ст.

В начале 1789 г., после назначения Потемкина главнокомандующим обеими армиями, Румянцев поручил во временное командование Украинскую армию, до прибытия генерал-аншефа князя Репнина, Каменскому. Репнин прибыл 7 мая 1789 г. После соединения армий Каменский не получил никакого назначения (*был ли он под Татарбунарами и Килией в 1790 г. – неясно?*) и уехал в отпуск.

Боевая деятельность Михаила Федотовича показывала, что он, безусловно, был хорош как командующий дивизией, возможно, корпусом, но не более того. Вероятно, первым это понял проницательный Румянцев. Могущественный Потемкин и вовсе смотрел на Михаила Федотовича снисходительно. Строптивый, склочно-сварливый характер и мелочные ссоры с вышестоящим начальством привели к тому, что самых высоких командных должностей он не получал, и его извечный конкурент и антагонист А. В. Суворов, в конце концов, обойдет его в чинах и славе.

...**Кстати сказать**, не исключено, что уже тогда стало проявляться вышеупомянутое явное нерасположение к нему императрицы-«матушки, которая (*в силу специфики характера, пребывания на вершине власти, в частности, как она туда «взобралась»*) «все знала-все видела». Так в 1790 г. (во время войны со Швецией) Каменский лично просил у ее разрешения отправиться «на галеры» в Выборг. Государыня, с удивлением поинтересовалась у своего сухопутного генерала: «зачем?», – Каменский возьми да брякни, что-то типа: «из единого любопытства». Такой ответ боевого генерала государыню не устроил и в 1791 г. когда он просил разрешения снова выехать в армию для свидания с сыном-офицером. Государыня ему резонно ответила: «а это от вас зависит»... И вполне возможно, что императрица-«матушка», которая «все видела-**все подмечала**», в очередной задумалась о пригодности Михаила Федотовича...

Тем не менее, в том же году 3 августа он был отправлен в армию Потемкина, но отношения у них явно никак не складывались и никакого конкретного назначения Каменский вновь не получил. О причинах такого «расклада» не в пользу Михаила Федотовича писали по-разному: вплоть до того, что Потемкин вроде бы мог «стараться при первом случае так его употребить, чтоб сам сломал себе голову». (*То ли – было, то ли – небыль?*) Рассказывали, что вроде бы приехав в Яссы, Каменский якобы просил у Потемкина разрешения произвести смотр своему Московскому полку, но главнокомандующий удержал его на один день при себе; в тот же день он отдал приказание о сформировании Екатеринославского полка, в состав которого вошел, между прочим, весь Московский полк. Каменский ничего об этом не знал и только, приехав в лагерь под Рябой Могилой (*где стоял Московский полк*), узнал, что его полк уже не существует. В общем, опять-таки – то ли было, то ли небыль!?

Дальнейшие весьма неоднозначные события некоторые очевидцы, а потом и историки, склонны трактовать следующим образом.

Сильно хворавший главнокомандующий Потемкин, чувствовал свое нездоровье (*либо по какой-либо иной причине?*) 18 сентября 1791 г. (*еще до прибытия Каменского в армию*) послал довольно неясный ордер (приказ) на имя генерал-аншефа (с 1784 г.) графа Михаила Васильевича Каховского (Коховского) (1734—1800), в котором было сказано: «Вашему превосходительству предписываю: по получении сего отправиться ко мне для принятия здесь команды»...

5 октября Потемкин скончался. Войска остались без главнокомандующего и начавшиеся переговоры с Турцией о мире приостановились.

Упомянутый ордер был известен только Каховскому и правителю канцелярии Потемкина генерал-майору В. С. Попову. Каменский, как старший генерал в армии, считал возможным принять на себя звание главнокомандующего: *«потому что никакого приказа покойным фельдмаршалом в полки и команды и генералам дано не было, чтоб Каховскому командовать всею армией, обойдя меня.»* 7 октября он известил Каховского и всех начальников, о вступлении в командование армией и предоставил тому начальство над прежде вверенными ему частями. Затем Каменский потребовал от всех начальствующих лиц полных сведений о состоянии войск, довольствии, о денежных суммах и, особенно о некоей экстраординарной сумме, состоявшей при главном дежурстве, т.е. *в ведении вышеупомянутого генерала Попова.*

Требованием отчета о суммах (в частности, о провианте на сумму в 180 тыс. рублей, **которого не оказалось!**) Каменский затронул самое больное место Попова, которому угрожала по-видимому «большая беда» в случае, если бы Каменский остался главнокомандующим. Попов позволил себе не исполнять приказаний Каменского и дерзко ему отвечать, явно надеясь на благоволение Екатерины II, которой не было известно истинное положение финансовых дел в армии, искусно скрываемое все тем же Поповым.

Беря командование на себя (**«Власть, как известно, не дают, а берут!»**), Каменский основывался на том, что, *во-первых*, по армии не было объявлено, чтобы Каховскому подчинялись, *во-вторых*, что ордер был написан до приезда Каменского (*более старшего генерал-аншефа!*) в армию и, *в третьих*, что в ордере написано, чтобы Каховский приехал *«в Яссы для командования»* без пояснения чем: **всею армиею или какою-либо частью.** Следовательно, командовать армиею должен он, Каменский, как старший по армии. Каховский же заявил ему о том, что на основании потемкинского ордера от 18 сентября он предпишет всем частям армии (*и предписал*) не исполнять его приказаний.

Поскольку армии требовалось единоначалие (*полки волновались, турки изумлялись, а иностранные наблюдатели при ней недоумевали*), то со слов Каменского, он собрался на своего рода «промежуточную меру». Не дожидаясь приказа со стороны императрицы, которой он отправил донесение о сложившейся «непонятке/тёрке» между ним и Каховским, Михаил Федотович готовился решить спорный вопрос на военном совете большинством голосов всех генералов, для чего разослал приглашения. Собравшиеся шесть генералов выразили склонность повиноваться Каховскому и тогда Каменский *«отступился до получения рескрипта государыни»*, уведомив Каховского о своей болезни.

В то же время Екатерина II, основываясь на донесениях близкого к ней Попова, сочла, что *«Сумасшедший Каменский шалит...»*. (Она вообще любила это выражение и **в ее устах оно не сулило ничего хорошего тому, кому оно предназначалось!!!**) В своем рескрипте Каховскому она была весьма конкретна: *«Известились мы с неудовольствием о странных поступках генерала Каменского, который по кончине главнокомандующего... собрал генералитет для суждения о деле, в коем воля покойного фельдмаршала, изображенная в данном вам ордере, долженствовала служить законом, пока указом нашим решить благоволим»*. Самому Попову она высочайше отписала-уточнила, что затеянное Каменским *«собрание генералов ради суждения, кому командовать, доказывает безрассудность собирателя и после сего поступка уже к нему доверенность иметь едва-ли возможно»*. Отстранив Каменского от командования армией, императрица приказала прекратить все дела о растрате казенных денег в штабе Потемкина.

Таким образом, знавший толк в «дворцовых маневрах» Попов «вышел из воды сухим» (или, «как с гуся вода»), а непредсказуемый «правдолюб/руб» Каменский оказался... «крайним» (*или в... дерьме*).

Так или иначе, но вся эта история весьма мутная: в ней слишком много (как тогда говорили) «дворского», в частности, с «распилом» (?) казенных денег, отпущенных на сражавшуюся армию, что присуще армейско-интендантской верхушке во все времена!

Как бы суммируя все вышеизложенное, скажем, что претендовавший на пост главнокомандующего, Каменский, законно ссылаясь на старшинство, не захотел повиноваться М. В. Каховскому (по правде, говоря не столь видному в армейской среде той поры генералу). А после вскоре последовавшей (5.10.1791) смерти светлейшего князя Таврического, Михаил Федотович, находившийся при его армии, как старший генерал-аншеф объявил себя командующим и отказался передать командование «назначенному» Потемкиным ген. М. В. Каховскому, который предъявил свои права на основании *не очень-то конкретного* ордера («записки?») Потемкина. Армия получила двух командующих, отдававших противоречивые приказания. Все это произошло без разрешения крайне властной самодержицы Екатерины II, недовольной таким «репримандом неожиданным» в армии на взрывоопасном турецком фронте.

Пришлось, «не по чину взявшему на себя ответственность», Каменскому испытать весь гнев императрицы-«матушки» «все видевшей – все знавшей—**ничего не забывавшей**». Она, пришедшая во власть с помощью гвардейских офицеров и «случайной» (?) смерти своего супруга-законного монарха, всю жизнь держала армейских генералов (**крутых и скорых на дворцовые перевороты мужиков!?**) под неусыпным контролем. Дальновидно-опасливая (по причине незаконного пребывания на престоле) Екатерина II и раньше-то не очень-то привлекала вспыльчивого и несносного (*нудно цеплявшегося ко всякой безделице*) М. Ф. Каменского и, держа его в армии, предпочитала, все же, не давать ему особо важных назначений. А после затеянной им жуткой свары (*не дождавшись ее царского рескрипта, грубо нарушил субординацию: после неожиданной смерти Григория Потемкина, как старший генерал, самовольно взял на себя командование армией*) с назначенным, правда, всего лишь по не совсем внятному ордеру-«записке» главнокомандующим генералом М. В. Каховским – человеком не столь даровитым, но более пригодным в ее монаршем понимании к руководству армией, страшно раздраженная, начавшая стареть (*«возрастные женские проблемы»...*, *комментировать которые излишне*), «матушка-императрица», пришла к выводу, что «сумасшедшей Мишка Каменский **больно много шалит**» (*«шалунов в лампадах» в армейской среде все авторитарные правители не любят: неизвестно против кого им взбредет в голову повернуть подвластные им штыки и пушки!?*) и распорядилась «от греха подальше»... уволить его из армии в 1791 г.

Так отчаянно смелого в бою, но раздражительного, вспыльчивого, желчного, и непомерно самолюбивого 53-летнего Михаила Федотовича Каменского «убрали» из армии. Ему оставалось лишь беситься, открыто негодовать, срывая злость и обиду на всех подряд. Рассказывали, что он вроде бы лютовал (*причем, всегда*) как со своими дворовыми, так и с солдатами, что впрочем, не всеми исследователями принимается на веру.

Так закончилась вторая (*первая случилась у него с Суворовым под Козлуджей*) большая «ухабина» в военной биографии Михаила Федотовича Каменского – крепко знавшего свое кровавое ремесло. До третьей и последней «закавыки» (*это, еще мягко говоря*) оставалось еще целых 15 лет!

Став императором, Павел I начал приближать к себе опальных противников Потемкина. Вот и к Михаилу Федотовичу, давно разделявшему его политические и военные симпатии, он проявил благосклонность. 24 ноября 1796 г. Каменского назначают начальником Финляндской дивизии и шефом Рязанского мушкетерского полка с производством в генералы от инфантерии (*или, все же, с переименованием из генерал-аншефов в генералы-от-инфантерии?*). А затем царь буквально осыпал его наградами: 4 марта 1797 г. – ор. Св. Андрея Первозванного, а 5 апреля (*в день своего коронавания!*) – возводит его с нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство и повышает до *генерал-фельдмаршала*!

...**Кстати сказать**, высокое звание генерал-фельдмаршала присуждалось, как правило, за выдающиеся победы на полях сражений, за особые отличия в военной и государственной службе. Правда, среди отечественных фельдмаршалов случалось и такое, что, несмотря

на имевшиеся безусловные заслуги перед Отечеством, они все же не поднимались до высот истинного полководца, и этот самый высокий воинский чин явно превосходил степень их одаренности. Так было и с генерал-фельдмаршалом Михаилом Федотовичем Каменским, несомненно, глубоко преданным военному делу, очень образованным военным специалистом, чему способствовали его учеба в Сухопутном кадетском корпусе и изучение боевого опыта (стажировки) французской и прусской армий, храбрым и отважным на поле боя. Но, как это принято писать, механическое усвоение западного опыта, повышенное самомнение и черствое отношение к подчиненным не позволили ему в полной мере раскрыться как полководцу. Его соперник в непримиримой борьбе за славу первого полководца российской империи времен Екатерины II известный ёра А. В. Суворов, никого на пушечный выстрел не подпуская, на *Военный Олимп*, саркастически высказывался в том плане, что (*повторимся!*) Каменский, дескать, знает тактику, не выходя за ее пределы. По сути дела Михаил Федотович, все же, был лишь превосходным исполнителем, а не самостоятельным командиром высокого ранга, т.е. *не генерал-фельдмаршалом...*

Но вскоре своенравный Павел (государь с «повадками бенгальского тигра») совершенно охладил к нему, и 24 декабря Михаил Федотович вторично уволен в отставку «за слабостью здоровья». Он вновь удалился в свое имение, Сабурово, где занимался хозяйством, литературой, математикой, периодически лютуя среди своих крепостных, коих у него было ок. 6 тыс. душ.

Александр I вернул Каменского из опалы и 27 августа 1802 г. назначил его вместо отставленного Кутузова Санкт-Петербургским военным губернатором и председателем комиссии для допроса Шубина, офицера, замешанного в деле о заговоре против жизни императора. Очень быстро выяснилось, что Каменский настолько не соответствует своему посту, что, наконец сам государь спросил однажды у графа Е. Ф. Комаровского (помощника Каменского): *«Не хочет ли граф Каменский проситься прочь? Если-б сие случилось, я поставил бы свечу Казанской Божией Матери»* И уже 16 ноября царь предпочел уволить его с формулировкой «за дерзкие проявления своего дерзкого, жестокого и необузданного характера» (*оскорбил одного купца пожаловавшегося императору и нахамил разбиравшему это дело по приказу самого царя министру юстиции Державину*), а по сути дела, из-за отсутствия деловитости и такта.

Помимо богатых имений М. Ф. Каменский владел домом в Москве, где обитал время от времени, давая волю своим прихотям. Около фельдмаршала, по словам современников, образовалось нечто вроде двора; *«масса всякой дворни наполняла дом, где он властвовал сурово и деспотически; здесь смешивалась азиатская роскошь с утонченностями европейской жизни, представление французских пьес с песнями санных девушек»*.

Современник и непримиримый соперник по боевой славе Михаила Федотовича Александр Васильевич Суворов, отличался, как известно, некоторыми странностями (*не будем уточнять какими именно*) и имел подражателей. К ним, порой, относят и фельдмаршала, графа Михаила Федотовича Каменского, тоже любившего почудить.

У себя в деревне Каменский жил в своих комнатах совершенно один. Лишь камердинер имел право заходить в его кабинет. У дверей его комнаты были привязаны на цепи две огромные собаки, знавшие только графа и камердинера. Фельдмаршал всегда носил куртку на заячьем меху, покрытую голубой тафтой, с завязками; желтые мундирные штаны из сукна; ботфорты, а иногда кожаный картуз. Волосы связывал верёвочкой сзади в виде пучка, ездил в длинных дрожках цугом, с двумя форейторами. Лакей сидел на козлах: он имел приказание не оборачиваться назад, а смотреть только на дорогу.

Чудачества Каменского этим не ограничивались. Рассказывали, что подобно Суворову, он пел на клиросе, ел за столом только простую грубую пищу и очень оскорблялся малейшим невниманием к его заслугам. Так, *повторимся*, что когда перед 2-й турецкой войной Екатерина II пожаловала ему целых 5 тыс. золотом (*очень серьезные по тем времена деньги*), он

захотел показать, что подарок слишком ничтожен, и нарочно истратил эти деньги на завтраки в Летнем саду, на которые приглашал всех, кто ему попадался на глаза. То ли – быть, то ли, все же, небывль?

И последнее, на тему «оригинальности» Михаила Федотовича Каменского: кое-кто полагает, что этот «старый служака и педант» (*не будем давать ему более развернутых характеристик*) запечатлен Львом Николаевичем Толстым в «Войне и мире» под именем князя Болконского-старшего...

В ноябре 1806 г. с Михаилом Федотовичем Каменским случилась третья очень большая (*последняя*) «ухаба» в его военной биографии: царским рескриптом старого уже (подслеповатого и глуховатого) фельдмаршала срочно вызывают из поместья в Северную столицу.

Сын убиенного императора Павла I, Александр I, решил потягаться с Наполеоном. Первую партию – в декабре 1805 г. – он закончил «матом» на поле Аустерлица. Но на этом молодой и задорный, невероятно скрытный и столь же амбициозный российский император не успокоился и в самом конце 1806 г. снова пошел войной на «корсиканского выскочку», вступившего после разгрома Пруссии в Польшу – зону больших интересов, обожавшей своего старшего внука, покойной императрицы Екатерины II.

На тот момент на польском фронте находилось две почти равноценные русские армии (*или, все же, корпуса?* единого мнения на этот счет нет).

Ближе к Наполеону располагалась армия (корпус?) генерала от кавалерии (11.6.1802) Леонтия Леонтьевича Беннигсена/*Левина-Августа-Готлиба-Теофила фон Беннигсена* (10.2.1745, Брауншвейг, либо им. Бантельн под Ганновером – 2/3.10.1826, Бантельн, Королевство Ганновер) (почти 50 тыс. пехоты, 11 тыс. регулярной кавалерии, 4 тыс. казаков и 276 пушек; *впрочем, есть и иные данные по численности*).

Тогда как, составленная из солдат предыдущей военной кампании 1805 г. с французами – проигранной под Аустерлицем, армия (корпус?) генерала от инфантерии (1803), немца из Прибалтики, ставшего в России графом, Федора Федоровича Буксгевдена / *Фридриха Вильгельма фон Буксхёвдена* [2.9.1750, имение Магнусдаль, Лифляндия (ныне остров Муху, д. Вылла, Эстония) – 23.8.1811, замок Лоде (ныне Колувере, волость Кулламаа, уезд Ляэнемаа, Эстония)] (ок. 40 тыс. пехоты, 7 тыс. регулярной и иррегулярной кавалерии вместе с 216 орудиями; *есть и другие сведения о численности*) уже была на подходе.

Так же, на марше находился корпус (армия?) одного из трех Эссенов – генералов российской армии кон. XVIII – нач. XIX вв., генерал-лейтенанта (8.9.1799) Ивана Николаевича (*Магнуса Густава*) Эссена 1-ого [19.9.1759 им. Педдес Эстляндской губ. (или Калви, волость Азери, Восточная Эстония) – 8.7./23 августа 1813, Бальдон Курляндской губ. (Латвия)] – 22 —37 тыс. чел. (*данные сильно разнятся*) при 132 пушках.

Кроме того, русские войска должен был поддерживать последний еще боеспособный корпус разгромленной Пруссии – войска прусского генерал-лейтенанта (1805 г.) Антона Вильгельма фон Лестока (16.8.1738, Целле, Пруссия – 5.1.1815, Берлин) – что-то ок. 14 тыс. при 92 ор.

А вот изрядно потрепанное под Аустерлицем элитное подразделение русской армии – ее гвардия под началом великого князя Константина Павловича – все еще стояла на зимних квартирах в Санкт-Петербурге. Хотя и она уже готовилась к походу на «окаянного негодника Буонапартию», как его «величали» придворные жеманные дамочки из светских салонов Москвы и Санкт-Петербурга, все еще смахивавшие надушенными платочками слезы горести по героической смерти красавцев-кавалергардов под Аустерлицем.

...*Кстати*, судя по известным пытливым читателям фактам, их легендарная атака происходила не совсем так, как это столь высокохудожественно «живописал» светоч российской литературы Л. Н. Толстой в шедевральной «Войне и Мире». **Кроме того, потери не были столь катастрофичны!** К слову сказать, конные гренадеры, егеря и мамелюки император-

ской гвардии маршала Бессьера **вовсе не вырубили** тогда численно уступавших им бесстрашных кавалергардов, как это, порой, лихо подается в отечественной исторической литературе: «лишь 18 из 800 кавалергардов вышли из этой неравной схватки!» На самом деле, это *лишь в 4-м эскадроне и сражавшемся вместе с ним 2-ом взводе 1-го эскадрона вышло живыми из той ужасной свалки... 18 человек!* Тогда как в первых трех эскадронах ранения получили лишь 19 рядовых, а вот убитых в них, вероятно, было порядка 5—7 человек. Всего в пяти эскадронах было потеряно убитыми и ранеными: по одним данным – 216 чел., по другим – 239. Более того, **толстовское «прочтение» (интерпретация) наполеоновских войн – это совершенно особая «песня» – и верить в нее, как в последнюю инстанцию, вряд ли имеет смысл.** Впрочем, это – совсем другая история...

Общая численность войск, готовых к войне, на самом деле была значительно ниже формулярных (списочных – порядка 122 тыс.) – **ок. 100 тыс.**

Неясна была ситуация и с главнокомандующим!

Неистового Суворова уже давно не было в живых. «Старую северную лисицу» Кутузова, разочарованный аустерлицким фиаско, Александр I игнорировал, к тому же, по ряду веских причин царь его никогда не любил. Буксгевден, несмотря на то, что у него было меньше войск, не подчинялся Беннигсену, поскольку был старше того в генеральском чине (*раньше вышел в генералы*): в армейской иерархии, если не было на то соответствующего указа, это играло большую роль! Да и Эссен 1-й был как бы сам по себе.

В конце концов, государь остановил свой монарший взор на человеке, безусловно, умным и образованным, но сколь отчаянно храбрым в бою, столь и жестоком – яром приверженце военных приемов прусского короля-полководца Фридриха II Великого, полководческих догм, ушедшего XVIII в. – престарелом (*в ту пору люди рано старели, а военные – тем более!*) М. Ф. Каменском, срочно вызвав того из его орловского имения.

Можно смело сказать, что во главе русской армии против непобедимого Наполеона 68-летний Михаил Федотович оказался волею случая, а точнее, по подсказке Александру сподвижника его отца Павла I, весьма влиятельного в армейских делах Алексея Андреевича Аракчеева (23.9.или 4.10.1769, сельцо Гарусово, Тверской пров. Новгородской губ. – 21.4 или 3.5.1834, село Грузино Тихвинского у. Новгородской губ.). Последний считал Каменского «большим знатоком военного дела», поскольку в русско-турецких войнах екатерининской эпохи он не только был на виду, но и одержал несколько побед. В ситуации, когда ни Буксгевден, ни Беннигсен в армейской касте популярностью не пользовались, Михаил Федотович – «осколок славы прошлого» – оказался «на коне».

Одного из последних «екатерининских орлов» из второй боевой шеренги – Суворов, Репнин, Прозоровский, И. П. Салтыков, Кутузов и др. (*в первую шеренгу входили такие масштабы фигуры, как братья Орловы и Панины, Потемкин и Безбородко*) – решили отправить в поход против лучшего полководца Европы той поры по принципу «старый боевой конь при звуке горна, зовущего к бою, вспомнит былое и не посрамит Отечества!» В свое время среди всех «екатерининских орлов» он занимал далеко не последнее место, даже, отчасти, считался конкурентом по славе с самим А. В. Суворовым.

Судя потому, что российский император отзывался о нем весьма саркастически («опасный безумец особого рода»), он понимал, что 68-летний Каменский – это уже прошлый век со всеми его линейными построениями – но другой «знаковой фигуры» у него тогда под рукой просто не было, практически выбирать из высшего генералитета было некого. Не потому ли, будучи человеком крайне лукавым, Александр писал о нем: «Во всех отношениях он способен к должности, которую я на него возложил: с обширными военными познаниями он соединяет большую опытность, пользуется доверием войска, народа и моим».

8 ноября 1806 г. в горнило войны бросили еще одного легендарного «оловянного солдата» из «бабушкиного сундука», как «полководца опытного, состарившегося на бранях»!

Правда, последний раз войсками на полях сражений он командовал в 1791 г. и генерал—фельд-маршальский чин вместе с графским титулом получил из рук Павла I не за ратные заслуги, а за то, что подвергся опале в последние годы при Екатерине II. Более того, последние десять лет он провел в отставке, поэтому значительно «отстал от службы».

Непревзойденно умевший «вырезать из любого свинства хороший кусок ветчины» (*выбирать максимально выгодный на данный момент вариант*), российский император, как всегда, принял «соломоново решение». Он сделал вид, что под давлением общественного мнения одурманенного патриотическими слухами о серьезных полководческих заслугах Каменского в обеих турецких войнах назначает его главнокомандующим (по словам графа Нессельроде): «... *чтобы русское имя было во главе армии*».

Высочайший рескрипт 10 ноября 1806 г. гласил: «... Доверенность моя неограниченная, а потому считаю за лишнее снабжать вас здесь каким-либо предписанием. Распоряжайтесь и действуйте войсками во всех случаях по вашему усмотрению. Я уверен, что все ваши предначертания обратятся к поражению неприятелей, к славе отечества и общему благу». Правда, при этом было указано: «1) при успехе преследовать неприятеля доколе можно, не подвергая себя опасности; 2) не склоняться на предложение о перемирии и мире; 3) иметь несколько пунктов, на которые можно бы было опереться в случае неудачи».

В обществе по разному отнеслись к этому «судьбоносному» назначению предпоследнего престарелого «екатерининского орла» противостоять победоносному «генералу Бонапарту». А ведь тот совсем недавно опрокинул русских под Аустерлицем под номинальным началом другого «бабушкиного орла» Михаила Илларионовича Кутузова, безусловно, знавшего толк в своем смертельно-кровавом ремесле (*в том числе, в «батальных мероприятиях», Бабадаг, Мачин и др.*, правда, не столь громких), но противостоять «Буонапарту» в пору расцвета его полководческого гения в открытом поле было очень сложно, что констатировали крепкие профессионалы всех европейских армий той поры. За спиной у Кутузова тогда – в конце 1805 г. – «зримо-незримо» стояла фигура «непрозрачного» в своих «телодвижениях» молодого и крайне амбициозного императора Александра I.

Кто-то (*начиная с вдовствующей императрицы Марии Федоровны – дамы весьма влиятельной на своего венценосного лукавого сына, а за ней и какая-то часть придворной камарильи*) надеялся на то, что под предводительством «природного вождя» (Беннигсен с Буксгевде-ном считались *немцами*) русские войска одержат победы и снова покроются славой и даже дал ему прозвище «Спаситель России», а кое-кто, наоборот, намекал на его дряхлость и «ржавость».

Больной и строптивый старик сам чувствовал свою неспособность «воевать по-новому», попытался было поупираться, аргументированно ссылаясь на немощь, слепоту, невозможность ездить верхом и прочие «уважительные причины», но бабушкин внук все еще рассчитывал на ее некогда хватких «орлов»! Сразу «отбояриться» от столь престижного, но и ответственного назначения не удалось. Каменский выехал из Петербурга 10 ноября, передвигался очень медленно, провел два дня в Риге, столько же – в Вильно, еще более – в Гродно и лишь 7 декабря «в три часа по полуночи» добрался до штаба армии, расположенного в Пултуске.

Солдатский авторитет у него, несомненно, был. Когда он на простой телеге прибыл к войскам, то они приняли его с восторгом. Репутация человека твердого и жесткого, казавшаяся тогда многим свидетельством строгости и силы характера, заставляла смотреть на него, как на единственного человека, способного противостоять Наполеону. Более того, обеспечить так необходимую сплоченность армии, состоявшей из генералов-«немцев», завидующих друг другу, из юных офицеров и почти необстрелянных солдат. В который уже раз повторимся, что человек он действительно был храбрый (*это качество передалось и его сыновьями, в особенности, младшему*) и перед пулями никогда не кланялся, а в солдатский среде это ценится особо, хотя и *Отцом Солдат* тоже никогда не был!

Еще на пути в войска Михаил Федотович принялся «бомбардировать» государя рапортами о плохом состоянии своего здоровья: *«Я лишился почти последнего зрения. Не способен я долго верхом ездить...»* Только теперь старый вояка (**почти полвека отдавший армии!**) стал все лучше и лучше осознавать сколь непосильную задачу на него взвалили – роль *Спасителя Отечества!* Вот и начал надоедать царю, что *«... Истинно чувствую себя неспособным к командованию столь обширным войском»*.

В армии на него сразу обрушился поток рутинных забот, связанных с повседневным управлением, от чего он совершенно отвык и не мог справиться. Да и его методы управления оказались достаточно своеобразны – через головы прямых начальников посылал приказы их подчиненным. Никакого плана военных действий у «спасителя отечества» (*а заодно и Пруссии*) не было. Указания о передвижениях корпусов окажутся настолько противоречивыми, что поставят в тупик подчиненных ему генералов и даже противника, ожидавшего какого-нибудь мудреного маневра или подвоха. В зависимости от настроения и самочувствия вождя русской армии боевой пыл сменялся унынием и наоборот.

Более того, очень быстро выяснилось, что Михаил Федотович попросту отстал от своего времени: за 15 лет, что старик Каменский не воевал, военное искусство стремительно ушло – оно стало динамичнее, масштабнее и оперативнее. Никому не доверяя, он стал лично обследовать театр военных действий, часами не слезал с седла и, в конце концов, набил себе ссадину на ягодицах, что существенно затруднило его передвижение.

Его войска оказались сильно рассредоточены на большом пространстве – на территории от Варшавы до Кенигсберга и Торна. Если с запада ее ограничивала полноводная Висла, то с востока – не столь широкий, но глубокий Нарев. Весь этот район был перерезан массой маленьких рек и речушек, покрыт густыми лесами, озерами и озерцами с болотцами. Такой ландшафт сильно затруднял активную наступательную войну, столь привычную для французского императора.

Для французов ужасная грязь и плохо проходимые дороги воцарившиеся в Польше в ненастную погоду, а также нехватка еды оказались совершенно непредвиденными проблемами, к которым их интендантская служба оказалась абсолютно не готова. Все мемуары участников Польской кампании 1806—07 гг. наполеоновской армии переполнены жалобами на ненастье, польскую грязь и отвратительные дороги. Недостаток продовольствия в бедной Польше явственно обозначился даже в Варшаве. Французы привыкли в Европе действовать по принципу, что война должна кормить армию. На польских землях этот принцип не работал, *во—первых*, в силу бедности страны, *во—вторых*, они не могли себя вести, как в завоеванной стране, поскольку пытались сделать поляков своими политическими союзниками. Вчерашние победители Пруссии вынуждены были резко замедлить свой триумфальный марш. Наполеоновские корпуса в конце 1806 г. потеряли скорость, то, чем всегда славились. Природные условия вступавшей в зимнюю пору Польши, с которыми впервые столкнулись французы, привели к медленному передвижению частей и лишили их кавалерию возможности оперативно получать сведения о противнике.

Тем не менее, пока престарелый «Спаситель Отечества», в прошлом крепкий тактик, но никак не стратег от Бога, вникал в стратегическую обстановку, Бонапарт привел в движение свои корпуса, готовясь, напасть на отдельно стоящие отряды русских,. В связи с этим, еще до приезда Каменского в армию, Беннигсен, вынужден был отойти 24 ноября к Пултуску, оставив авангарды на линии р. Вкра. Еще за два дня до этого корпус Буксгевдена сосредоточился у Остроленки. Лесток тем временем отошел к Страсбургу.

7 декабря Наполеон прибыл в Варшаву и немедленно приказал своим войскам начать наступление. 10-го числа Каменский отверг предложенное Беннигсеном сосредоточение сил и принял новый план, приведший к весьма нецелесообразной разброске войск.

Он приказал всем силам Беннигсена двинуться к р. Вкре, а Буксгевдену – разделить свой корпус пополам и направить: дивизии генерал-лейтенанта Николая Алексеевича Тучкова 1-го (16.04.1761/65 – 30.10.1812, Ярославль) и генерала-лейтенанта Дмитрия Сергеевича Дохтурова (Докторова) (1.9.1756/1759, село Крутое Каширского уезда Тульской губернии – 14.11.1816, Москва) – правее Беннигсена, а дивизии генерал-лейтенанта Романа Карловича (Генриха Рейнгольда) Анрепа (2.9.1760 Керстенгоф, Феллинский уезд, Лифляндская губерния, Российская империя —13 [25].1.1807 близ Морунгена, Восточная Пруссия) и генерал-лейтенанта Петра Кирилловича Эссена 3-го (11.8.1772 – 23.9.1844, Санкт-Петербург) **(не путать с Эссеном 1-м!)** – левым берегом Нарева, на Буг – для обеспечения левого фланга нашей армии и охранения пространства между Наревом и Бугом.

С ними было приказано сблизиться корпусу Эссена 1-го, который, впрочем, тут же получил предписание опять вернуться в Брест. Затем главнокомандующий послал ему же целый ряд противоречивших одно другому приказаний, вследствие чего Эссен 1-й бездействовал под Брестом в течение целого месяца.

Все эти непонятные для войск маневры и передвижения, начавшиеся 10 декабря, привели к первым авангардным боям.

11 декабря у Колозомбы и Сохочина (Сохачева) на реке Вкре на генерал-майора Михаила Богдановича (*Михаэля Андреаса*) Барклая-де-Толли [13/16.12. 1757/61 (?), мыза Памушис (?), Лифляндия – 14.5.1818, Инстербург, Вост. Пруссия] навалились войска из корпуса маршала Ожеро. В тот же день под Чарново (на месте слияния рек Буг и Вкра) на генерал-лейтенанта Александра Ивановича Остермана-Толстого (19.1.1770/71/72 (?), Петербург – 30.1./6.2.1857, Женева) обрушился сам «железный» маршал Даву.

Эти авангарды, выдвинутые Каменским вперед, были удалены от главных сил на расстояние от 25 до 40 верст и приняли встречный бой с имевшими численное преимущество частями Наполеона в одиночку.

Только после очень упорных многочасовых оборонительных боев русские авангарды, под напором превосходящих сил неприятеля, стали грамотно отступать: Барклай от Сохочина и Колозомба, а Остерман – от Чарнова к Насельску. Переправившись через р. Вкру, враг, получил возможность свободы маневра. Остерман, понимая важность переправы у Пултуска, просил неподчиненного ему Карла Федоровича (*Карла Густава*) Багговута (16.9.1761, им. Пергель, Эстлянд. губ. – 6.10.1812, с. Тарутино Калуж. губ.) спешить к Пултуску и удерживать этот пункт во что бы то ни стало. Таким образом, только благодаря необыкновенной стойкости русских и очень во время проявленной инициативе Остермана, у русской армии 11 декабря осталась возможность сосредоточиться в единый боевой кулак, несмотря на все хаотичные распоряжения своего главнокомандующего Каменского.

Однако 12 декабря Михаил Федотович приказал Беннигсену и Остерману двигаться к Стрегочину, Буксгевдену – остановить дивизию Дохтурова у Голымина и Н. А. Тучкова 1-го – у Макова, а дивизиям Анрепа и Эссена 3-го – оставаться там, где они были. Непогода (оттепель, нулевая температура, мокрый снег) дала возможность русским авангардам (*превратившимся в арьергарды*) оторваться от противника.

А вечером 13 декабря вообще разыгралась буря.

Более того, в поисках лучших путей отхода, отдельные разбросанные отряды и соединения (части) русской армии из-за противоречивых приказов ее главнокома своими «непоследовательными» маневрами (*скорее блужданиями?*) так запутали ситуацию, что посбивали с толку французские штабы. Даже сам Наполеон, бывший в ту пору еще в расцвете своего полководческого дарования, тоже не смог разобраться в обстановке. Он стал думать, что его перехитрила эта очередная «старая северная лиса» (так он в 1805 г. прозвал Кутузова за его искусное ретирадное маневрирование, предшествовавшее Аустерлицу, а теперь по аналогии и старика Каменского).

На самом деле в условиях полного бездорожья, отсутствия карт, под дождем со снегом, русские полки попросту плутали.

Узнав о приближении французов (корпуса Ланна) к Пултуску, Каменский приказал ночью 12 декабря спешить туда же Беннигсену. Там была крепкая позиция и старый фельдмаршал, лично вникая во все тонкости диспозиции, вроде бы готовился показать «негоднику Буонапартии», что «есть еще порох в пороховницах». К счастью для русских, Наполеон, продолжая получать донесения о хаотичных движениях русской армии, удивляясь действиям Каменского, даже пошутил, что этот «хитроумный» военачальник является для него самым опасным, ибо планы всех здравомыслящих людей можно предвидеть, а планы старого русского фельдмаршала предугадать невозможно.

Предположив, что русские сосредоточиваются у Голымина, Наполеон начал перемену фронта в северном направлении, для чего 12 декабря двинул корпуса: Сульта на Цеханов, Ожеро – на Новомясто, Даву, гвардию и резервную кавалерию – на Насельск и Стрегочин. В лютую непогоду 13 декабря Наполеон, стремясь получше разобраться во всем, что такого «намутил» очередной «старый лис севера», остановился с гвардией и частью резервной кавалерии в Насельске, потерял столь драгоценное на войне время («Война – это расчет часов!» – наставлял он своих маршалов и генералов) и облегчил тем самым ситуацию для русских.

Пока озадаченный Наполеон выяснял истинную обстановку, большая часть корпуса Беннигсена успела подойти к Пултуску. Каменский, решив было именно здесь дать решающее сражение супостату, приказал занять позицию, о чем сообщил Буксгевдену: *«Завтра надеемся иметь неприятеля в гостях. Хорошо если бы дивизии ваши могли подоспеть к делу; Дохтурову я приказал, чтоб он показался тогда лишь, когда настоящее дело зачнется»*. Получилось, что дивизионному генералу Дохтурову был отдан приказ без ведома его корпусного командира Буксгевдена. Более того, «настоящее дело» вряд ли должно служить сигналом, для того, чтобы лишь «показаться». Эссену 3-му Каменский предписывал отступить от Буга и занять леса пониже или прямо против Пултусских мостов, чтобы неприятель, появившийся у Пултуска, не навел скрытно моста и не зашел нам в тыл. В ожидании столкновения с неприятелем, Каменский послал начальникам дивизий повеления на случай, если бы кто-либо из них был атакован.

Согласно его распоряжениям все дивизии должны были строиться к бою по старинке (в линии), как это было принято в середине – 2-й пол. XVIII в., когда активно воевал сам Михаил Федотович. В случае неудачи ретироваться предписывалось кратчайшими трактами к нашей границе, причем, максимально стремительно, желательно на подводах и только *«вошел в границу после такового несчастья явиться к старшему»*.

А затем начался то ли «театр одного актера», то ли «театр абсурда», то ли...!?

В 3 часа ночи (с 13 на 14 декабря, т.е. **накануне сражения при Пултуске**), через семь дней (!) нахождения во главе армии (!) старика Каменского, случилось нечто непредвиденное.

Главкомандующий срочно призвал к себе Беннигсена и вручил ему следующее письменное повеление: *«Я ранен, верхом ездить не могу, следственно и командовать армией. Вы корпус ваш привели разбитый в Пултуск; думать должно о ретирade в наши границы, что и выполнить сегодня. Обе дивизии графа Буксгевдена ретирadu вашу прикроют. Вы имеете состоять, с получения сего, в команде графа Буксгевдена»*.

...***Между прочим***, оставляя вместо себя командующим не Беннигсена, а старшего после себя (по старшинству в генералитете), печально памятного по своему участию в Аустерлицком сражении, стоявшего в отдалении от Пултуска со своими войсками (армией?), хоть и лично храброго по отзывам современников, но не блиставшего военными талантами генерала Буксгевдена, Михаил Федотович внес еще большую неразбериху в войска. Всем известно, что о боевом содружестве между этими генералами-«немцами» не могло быть и речи: неумная личная зависть – вот что присутствовало между ними...

Напрасно Беннигсен, Остерман-Толстой и генерал-лейтенант, граф Петр Александрович Толстой [до 1770 (12.3.1761?, 1767 или 1768 гг.? либо 1769 или, все же, 1770 гг.) – 28 сентября 1844, Москва] – **царский генерал-адъютант и «координатор» между враждовавшими Буксгевденом и Беннигсеном** (позднее – уже в 1807 г. – дежурный генерал при последнем) всячески убеждали взвинченного старика главнокомандующего отложить принятое решение, указывали ему на нарушение долга, на суд потомства и «все остальное». Все было напрасно, старый и больной строптивец не только самовольно сложил с себя обязанности командующего, но и разрешил, при необходимости, бросать при отступлении обозы и пушки (и это при том, что потеря орудий каралась в армии очень сурово, **в частности, ответственные за это на долгое время лишались права быть внесены в наградные списки!**) Более того, сославшись на недомогание и дряхлость, он уехал перед самым сражением в госпиталь, в Остроленку, откуда еще немного почудил, рассылая в войска во все стороны взаимоисключающие приказы.

Уже оттуда он доложил царю о своем очень оригинальном решении, сославшись на ряд причин: *«От всех моих поездок получил садну от седла, которая сверх прежних перевязок моих, совсем мне мешает ездить верхом и командовать такой обширной армией, а потому я командование оной сложил на старшего по мне генерала, графа Буксгевдена, советовав ретироваться ближе во внутренность Пруссии, потому что оставалось хлеба только на один день, а у иных полков ничего; я и сам пока вылечусь остаюсь в госпитали в Остроленке. Если армия простоят в нынешнем биваке еще пятнадцать дней, то весной ни одного здорового не останется. Перед Государем открываюсь, что по нынешнему короткому пребыванию при армии, нашел себя несхожим на себя: нет той резолюции, нет того терпения к трудам и ко времени, а более всего нет прежних глаз, а без них полагаться должно на чужие рапорты, не всегда верные. Граф Буксгевден, смело надеюсь, выполнит все, как и я. Увольте старика в деревню, который и так обезславлен остается, что не смог выполнить великого и славного жребия, к которому был избран. Дозволения Вашего ожидать буду здесь, дабы не играть роль писарскую, а не командирскую при войске».*

Император Александр I, узнав об отъезде главнокомандующего прямо перед сражением, посчитал его «сбежавшим» из армии. Ходили даже слухи, что крайне раздраженный государь по началу подумывал предать старого фельдмаршала суду. Но потом, поостыв, из-за уважения к его чину и возрасту (реюме «бабушкиного генерала-„орла“») решил, все же, не делать этого.

Многие сочли тогда (а потом и историки) Михаила Федотовича не только одряхлевшим и потерявшим всякую способность что-либо соображать, но якобы и страдавшим «душевным расстройством», а потому «бежавшим из армии перед лицом грозной опасности».

Скорее всего, он, немало повидавший и повоевавший, причем, в разных армиях, кое-что еще соображал в военном деле. Учитывая крайне безобразное снабжение своей армии продовольствием (по его словам «третья часть армии была распущена для добывания себе пищи и откапывания в огородах картофеля») и, опасаясь за ее неприкрытый левый фланг, Михаил Федотович посчитал отступление наиболее правильным способом действий в такой обстановке. Причем, он хотел отходить лишь до границы, т.е., земли российской империи не попадали бы в руки противника. Своей ретирадой он принудил бы Наполеона растянуть свою операционную линию, еще больше отдалив его от Франции. Как примерно год назад об этом же говорил Александру I перед Аустерлицким конфузом еще один «бабушкин генерал» – М. И. Кутузов. Но Михаила Илларионовича тогда не послушались и на всю Европу «обделались жидким», причем, как в переносном, так и в прямом смысле: у молодого царя (если, конечно, верить рассказам!?) вскоре после битвы был настоящий понос на нервной почве! В то же время, Михаил Федотович смог бы приблизить русские войска к источникам снабжения и усилил бы их подошедшими из России резервными дивизиями.

Мысль, безусловно, была трезвая (*она могла бы значительно улучшить положение русской армии*), но к ее воплощению дряхлый, полуслепой, глуховатый и явно страдавший от открывшегося хронического геморроя (*как он докладывал царю, «садны от седла»*) «старый боевой конь» был уже не годен. Геморроидальное кровотечение действительно открывается от нервных потрясений, особенно в старческом возрасте! И в этом случае не только ездить верхом, но и передвигаться пешком очень сложно!

Не исключено, что столкнувшись с реальной действительностью, Михаил Федотович – человек не только немало повидавший за свою богатую на события жизнь, причем, в очень разных странах Европы, но и отнюдь не глупый – уже на месте окончательно понял всю ответственность столь высокого назначения, к которому он стремился всю свою жизнь. Не потому ли уже дряхлый «бабушкин орел» предпочел очень во время «выйти из игры» – очередной «войнушки» против лучшего полководца Европы, затеянной ее любимым амбициозным внуком?

Это тоже надо уметь!

...**Кстати сказать**, «мало знать, как „войти в разговор“ – важно „ловко из него выйти“!»! То же самое относится и к войне: ввязаться-то в нее всегда можно, а вот как из нее потом выпутаться, если быстро и легко победить никак не получается, не потеряв фасону и... рейтинга у своей «паствы», которая может и «взбрыкнуть» (*«взяться за топоры и вилы»*), **если «груз 200» превысит ее верно подданническое терпение!?**

Позднее старик-фельдмаршал весьма доходчиво и логично оправдался перед своими современниками (*потом и потомками!*) за то, что самолично бросил армию перед лицом грозного императора французов. Рассказывали, что это случилось в беседе с генералом А. П. Ермоловым, побывавшим у него в усадьбе в 1809 г., незадолго до гибели старика: «...Мне к концу моего долгого поприща показалось слишком тесно маневрировать между Вислою и Бугом. *Я мог испортить за несколько дней свою репутацию, составленную в течение пятидесяти лет, а потому предпочел оставить армию* (курсив мой – Я.Н.). Я сумасшедший». Есть и более лаконичные интерпретации объяснений Каменским своей «поспешной ретирады» со слов встретившего его уже по дороге из Остроленки С. Н. Глинки, но суть все та же: «*я имел кое-какую славу пятьдесят лет, и хотят отнять ее у меня в одну минуту...*»; или «*я имел кое-какую славу пятьдесят лет! А там можно было ее потерять в одну минуту!*»

...**Между прочим**, немало исследователей той войны так и не смогли объяснить действия Михаила Федотовича Каменского с точки зрения военной логики и называли этот недельный период командования русской армией, мягко говоря, «странным». Не исключено, что с таким «странным» главнокомандующим русским войскам грозил очередной «Аустерлиц», чьи последствия могли оказаться еще плачевнее...

В тоже время, возможно, что пока русские войска согласно приказам Каменского хаотично перемещались по театру военных действий (*а по сути блуждали, не зная смысла этих «блужданий»*), старый фельдмаршал все же сдался на доводы Беннигсена, горевшего желанием принять бой у Пултуска и сославшегося при этом на полученное им повеление самого государя: «*защищать до последней возможности Кенигсберг*» (резиденцию прусского короля). Раздраженный отказом Беннигсена отступать, Каменский в самый последний момент, очень умело «сманеврировал» (**тактику он знал, по словам Суворова, крепко**): предпочел дальновидно «самоотставиться» (*избежать участи Кутузова после Аустерлица, испортившего тогда свою безупречную до того полководческую репутацию, и в случае разгрома – «негоднику Буонапартии» в ту пору противостоять в открытом поле было очень трудно – не оказаться «крайним»!*) и за несколько часов до грядущего сражения немедленно покинул армию, что вполне устроило Беннигсена.

Так русская армия, осталась без назначенного царем рулевого.

Беспорядочные распоряжения Каменского, введя противника в заблуждение, избавили русские войска от атаки всей неприятельской армии. Из этого и извлек для себя пользу Бен-

нигсен, имевший под Пултуском дело лишь с одним корпусом Ланна. Одновременно с Пултуским сражением произошел бой у Голымина, в котором несколько французских корпусов с кавалерией Мюрата обрушились на остатки разных дивизий, блуждавших в разных направлениях. Тогда как Буксгевден во время этих боев бездействовал с дивизией Тучкова в 15 верстах от обоих полей сражения. Только высокие ратные качества русских войск и искусство их генералов позволили русской армии избежать тогда катастрофы. А ведь она явно грозила ей из-за созданного Каменским хаоса в управлении войсками (*напомним, что уже будучи на удалении, в Остроленке, он не переставал чудить, отдавая беспорядочные приказания войскам, помимо их начальников: через голову корпусных – дивизионным и ниже*). И это при том, что Беннигсен открыто не желал подчиняться Буксгевдену, что внесло еще большую неразбериху в маневрировании русских войск.

Интересно другое: в конце декабря фельдмаршал еще думал возвратиться из Остроленки к армии, но накануне отъезда получил повеление об увольнении его от должности главнокомандующего. Кроме того, ему было приказано оставаться в Гродно. Каменский отлично понимал свое положение и 29 декабря писал своему любимому младшему сыну Николаю (отменно сражавшемуся в ту кампанию): *«Батюшка твой вместо командира обратился во дворецкие»*. Объясняя сыну свое поведение за время командования армией, он просил доложить Государю: *«отец твой, не могши хорошо делать дело государево, лучше захотел его оставить, нежели как испортить, спрашиваясь у других; голова и сердце у отца твоего прежние, но тело составилось, к бивуакам, да к езде»*.

Император все правильно понял и 21 февраля 1807 г. разрешил недужному старику уехать в Россию в его орловское поместье Сабурово-Каменское – доживать свой век.

Отдавший военной службе почти полвека, один из последних «екатерининских орлов», павловский фельдмаршал Михаил Федотович Каменский – человек по-солдатски храбрый и в тоже время взбалмошный, дерзкий и жестокий – не на много пережил своего знаменитого противника по полководческой славе А. В. Суворова, генералиссимусом ушедшего в *Бессмертие* на 70 году жизни. В 71 год Каменский был убит под Орлом, причем, погиб он не «орлом» на поле боя, а стал жертвой тривиальной криминальной драмы.

Существовало три версии его убийства, причем, везде в качестве убийц фигурируют крепостные или слуги фельдмаршала.

Так рассказывали, что на старости фельдмаршал подпал под влияние своей молодой (малолетней?) крепостной девки-любовницы – простой, грубой, необразованной и, притом, некрасивой. Она жила в его имении, на всем готовом. Но богатство и власть, которыми наделял ее фельдмаршал, не удовлетворяли эту женщину. Ей захотелось выйти замуж, для чего она подыскивала себе подходящего кандидата – полицейского чиновника, а от старика Каменского решила избавиться. Обещанием наград, она уговорила одного 15-летнего парня из дворовых (*родного брата которого до смерти забили розгами по приказу старого сатира-самодура, то ли им оказался её брат, служивший у фельдмаршала казачком?*), напасть на Михаила Федотовича в лесу, через который он во время поездок-прогулок часто проезжал на дрожках. Двум фореиторам и лакею, сопровождавшим фельдмаршала в поездках, категорически запрещалось оборачиваться назад на барина. Вот смерть и настигла несносного старика, никогда не кланявшегося пулям, но не на поле боя и даже не на смертном ложе, а в дрожках и... со спины! 12 августа 1809 г. юный убийца улучил момент (*выскочил сзади из рожи?*) и пока слуги, как положено, следили за дорогой, одним ударом топора разрубил фельдмаршалу череп вместе с языком. То ли все сопровождавшие старика Каменского были соучастниками убийцы, то ли – трусами, то ли неукоснительно следовали барскому наказу никогда не оборачиваться назад, но – во всяком случае они не защитили (*или не успели?*) барина.

В тоже время фельдмаршал мог погибнуть из-за грубого и жестокого обращения с двумя крепостными, которым он дал музыкальное образование.

Наконец, не исключали, что он погиб от руки своего конторщика, злоупотребившего его доверием и разоблаченного им.

Так или иначе, но по делу об убийстве Каменского пошло в Сибирь и было отдано в солдаты около 300 (!) человек. Правда, по слухам главная виновница кровавого преступления вроде бы осталась в стороне, благодаря протекции полицейского, за которого она вышла замуж.

...*Кстати сказать*, Михаил Федотович был женат на княжне Анне Павловне Щербатовой (1749 – 1826), дочери князя Павла Николаевича Щербатова (1722 -1781) от брака его с княжной Марией Фёдоровной Голицыной (1709 – 1769). По свидетельству графини Блудовой, Анна Павловна «была одной из первых красавиц своего времени, благородная душой, добрая сердцем, мягкая нравом. В замужестве она не была счастлива, и деспотический характер мужа много заставлял её страдать». Похоже, что супружеская жизнь Каменского, отчасти, была сродни суворовской. Супруги виделись довольно редко. Никого не любя, Каменский и сам не был никем любим за свой крутой, вспыльчивый и жестокий нрав. Со своей женой Каменский обращался дурно, прямо на её глазах «имея» любовниц. Будучи статс-дамой, с начала 1800-х годов она жила отдельно от мужа, который не скрывал от неё связи с простолюдинкой. Известно, что у него было два незаконнорождённых сына – Андрей и Пётр Менкаские, графского титула не унаследовавшие. В законном браке у него родились: дочь – Мария, замужем за писателем Григорием Павловичем Ржевским и два сына – в будущем очень известные генералы от инфантерии, немало повоевавшие за отечество в ближнем и дальнем зарубежье. Оба они, даже во взрослых летах, не смели ни курить, ни нюхать табак при отце. Старший – Сергей (1771—1835), генерал от инфантерии, участвовал в войнах с наполеоновской Францией, в русско-турецкой войне 1806—1812 гг.; в 1810—1811 гг. находился под начальством младшего брата, отличившись в сражении при Батине. Ревновал к славе своего брата, характером походил на отца, который, между прочим, его не любил и, случалось, поступал с ним крайне сурово, если не сказать жестоко. Так во время знаменитого скандального спора с Каховским о командовании армией после смерти Потемкина он послал за сыном Сергеем, чтобы отправить его с донесением к императрице. За опоздание на сутки отец дал сыну – уже подполковнику (!) – двадцать ударов арапником, причем, публично. С 1822 г. Сергей вышел в отставку. Дважды был женат и у него родилось 12 детей. Более знаменитый и одаренный, Николай (1776—1811), по общему мнению, был талантливым полководцем, полностью не раскрывшим себя из-за ранней смерти. Ученик Суворова (*участвовал в Швейцарском походе знаменитого фельд-маршала в 1799 г.*), он очень достойно проявил себя в войнах 1805 и особенно 1806 – 1807 гг. с наполеоновской Францией, командовал полком, дивизией. Возглавляя корпус, прославился в войне со Швецией 1808 – 1809 гг., где действовал по-суворовски – энергично и стремительно. Его особо привечал император Александр I и в 1810 – 1811 гг. он был главнокомандующим русской армией в войне с Турцией, болел изнурительной лихорадкой, действовал с переменным успехом, умер в Одессе в возрасте 35 лет, оставшись холостым. Отец отдавал предпочтение младшенькому, видя в нем незаурядное военное дарование, заботился о нем, интересовался его карьерой и любил с ним переписываться. В этих письмах встречаем мы различные замечания М. Ф. Каменского, рисующие его с совершенно разных сторон. Так, 18 июля 1808 г. он писал сыну: *«не будь красной девкой: первый раз что случится быть наедине с Государем, чуйсь и проси, как Багратиону дано, и многим другим, аренды. Вед отец твой не миллионщик; тогда можешь сказать обо мне, что ничего не приобрел собой, что ничего мне не жаловано. Не стыдись! не красней, спрос не беда»*. А вот в письме во время Шведской войны (1808) он писал *«Будучи в Финляндии, не следуй примеру прежних полководцев, не отнимай у мужиков ничего и того не терпи от подчиненных»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.